

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННОГО ЕСТЕСТВОЗНАНИЯ

Учредитель

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования «Кабардино-Балкарский
государственный университет им. Х.М. Бербекова»
36000, г. Нальчик, ул. Чернышевского, 173*

*Журнал зарегистрирован
в Министерстве РФ по делам печати, телерадиовещания
и средств массовых коммуникаций в 2003 г.
(свидетельство ПИ № 77-16938 от 28 ноября 2003 г.)*

Редакционная коллегия:

Главный редактор: Хапачев Ю.П. – доктор физ.-мат. наук, профессор, КБГУ, г. Нальчик
Зам. главного редактора: Дышеков А.А. – доктор физ.-мат. наук, профессор, КБГУ, г. Нальчик

- Аристов В.В. – чл.-корр. РАН, Институт проблем технологии микроэлектроники и особо чистых материалов, г. Москва
- Бахмин В.И. – председатель правления компании АНО «Центр инновационных общественных инициатив», г. Москва
- Григорьев М.С. – доктор химических наук, Институт физической химии РАН, г. Москва
- Ивахненко Е.Н. – доктор философских наук, профессор, г. Москва
- Ильяшенко Ю.С. – доктор физ.-мат. наук, профессор, МИРАН, г. Москва, ректор Независимого московского университета
- Карамурзов Б.С. – доктор технических наук, профессор, президент КБГУ, г. Нальчик
- Кетенчиев Х.А. – доктор биологических наук, профессор, КБГУ, г. Нальчик
- Кочесоков Р.Х. – доктор философских наук, профессор, КБГУ, г. Нальчик
- Крайzman В.Л. – доктор физ.-мат. наук, профессор, Мэрилендский университет, Национальный институт стандартов и технологий. США
- Лисичкин Г.В. – доктор химических наук, профессор, МГУ, г. Москва
- Лю Цзо И – доктор технических наук, профессор, Технологический университет, г. Гуанджоу, Китай
- Молодкин В.Б. – чл.-корр. НАН Украины, профессор, Институт металлофизики НАН Украины, г. Киев
- Оранова Т.И. – доктор химических наук, профессор, КБГУ, г. Нальчик
- Ошхунов М.М. – доктор технических наук, профессор, КБГУ, г. Нальчик
- Савин Г.И. – академик РАН, профессор, Отдел информатики и вычислительной техники РАН, г. Москва
- Скворцов Н.Г. – доктор социологических наук, профессор, С.-Пб. госуниверситет, г. Санкт-Петербург
- Ткачук В.А. – академик РАН, академик АМН, профессор, МГУ, г. Москва
- Тлибеков А.Х. – доктор технических наук, профессор, КБГУ, г. Нальчик
- Филатов В.П. – доктор философских наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва
- Шустова Т.И. – доктор биологических наук, профессор, С.-Пб. НИИ уха, горла, носа и речи, г. Санкт-Петербург
- Шхануков М.Х. – доктор физ.-мат. наук, профессор, КБГУ, г. Нальчик

Ю.П. Хапачев – доктор физ.-мат. наук, профессор

А.А. Дышеков – доктор физ.-мат. наук, профессор

Т.И. Оранова – доктор хим. наук, профессор

Т.И. Шустова - доктор биол. наук, профессор

СОВРЕМЕННАЯ ЕСТЕСТВЕННО-НАУЧНАЯ КАРТИНА МИРА

Курс лекций

III–V части

Часть III. ЖИВЫЕ СИСТЕМЫ

Они, повторяю, не сказали ни слова правды, а от меня вы услышите всю правду. Только, клянусь Зевсом, афиняне, вы не услышите разряженной речи, украшенной, как у них, разными оборотами и выражениями, я буду говорить просто, первыми попавшимися словами – ведь я убежден в правоте моих слов, – и пусть никто из вас не ждет ничего другого; да и не пристало бы мне в моем возрасте выступать перед вами, афиняне, наподобие юноши, с сочиненной речью.

Платон

Биология, физика и химия – концептуальные разделы естествознания, которые позволяют изучать структуру и функции живых информационных систем вплоть до людей (Номо) современного типа. Сведения, касающиеся их видовой принадлежности, происхождения и эволюции, получены при исследованиях в области палеоантропологии, генетики, а также в эволюционной психологии и позволяют ответить на многие вопросы, давно интересующие человека разумного. Часть таких ответов будет представлена в последующих лекциях. В то же время, не являясь специалистами и уж тем более высокими профессионалами в этих областях знаний, авторы не претендуют на полное и всеобъемлющее изложение данных по эволюционной биологии человека или детальный анализ представлений об антропогенезе. Кроме того, авторы не владеют в должной мере научным языком **генетиков, антропологов и, особенно, эволюционистов – психологов**, поэтому стиль изложения с многочисленными заимствованиями из публикаций настоящих специалистов может вызвать у многих из них ироническую улыбку. В этой связи уместно напомнить указ Петра Первого: «Пехотному офицеру, проезжающему мимо кавалерийской части, надлежит спешиться и провести коня под уздцы, дабы видом своим не вызывать насмешки настоящих кавалеристов». «Просим как, профессионалов, так и обычных читателей считать, что в этой части авторы спешились».

Неудивительно, что случай имеет над нами такую огромную власть; ведь то, что мы живем, – тоже случайность.

Сенека

Лекция 16. ЭВОЛЮЦИЯ. АКСИОМЫ БИОЛОГИИ И БИОЛОГИЧЕСКИЕ КОНСТАНТЫ

«Людвиг Больцман назвал XIX столетие веком Дарвина. Он полагал, тем самым, что теория эволюции Дарвина, основанная на принципе естественного отбора, является наиболее значительным открытием XIX века. Такой вывод может показаться неожиданным.

Действительно, XIX век был богат великими открытиями в естествознании, в частности в физике. Ведь XIX век – это век термодинамики, созданной в значительной мере трудами Сади Карно, Рудольфа Клаузиуса и Вильяма Томсона. Это век электромагнитной теории Майкла Фарадея и Джеймса Максвелла.

В XIX веке были заложены и основы современной молекулярно-кинетической теории материи. Одним из ее основателей, наряду с Джеймсом Максвеллом, был сам Людвиг Больцман. Именно он предложил первое кинетическое уравнение для описания необратимых процессов в газах. Оно описывает, в частности, установление равновесного состояния в газе.

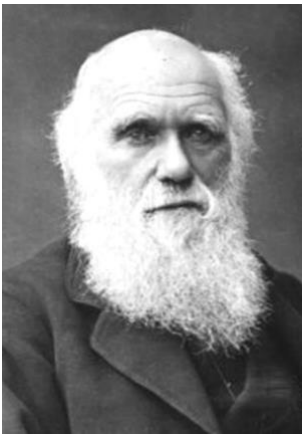
При этом Больцман фактически радикально изменил модель макроскопической среды – разреженного газа. Вместо модели частиц газа, движение которых описывается системой обратимых уравнений Гамильтона, он использовал модель сплошной среды в шестимерном фазовом пространстве координат и компонент импульса.

Больцман также ввел впервые и статистическое определение одной из основных характеристик термодинамики – энтропии. Он доказал знаменитую *H*-теорему Больцмана о возрастании энтропии во внешне замкнутой системе. Переоценить заслуги Больцмана просто невозможно. И все же именно Больцман определил XIX век как век Дарвина. Тем самым на первое место он поставил теорию биологической эволюции.

В чем же дело?

Во времена Больцмана не существовало каких-либо математических моделей биологической эволюции. Больцман, однако, был уверен, что развитая им теория временной эволюции газа будет обобщена и на открытые системы. Теория эволюции Дарвина была первым шагом в теории эволюции открытых систем. Больцман был одним из немногих, кто понял важность этого «первого шага». Это и определило его оценку теории Дарвина как величайшего открытия XIX века.

Таким образом, уже на пороге XX столетия стало ясно, что задача развития теории неравновесных процессов в физических и биологических системах является одной из важнейших в естествознании. Оказалось, однако, что от понимания важности проблемы до ее даже далеко неполного решения потребовалось почти целое столетие» (Климонтович Ю.Л. Введение в физику открытых систем. – М.: Янус-К, 2002. – 284 с.).

Чарлз Роберт Дарвин (12.02.1809 – 19.04.1882) – английский натуралист и путешественник, одним из первых пришел к выводу и обосновавший идею о том, что все виды живых организмов эволюционируют во времени и происходят от общих предков. В своей теории, развернутое изложение которой было опубликовано в 1859 г. в книге «Происхождение видов», основным механизмом эволюции Дарвин назвал естественный отбор. Позднее развивал теорию полового отбора. Ему также принадлежит одно из первых обобщающих исследований о происхождении человека. Генетика, как наука, тогда еще не существовала.

Грегор Иоганн Мендель (20.07.1822 – 06.01.1884) – австрийский биолог и ботаник, монах-августинец, аббат. Основатель учения о наследственности, позже названного по его имени менделизмом. Открытие им закономерностей наследования моногенных признаков (эти закономерности известны теперь как законы Менделя) стало первым шагом на пути к современной генетике.

Важнейшим аргументом креационистов является утверждение о невозможности самопроизвольного развития сложных структур из простых на основе случайных изменений. Часто при этом приводят второе начало термодинамики, согласно которому невозможен самопроизвольный рост упорядоченности, а сам собой возрастает только хаос.

Подобные рассуждения изобилуют логическими ошибками: аналогии не соответствуют объясняемому феномену, а физические законы привлекаются не к месту, то есть делается попытка применить их за пределами установленной для них области применимости. Ранее мы уже говорили, что второе начало термодинамики справедливо только для изолированных систем, которые не получают энергии из внешней среды. Живые организмы, напротив, всегда получают энергию извне и, расходуя часть этой энергии на повышение упорядоченности внутри себя, создают при этом упорядоченный хаос снаружи. Поэтому никакого противоречия между развитием жизни и вторым началом термодинамики просто не существует. О возможности самоорганизации – самопроизвольного рождения порядка из хаоса мы уже говорили ранее, там же была показана возможность экспериментальной проверки и теоретически обосновано само явление самоорганизации для самых разных типов открытых неравновесных систем. Обо всем этом мы уже говорили ранее в соответствующих лекциях.

Кроме того, говоря о «случайности», якобы лежащей в основе предполагаемых механизмов эволюции, креационисты занимаются откровенным передергиванием. Они спекулируют на многозначности и расплывчатости термина «случайность». В действительности эволюция основана не на случайностях, а на вполне строгих закономерностях (о которых мы еще будем говорить). Даже мутации, которые до недавнего времени действительно было принято считать случайными, на самом деле далеко не всегда таковы (см. главу «Управляемые мутации» в книге А.В. Маркова «Рождение сложности» [21]). Дарвиновский механизм естественного отбора сам по себе вполне достаточен для того, чтобы придать эволюционному процессу упорядоченность. Пусть даже первичные изменения (мутации) происходят случайно – благодаря действию отбора запоминание системой произошедших изменений происходит уже не случайно, а строго закономерно. Это избирательное запоминание и производит новую информацию и новую сложность. Следует заметить, что математикам (и не только им) хорошо известна так называемая *S*-теорема Ю.Л. Климонтовича, представляющая собой строгое математическое доказательство того, что новая информация (или «отрицательная энтропия», упорядоченность) порождается сочетанием случайного изменения состояния системы с последующим необходимым (избирательным) запоминанием результатов изменения. Иными словами, эволюционный механизм, предложенный Дарвином, является совершенно адекватным и достаточным объяснением самопроизвольного усложнения живых систем в ходе эволюции – как с точки зрения биологии, так и с точки зрения физики и математики (См. Борисов Н.М. Эволюция, случайность, энтропия (о том, как Дарвин и Клаузиус оказались правыми одновременно) <http://evolbiol.ru/evidence10.htm#borisov1>).

Основная задача биологии состоит в том, чтобы понять все явления живой природы исходя из научных законов, учитывая при этом, что ***целому организму присущи свойства, в корне отличающиеся от свойств частей, его составляющих.***

Как это ни странно, но мы не можем пока дать строгого определения жизни и не можем сказать, как и когда она возникла. Максимум того, что пока возможно – это перечислить и описать те признаки, которые отличают ее от неживой материи и высказать научные гипотезы о ее происхождении и эволюции. Перечислим некоторые основные признаки живых систем: питание, дыхание, раздражимость, подвижность, выделение, размножение, рост изнутри (кристаллы растут с поверхности). Перечисленные признаки – лишь наблюдаемые проявления главных свойств живой материи, то есть ее способность извлекать, превращать и использовать энергию, получаемую извне. Они вам известны из курса школьной биологии и не нуждаются в комментариях. Кроме них существуют, конечно, и другие, не менее «главные».

«Общепринятого определения жизни не существует (в биологии вообще с определениями трудно – обычно, чем строже определение, тем хуже оно работает). Одни ученые полагают, что жизнь – скорее процесс, чем структура, и определяют ее, например, как «процесс сохранения неравновесного состояния органической системы извлечением энергии из среды». Такому определению могут соответствовать и системы, не имеющие четких пространственных границ, – автокаталитические циклы, «живые растворы». Другие подчеркивают обязательную дискретность живых объектов и считают, что понятие «жизнь» неотделимо от понятия «организм». Третьи подчеркивают информационную природу жизни и определяют ее как способность некоего фрагмента информации («репликатора») к самокопированию с использованием ресурсов внешней среды. Под это определение подходят не только биологические вирусы, но и компьютерные и даже распространяющиеся в обществе слухи, верования и т.п. Но это, пожалуй, чересчур широкий взгляд на жизнь» (Марков А.В. Рождение сложности. Эволюционная биология сегодня. Неожиданные открытия и новые вопросы. Астрель Corpus. – М., 2015).

Нам известна только одна жизнь – земная, и мы не знаем, какие из ее свойств являются обязательными для любой жизни вообще. Рискнем, однако, несколько таких свойств все-таки назвать. В этой лекции они будут сформулированы в виде аксиом. Кроме того, предварительно сформулируем два основных положения, которые (рискнем опять предположить) являются общими для любого варианта жизни. Это, во-первых, наличие наследственной информации, во-вторых – активное осуществление функций, направленных на самоподдержание и размножение, а также на получение энергии, необходимой для выполнения всей этой работы.

Все живое на Земле справляется с перечисленными задачами при помощи трех классов сложных органических соединений: ДНК, РНК и белков. ДНК взяла на себя первую задачу – хранение наследственной информации. Белки отвечают за вторую: они выполняют все виды активных «работ». Разделение труда у них очень строгое. Белки не хранят наследственную информацию, ДНК не совершает активной работы (в биологии, в отличие от физики, почти не бывает правил без исключений, в данном случае исключения тоже есть, но очень редкие и не делающие погоду¹).

Молекулы третьего класса веществ – РНК – служат посредниками между ДНК и белками, обеспечивая считывание наследственной информации. При помощи РНК осуществляется синтез белков в соответствии с записанными в молекуле ДНК «инструкциями». Некоторые из функций, выполняемых РНК, очень похожи на функции белков (активная работа по прочтению генетического кода и синтезу белка), другие

¹ Полезно знать, откуда взято употребление фразы «Исключение подтверждает правило». Эту фразу, которая, очевидно, нелогична, применяют совершенно неверно. Выражение это образовалась как парафраз из речи Цицерона в защиту Луция Корнелия Бальба старшего. Обвиняли его в том, будто бы он получил римское гражданство незаконно. Дело слушалось в 56 г. до н.э. Бальб был уроженцем Гадеса (совр. название Кадис), служил под началом Помпея, с которым сошелся и был дружен; Помпей и был спонсором его гражданства. Подоплека обвинения была, как и в большинстве тогдашних громких дел, политической. Хоть сам Бальб был активен политически, но удар, безусловно, направлялся на триумвиров Первого триумvirата (Цезаря, Красса и Помпея).

В защиту Бальба выступали не только Цицерон, но и Помпей и Красс. Дело было выиграно. В своей речи Цицерон приводит такой аргумент. В некоторых межгосударственных соглашениях о взаимном признании Рима с соседними странами был пункт, явно исключая двойное гражданство: жители тех стран не могли стать римскими гражданами, не отказавшись сперва от своего. Гражданство Бальба было двойным; это и была формальная сторона обвинения. Цицерон говорит, что, поскольку в некоторых соглашениях такое исключение есть, то те соглашения, в которых его нет, подчиняются противоположному правилу, а именно позволяют двойное гражданство. Иными словами, если существует исключение, то должно быть и правило, из которого это исключение сделано, даже если это правило явно никогда не формулировалось. Таким образом, существование исключений подтверждает существование правила, из которого эти исключения делаются. Не исключения подтверждают правило, а существование исключений подтверждает существование правила!

напоминают функции ДНК (хранение и передача информации). И все это РНК делает не в одиночку, а при активном содействии со стороны белков. На первый взгляд, РНК кажется «третьей лишней». В принципе нетрудно представить себе организм, в котором РНК вовсе нет, а все ее функции поделили между собой ДНК и белки. Правда, таких организмов в природе не существует.

Тем, кто совсем позабыл школьный курс биологии и напрочь не помнит, что такое транскрипция, трансляция, рибосомы, каково химическое строение белков и к какому классу биополимеров относится словосочетание «двойная спираль», могут подсмотреть необходимую информацию, например, вот здесь:

<http://www.fizhim.ru/student/files/biology/biolections/lection05.html> или здесь:

<http://vadim-blin.narod.ru/axiomatica/main.htm>.

Приведем теперь один принципиально важный пример, который мы называем «нулевой аксиомой биологии». Нулевой потому, что в свое время Б.М. Медников предложил биологическую аксиоматику, состоящую из четырех аксиом [16]. Эти аксиомы мы изложим позже «нулевой».

Нулевая аксиома

В 1847 г. Л. Пастер сделал фундаментальное открытие, которое долгое время не находило объяснения и по достоинству было оценено фактически в последние годы. Л. Пастер обнаружил, что в живых организмах аминокислоты и сахара являются оптически активными. То есть, они вращают плоскость поляризации (двойку векторов напряженности электрического \mathbf{E} и магнитного \mathbf{H} полей вокруг вектора скорости \mathbf{v}) падающего на них оптического излучения. Удивительным оказался при этом следующий факт. Все природные аминокислоты – левосторонние стереоизомеры, т.е. плоскость \mathbf{EH} вращается влево (рис. 18а). Все природные сахара – правосторонние стереоизомеры, т.е. плоскость \mathbf{EH} вращается вправо (рис. 18б).

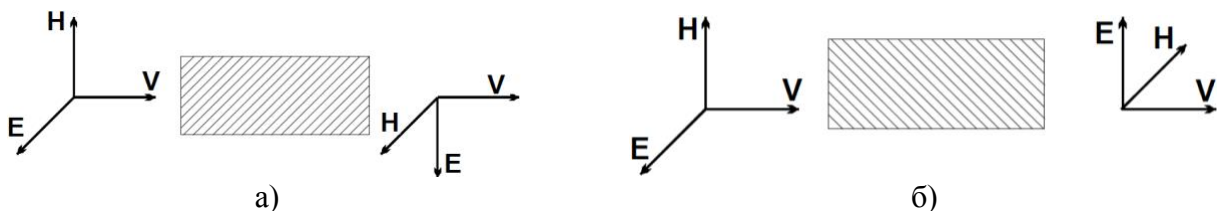

Рис.18. Вращение плоскости поляризации в оптически активной среде:
а) левосторонний стереоизомер; б) правосторонний стереоизомер

При искусственном синтезе этих биохимических соединений образуются смеси оптически неактивные (в них равное количество лево- и правовращающих молекул), что является, с термодинамической точки зрения, наиболее выгодным состоянием. Поэтому открытие Л. Пастера представляет собой не только один из важных признаков, отличающих живое от неживого, но и требует объяснения указанной асимметрии. Другими словами, любая научная гипотеза, делающая попытки объяснить происхождение жизни, должна включать в себя объяснение условий, при которых из первоначально симметричной системы возникла *киральная система* – *система с нарушенной симметрией* (вспомните наш разговор о симметрии в лекции 3, третий пример).

Одно из таких первых объяснений принадлежит Л.Л. Морозову и было сделано в начале 80-х годов XX века (в настоящее время появились и другие теории (см. [17])). Вы теперь достаточно подготовлены, чтобы понять его. Вкратце выводы Л.Л. Морозова следующие. Нет никаких механизмов (*вообще-то это не совсем так*), в результате которых кирально чистые системы могли сформироваться эволюционным путем. Тогда, как вы знаете, остается еще возможность формирования системы с нарушенной (сниженной) симметрией в результате бифуркации при самоорганизации.

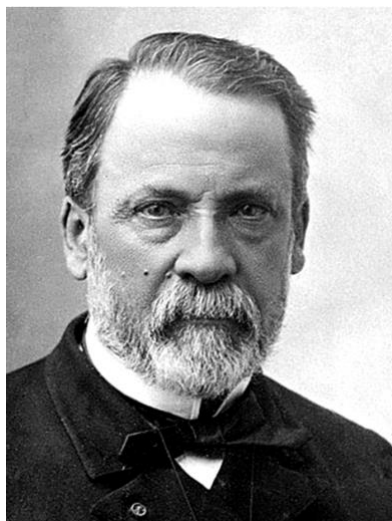
Таким образом, возникновение жизни следует рассматривать как «благоприятную» катастрофу, происшедшую в точке бифуркации. Ясно, что при таком подходе теория объяснения жизни должна перейти в область физики конденсированного состояния и кооперативных явлений. Кроме того, самовоспроизведение на молекулярном уровне кирально чистых систем, являясь проблемой физической теории, становится еще одним признаком живого.

В настоящее время эволюционные теории происхождения жизни заменяются теориями скачка, основанными на теории бифуркаций и катастроф. Тем самым появляется, в принципе, возможность рассчитать время происхождения жизни. Совокупность указанных представлений сформировала представление о «биологическом взрыве».

Сформулируем теперь нулевую аксиому в следующем виде (Хапачев Ю.П. Фундаментальные константы химии и биологии // Российский химический журнал (Журнал Российского химического общества им. Д.И. Менделеева). – 2000. – Т. 44. – Вып. 3. – С. 3–6.).

Аксиома 0. Естественное происхождение жизни связано с появлением киральной асимметрии ее основных носителей, что проявляется в отборе определенных форм киральных носителей.

В такой формулировке утверждение аксиомы функционально, т.е. не зависит от того, на основе каких носителей устроена жизнь (это может быть и не наша земная жизнь). Важно следующее. Если жизнь возникла в процессе самоорганизации, то с необходимостью возникает отбор определенных форм (левых или правых) киральных носителей. При искусственном возникновении этого могло и не быть, если, конечно, не предположить, что те, кто создавал нашу с вами жизнь, специально нарушил соотношение между правыми и левыми киральными формами, дабы мы, созрев до нынешнего понимания самоорганизации, так и не могли бы решить вопрос о том, как и кем все-таки она создана.

Луи Пастёр (27.12.1822 – 28.09.1895) – французский микробиолог и химик, член Французской академии (1881). Пастер, показав микробиологическую сущность брожения и многих болезней человека, стал одним из основоположников микробиологии и иммунологии. Его работы в области строения кристаллов и явления поляризации легли в основу стереохимии. Также Пастер поставил точку в многовековом споре о самозарождении некоторых форм жизни в настоящее время, опытным путём доказав невозможность этого (см. Зарождение жизни на Земле). Его имя широко известно в ненаучных кругах благодаря созданной им и названной позже в его честь технологии пастеризации².

² Изобретатель консервов Николя Аппер.

«Ладзаро Спалланцани, воодушевленный открытиями Левенгука, обнаружил, что микробы тоже размножаются – делятся пополам, давая начало таким же микроорганизмам. Мало того, когда он кипятил бульон и плотно закрывал его крышкой, никаких микробов там не появлялось.

Конечно, это был чисто научный спор о зарождении живых существ, так сказать, исследование начала начал, но и кое-какая практическая польза из этого вышла. Об опытах Спалланцани прознал французский повар по имени Николя Аппер. В микробах, происхождении жизни, витализме и прочих энтелехиях он ничего не понимал, зато отлично разбирался в мясных подливках и бульонах, которые Спалланцани использовал в качестве питательной среды. А как раз в это время Наполеон ввиду грядущих военных кампаний был обеспокоен вопросами

Перейдем теперь к формулировке остальных аксиом биологии, впервые сформулированных Б.М. Медниковым. (Медников Б.М. Аксиомы биологии. *Biologia axiomatica*. – М.: Знание. 1982. – 136 с.).

Первая аксиома

Дж. фон Нейман, опираясь на результаты работ Н. Винера по кибернетике и К. Шенона по теории информации, поставил в свое время следующую задачу. Возможно ли построить такую машину, которая, следуя заложенной в ней инструкции, сама создала бы точную копию самой себя? Иными словами, возможно ли построить саморазмножающийся автомат? Задача была решена, и при этом выяснилось следующее. Во-первых, создать такую машину можно, но существует определенный порог сложности, ниже которого она не может воспроизвести себе подобную. Предельная сложность, кстати, оказалась не столь уж и большой, порядка миллиона бит, т.е. машина должна состоять не меньше чем из 10000 элементов. Другой вопрос, конечно, что это за элементы, как их скомпоновать и т.д., но важнее, как мы увидим, другое.

Казалось, все просто на пути «биологического» размножения аппаратов. Но оказалось, и это получалось из решения задачи, «дочерняя» машина будет бесплодной, как мул, ибо в ней нет уже программы с воспроизводством. Поэтому для появления третьего поколения, в «материнской» машине надо предусмотреть копирующее устройство, передающее по наследству еще и копию программы. Таким образом, согласно Дж. фон Нейману, по наследству передается не структура, а описание структуры и инструкция по ее изготовлению. В итоге, весь процесс размножения состоит из двух различных операций: копирования программы, называемой *генотипом*, и конструирования собственно организма – *фенотипа*. В итоге первую аксиому можно сформулировать в следующем виде.

Аксиома 1. Все живые организмы должны быть единством фенотипа и генотипа (программы для построения фенотипа), передающегося по наследству от поколения к поколению.

В такой формулировке эта аксиома также функциональна. Она не связана с какими-либо конкретными химическими веществами, обуславливающими жизнь. В земных условиях основа фенотипа – белки, основа генотипа – нуклеиновые кислоты. Здесь мы не останавливаемся на открытой недавно особой форме наследственности. Так называемые прионные белки способны передавать информацию о своей пространственной форме от одного белка к другому без участия ДНК. В другой галактике или планетной системе жизнь может быть построена на другой структурной основе, но по единому для всей Вселенной принципу аксиомы 1. То есть принцип раздельного копирования фенотипа и генотипа остается неизменным. Жизнь же на основе только одного фенотипа или одного генотипа

снабжения армии. Ведь армейская кухня вынуждена была вести за собой в обозе целые стада и грабить население – а это для дальновидного военачальника ненадежные и неудобные способы снабжения. Поэтому Наполеон в 1804 г. подал в Сенат прошение об учреждении премии тому, кто изобретет способ долгого хранения продуктов. Сенат, естественно, так и сделал (Наполеон к этому времени уже был пожизненным Первым консулом), учредив внушительную по тем временам премию в 12 тыс. франков. И Аппер решил во что бы то ни стало ее получить. Повар подумал, что ученый монах подкинул неплохую идею: сделать жаркое, прокипятить его, положить в чистую банку и хорошенько закупорить. Так были изобретены консервы, и изобретателем их по сей день считается Аппер. А нам с вами нужно хорошо понимать, что люди с практической сметкой даже из самого отвлеченного теоретического знания могут извлечь пользу – если, конечно, эти теории покоятся на реальных законах природы». А.В. Марков (там же).

невозможна, так при этом нельзя обеспечить ни самовоспроизведения самой структуры, ни ее самоподдержания.

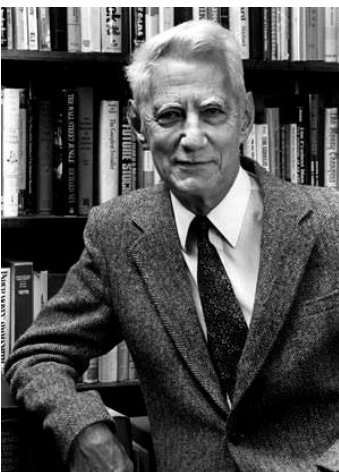

Джон фон Нейман (28.12.1903 – 8.02.1957) – венгеро-американский математик еврейского происхождения, сделавший важный вклад в квантовую физику, квантовую логику, функциональный анализ, теорию множеств, информатику, экономику и другие отрасли науки.

Наиболее известен как человек, с именем которого связывают архитектуру большинства современных компьютеров (так называемая архитектура фон Неймана), применение теории операторов к квантовой механике (алгебра фон Неймана), а также как участник Манхэттенского проекта и как создатель теории игр и концепции клеточных автоматов.

Норберт Винер (26.11.1894 – 18.03.1964) – американский учёный, выдающийся математик и философ, основоположник кибернетики и теории искусственного интеллекта.

Клод Элвуд Шеннон (30.04.1916 – 24.02.2001) – американский инженер, криптоаналитик и математик. Считается «отцом информационного века». Является основателем теории информации, нашедшей применение в современных высокотехнологических системах связи. Предоставил фундаментальные понятия, идеи и их математические формулировки, которые в настоящее время формируют основу для современных коммуникационных технологий. В 1948 г. предложил использовать слово «бит» для обозначения наименьшей единицы информации (в статье «Математическая теория связи»). Кроме того, понятие энтропии было важной особенностью теории Шеннона. Он продемонстрировал, что введённая им энтропия эквивалентна мере неопределённости информации в передаваемом сообщении.

Статьи Шеннона «Математическая теория связи» и «Теория связи в секретных системах» считаются основополагающими для теории информации и криптографии. Клод Шеннон был одним из первых, кто подошёл к криптографии с научной точки зрения, он первым сформулировал её теоретические основы и ввёл в рассмотрение многие основные понятия. Шеннон внёс ключевой вклад в теорию вероятностных схем, теорию игр, теорию автоматов и теорию систем управления – области наук, и входящие в понятие «кибернетика».

Вторая аксиома

В 1927 г. на III Всесоюзном съезде зоологов, анатомов и гистологов в Ленинграде выдающимся биологом Н.К. Кольцовым фактически была четко сформулирована вторая аксиома биологии. Этот принцип остается до сих пор незыблемым, хотя с тех пор представления о природе наследственных молекул кардинально изменились. Сформулируем ее также в функциональном виде.

Аксиома 2. «Наследственные молекулы» синтезируются матричным путем. В качестве матрицы, на которой строится ген будущего поколения, используется ген предыдущего поколения.

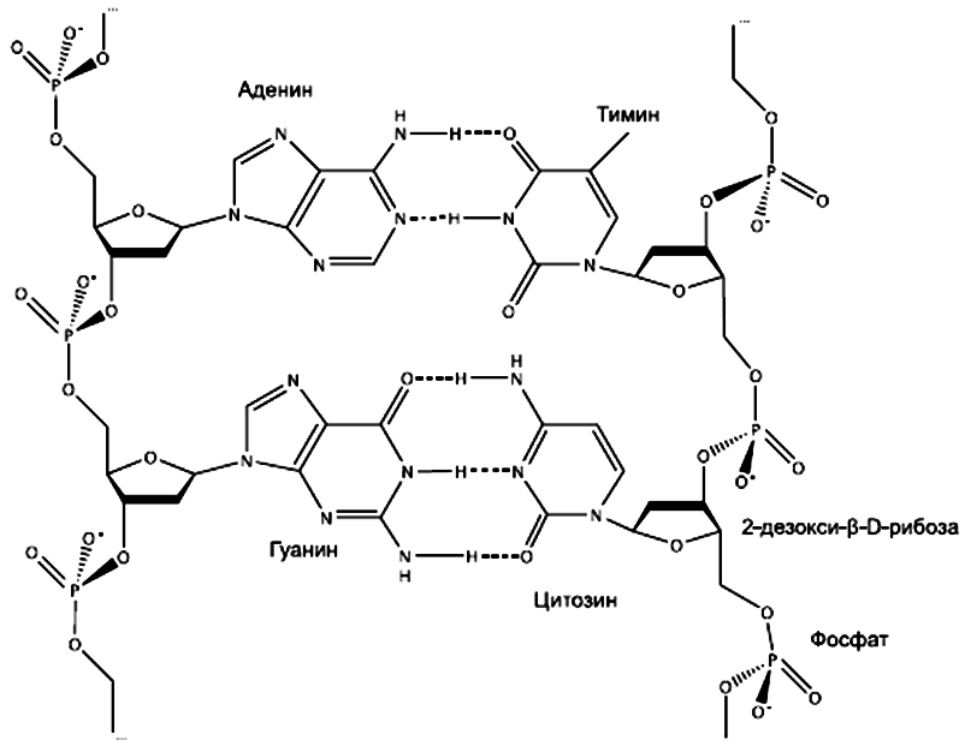
В 50-х годах XX века структура «наследственной молекулы» была расшифрована будущими Нобелевскими лауреатами Ф. Криком и Дж. Уотсоном, которые также показали, что в ней самой заложена способность к матричному копированию. Веществом наследственности для нашей жизни оказались *дезоксирибонуклеиновая кислота* (ДНК), а для некоторых вирусов – *рибонуклеиновая кислота* (РНК).

Таким образом, вторая аксиома постулирует, что жизнь (в своей статике) – это матричное копирование с последующей самосборкой копий. Сам принцип матричного копирования основан на свойстве *комплементарности* нуклеотидных остатков. Комплементарность же обусловлена определенным видом химической связи, так называемой водородной связи.

РНК – полимер, состоящий из множества похожих «кирпичиков» – рибонуклеотидов, каждый из которых, в свою очередь, собран из трех частей. Первая из них – фосфорная кислота (фосфат), неорганическое вещество, которого довольно много в земной коре и океанах. Вторая – азотистое основание. В состав РНК входят четыре азотистых основания: А (аденин), У (урацил), Г (гуанин) и Ц (цитозин); соответственно, существует четыре вида рибонуклеотидов. Азотистые основания могли синтезироваться из неорганических молекул (таких как CO, HCN и NH₃ еще в протопланетном облаке. Их находят и в метеоритах. Третья – сахар рибоза – образуется в ходе автокаталитической реакции Бутлерова.

Четыре составных блока молекулы РНК – нуклеотиды аденозин (аденин + рибоза), гуанозин (гуанин + рибоза), уридин (урацил + рибоза) и цитидин (цитозин + рибоза), к каждому из которых присоединено по одному остатку фосфорной кислоты. АТФ (главная энергетическая молекула живой клетки) представляет собой аденозин с тремя фосфатами.

В молекуле ДНК урацила нет, вместо него там Т (тимин) причем, взаимно комплементарны А–Т и Г–Ц. Таким образом, молекулы ДНК (как и РНК) способны к самокопированию, правда, для этого нужны катализаторы – белки или рибозимы. Наследственная информация, хранящаяся в ДНК в виде последовательности нуклеотидов, может «переписываться» на РНК (так создаются матричные РНК, мРНК) и обратно. Точность копирования обеспечивается в значительной мере автоматически – благодаря особому свойству нуклеотидов, которое называют свойством комплементарности: против каждого нуклеотида исходной молекулы (матрицы) в синтезируемой копии (реплике) может встать только один, строго определенный нуклеотид из четырех возможных. Напротив гуанина (Г) всегда становится цитозин (Ц), напротив урацила (У) или замещающего его в молекуле ДНК тимина (Т) – только аденин (А). Когда на этой реплике синтезируется новая реплика, она окажется точной копией исходной молекулы.

Фрагмент двойной цепи ДНК. По краям – «скелеты» одиночных цепей, составленные из остатков дезоксирибозы и фосфорной кислоты. В центре – две пары азотистых оснований, соединенных друг с другом по принципу комплементарности. Между аденином (А) и тиминном (Т) образуются две водородные связи, между гуанином (Г) и цитозином (Ц) – три.

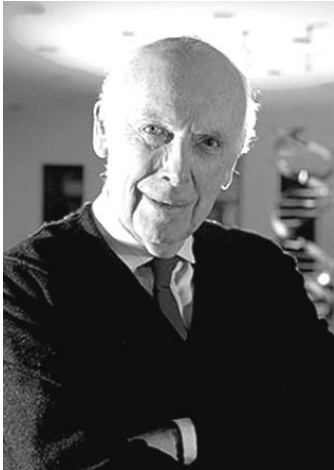
Поэтому аденин может склеиться только с тиминном, а гуанин – только с цитозином

Генетический код – это универсальный для всех живых существ способ, посредством которого первичная структура белковой молекулы (последовательность аминокислот) «кодируется» в молекуле ДНК (или РНК). Каждая аминокислота кодируется тремя нуклеотидами (кодоном, или триплетом). Нуклеотидов в ДНК всего 4, поэтому они могут образовывать $4^3 = 64$ разных триплетов. Аминокислот в белках всего 20, поэтому генетический код «избыточен»: многие аминокислоты кодируются не одним, а несколькими взаимозаменяемыми кодонами. Считывание генетической информации происходит в два этапа. Сначала информация «переписывается» с ДНК на РНК (транскрипция). Эту операцию осуществляет специальный фермент – ДНК-зависимая РНК-полимераза. Полученная в результате транскрипции молекула РНК, содержащая «инструкцию» по синтезу белка, называется матричной РНК (мРНК). Выполнение этой «инструкции», то есть синтез белка (трансляция), осуществляется рибосомами. Подробнее это можно прочитать в книге Марокова А.В. «Рождение сложности».

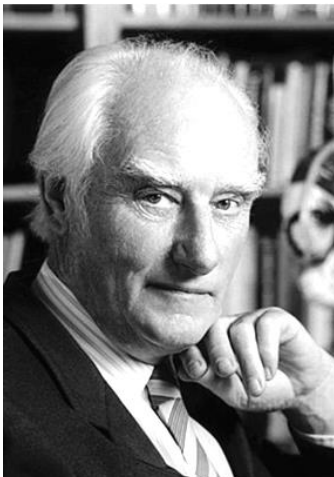
Никола́й Константи́нович Ко́льцо́в (3(15).07.1872 – 02.12.1940) – русский биолог, основатель русской советской школы экспериментальной биологии, автор основополагающей идеи матричного синтеза хромосом. Член-корреспондент Петербургской академии наук с 1916 г. (Академии наук СССР – с 1925 г.), академик ВАСХНИЛ (1935 г.). Заслуженный деятель науки РСФСР (1934 г.).

Известные ученики: И.А. Рапопорт, Н.В. Тимофеев-Ресовский, В.П. Эфроимсон, Н.П. Дубинин.

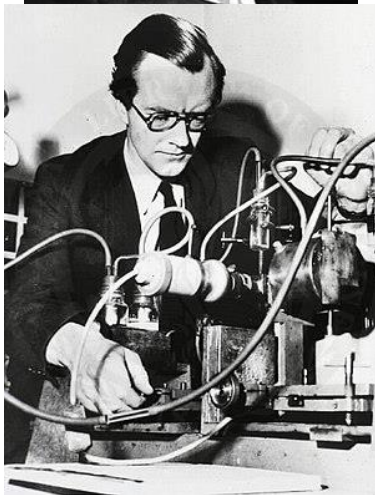

Джеймс Дьюи Уотсон (род. 6.04.1928) – американский биолог. Лауреат Нобелевской премии по физиологии и медицине 1962 г. – совместно с Фрэнсисом Криком и Морисом Х.Ф. Уилкинсом за открытие структуры молекулы ДНК.

В 1952 г. Уотсон и Крик стали работать над моделированием структуры ДНК. Используя правила Чаргаффа и рентгенограммы Розалинд Франклин и Мориса Уилкинса – они построили двухспиральную модель. Результаты работы опубликовали 30 мая 1953 года в журнале Nature.

Фрэнсис Крик (08.06.1916 – 28.07.2004) – британский молекулярный биолог, биофизик и нейробиолог. Лауреат Нобелевской премии по физиологии и медицине 1962 г. – совместно с Джеймсом Д. Уотсоном и Морисом Х.Ф. Уилкинсом с формулировкой «за открытия, касающиеся молекулярной структуры нуклеиновых кислот и их значения для передачи информации в живых системах»

Морис Хью Фредерик Уилкинс (15.12.1916 – 05.10.2004) – английский физик и молекулярный биолог, лауреат Нобелевской премии по физиологии и медицине 1962 г. (совместно с Джеймсом Уотсоном и Фрэнсисом Криком) «за открытия, касающиеся молекулярной структуры нуклеиновых кислот и их значения для передачи информации в живой материи». Внёс вклад в такие области научного знания, как фосфоресценция, разделение изотопов, оптическая микроскопия и рентгеновская дифракция, а также усовершенствовал радар. Морис Уилкинс широко известен благодаря работе по определению структуры ДНК в Королевском колледже Лондонского университета (King's College London).

Розалинд Франклин (25.07.1920 – 16.04.1958) – английский биофизик и учёный-рентгенограф, занималась изучением структуры ДНК.

Розалинд Франклин известна в большей степени своей работой над получением рентгенограмм структуры ДНК. Сделанные ею снимки отличались особой чёткостью и, по некоторым сведениям, послужили основанием для выводов о структуре ДНК, сделанных и опубликованных впоследствии в журнале «Nature» работавшими в Кавендишской лаборатории Кембриджского университета Джеймсом Уотсоном и Фрэнсисом Криком.

После завершения работы над своей частью исследования ДНК Франклин начала первую в своём роде работу по исследованию вирусов табачной мозаики и полиомиелита. Скончалась от рака в 1958 г., за четыре года до вручения Нобелевской премии за исследование нуклеиновых кислот.

Третья аксиома

Установлено, чтобы вызвать единичную *мутацию* – наследственное изменение генетической программы – требуется подвести к ДНК *минимальную энергию* $E_{min} \sim 2,5 \div 3$ эВ. Средняя же энергия теплового движения молекул, окружающих ДНК при обычных для живого организма температурах, составляет примерно $E_{cp} = 0,025$ эВ. То есть, при физиологических температурах ДНК оказывается достаточно стабильной. Но проблема не так проста, как кажется на первый взгляд. Как вы уже знаете, скорости молекул при хаотическом движении неодинаковы даже в состоянии термодинамического равновесия. Они подчиняются распределению Максвелла. Следовательно, всегда существуют молекулы с такими скоростями, энергия которых достаточна для того, чтобы нарушить структуру гена и вызвать мутацию (важно, что это результат того, что $E_{cp} > E_{min}$). Такие изменения генетических программ

(и это фактически следствие распределения Максвелла) обладают следующими свойствами.

Они случайны, непредсказуемы и не направлены. Поэтому эти мутации только случайно могут оказаться адаптированными, приспособительными.

Но не температура играет доминирующую роль в процессе мутагенеза. Гораздо большее значение имеют кванты жесткого излучения (ультрафиолет, рентгеновские лучи, гамма-кванты), быстрые элементарные частицы и молекулы веществ, способные реагировать с ДНК (химические мутагены).

В том случае, когда мутацию вызывает квант или частица, начинает проявлять себя принцип неопределенности Гейзенберга. Дело здесь в том, что так называемый *радиус эффективного обмена* (размер области, до которой необходимо довести энергию для мутации гена), впервые измеренный Н.В. Тимофеевым–Ресовским и К. Циммерманом, составляет $R_{eff} \approx 10^{-7}$ см. Поскольку размеры области известны (это микромир), то импульс известен лишь с неопределенностью порядка константы \hbar , следовательно, процесс мутагенеза и в этом случае также вероятностен. Аналогичная вероятностная картина возникает и при рассмотрении других мутагенов. Подводя итог, можем сформулировать следующий принцип.

Аксиома 3. *В процессе передачи от поколения к поколению генетические программы, в результате многих причин, изменяются случайно и ненаправленно, и лишь случайно эти изменения оказываются приспособительными.*

Как вы видели, эта аксиома основана на важнейших принципах статистической физики и принципе неопределенности В. Гейзенберга. Получается, что третья аксиома напрямую зависит от физических принципов, и ее существование обусловлено наличием двух характерных параметров E_{min} и R_{eff} , которые являются своеобразными **фундаментальными биологическими константами** ([2] Хапачев Ю.П. Фундаментальные константы химии и биологии // Российский химический журнал (журнал Российского химического общества им. Д.И. Менделеева). – 2000. – Т. 44. – Вып. 3. – С. 3–6., а также [24]). Здесь важно понять, что эти параметры являются фундаментальными константами, и притом не численными, а смысловыми. То есть, для осуществления случайного и ненаправленного изменения генетических программ важно не их численное значение (для жизни не на основе ДНК, а на какой-либо другой основе численные значения этих констант наверняка другие), а смысловое: **«минимальная энергия для осуществления мутации»** и **«эффективное расстояние для осуществления мутации»**.

Представим себе, что $E_{min} = 0$. Тогда мутации происходят от любой частицы со сколь угодно малой энергией, т.е. идут слишком быстро, и данный организм не способен размножаться. Аналогичный вывод получим, если $R_{eff} = 0$. Если же $E_{min} = \infty$ (что аналогично если $R_{eff} = \infty$), то мутации вообще невозможны, а значит, вид не сможет измениться и приспособится к возможным изменениям среды. В обоих случаях жизнь не сможет существовать.

Мы уже говорили, что в биологии весьма часто бывают исключения из правила. Сформулированная выше третья аксиома справедлива в первом приближении. Остановимся на некотором исключении из этого правила. Пожалуй, лучше всего привести текст А.В. Маркова из его книги «Рождение сложности» [21].

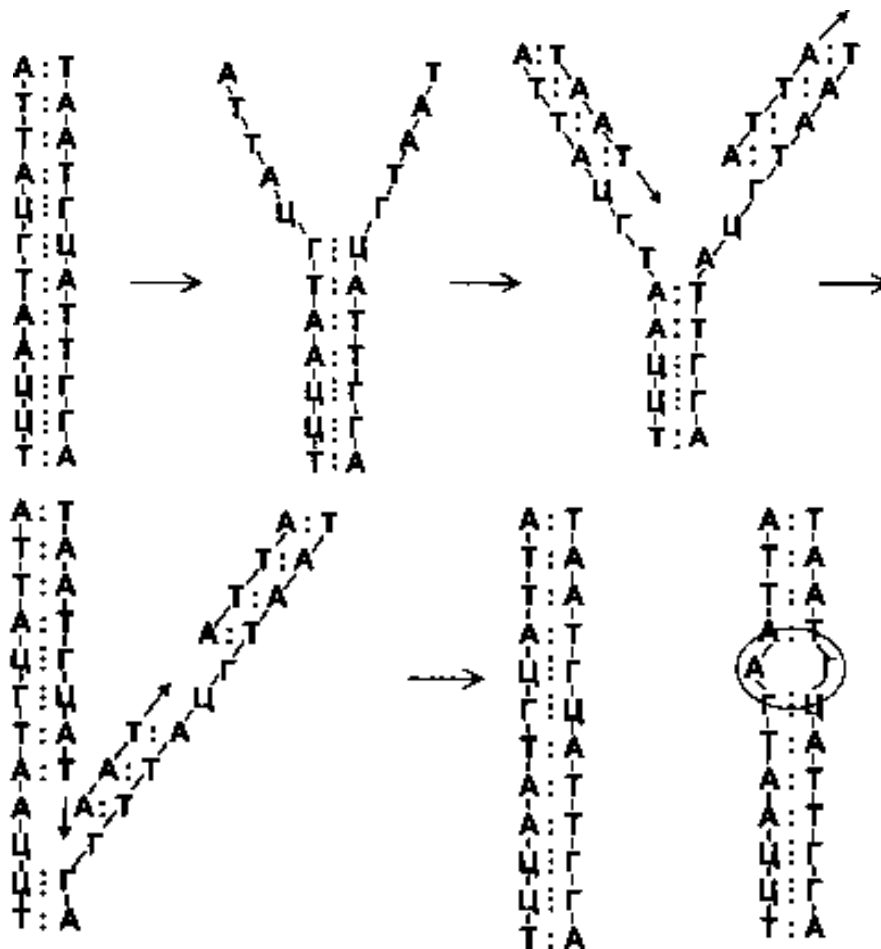
«Произошло это лишь в последние 10–20 лет, и многие биологи даже не успели еще вполне осознать этот факт. До сих пор и в популярных текстах, и даже в учебниках, и научных статьях продолжают встречаться ссылки на «случайность всех мутаций» как на что-то общеизвестное и не подлежащее сомнению. Однако на сегодняшний день твердо установлено, что живая клетка располагает большим арсеналом средств, позволяющих ей контролировать изменения своего генома.

Вообще-то этого следовало ожидать. Ведь мутации – изменения нуклеотидной последовательности ДНК – являются важным фактором, влияющим на жизнеспособность организмов. И это влияние проявляется не когда-то в отдаленном будущем, а здесь и сейчас – у самого организма или его непосредственных потомков. Если организмы в ходе эволюции могут выработать приспособления, например, для защиты от хищников или болезнетворных микробов или для контроля температуры тела, то почему они не имеют права выработать также и приспособления, позволяющие им контролировать мутации? Никакого теоретического запрета на такие приспособления вроде бы нет, однако биологи-теоретики почему-то довольно долго считали их запрещенными.

Наверное, дело тут в том, что в большинстве ситуаций единственное, чего хочет добиться организм от мутационного процесса, – это чтобы он шел как можно медленнее или не шел вовсе. В стабильных благоприятных условиях это вполне разумно. Зачем менять свою наследственность, если все и так хорошо? Однако сама жизнь не позволяет долго существовать, совершенно не меняясь. Не идти вперед – значит идти назад.

Для начала вспомним, чему нас учили в школе на уроках биологии. Главный источник мутаций – ошибки, возникающие в ходе копирования ДНК.

ДНК в норме состоит из двух комплементарных цепочек нуклеотидов. Нуклеотид А всегда стоит напротив Т, Г – напротив Ц. Пары Г–Ц более прочные, они удерживаются вместе тремя водородными связями, а пары А–Т – только двумя.

Во время репликации (копирования, удвоения) две цепочки разделяются, и на каждой по принципу комплементарности синтезируется новая цепочка, как показано на рисунке. Синтез осуществляется при помощи фермента ДНК-зависимой ДНК-полимеразы. Одна из двух новых цепей синтезируется подряд, без перерывов, потому что направление ее синтеза совпадает с направлением «расплетания» двойной спирали исходной молекулы ДНК. Вторая цепь синтезируется кусочками, задом наперед. Эти кусочки называются «фрагментами Оказаки» (в честь их первооткрывателя, японского молекулярного биолога Редзи Оказаки, пережившего бомбардировку Хиросимы и скончавшегося в 1975 г. в 45-летнем возрасте от лейкемии). В итоге получаются две одинаковые молекулы, каждая из двух комплементарных цепей.

На приведенном рисунке возникла мутация – в правой молекуле напротив одного из гуанинов (Г) случайно встал аденин (А) вместо цитозина (Ц). Скорее всего, эта мутация будет замечена и исправлена специальными ферментами, функция которых как раз и состоит в исправлении подобных ошибок. Починку «неправильных» или поврежденных участков ДНК называют репарацией.

В нашем примере мутация возникла случайно. Впрочем, постойте. Случайно ли? Она ведь возникла на стыке двух фрагментов Оказаки, а процесс соединения этих фрагментов – некая особая операция, «технологически» отличающаяся от других этапов репликации, расплетания спирали и присоединения комплементарных нуклеотидов. Может быть, в нашей клетке забарахлила система соединения фрагментов Оказаки? А может, она забарахлила не случайно, а потому, что на нее оказал воздействие какой-то внешний или внутренний фактор? А если он внутренний, то клетка, наверное, может как-то контролировать его? А тогда, если хорошенько разобраться, не может ли в конечном счете оказаться так, что сама клетка «отдала команду» осуществить мутацию в данном месте ДНК? Если мы всерьез задумаемся над этими вопросами, то поймем, что было бы крайне удивительно, если бы живая клетка за 4 миллиарда лет эволюции так

и не выработала никаких механизмов управления мутационным процессом. Ведь такие механизмы, во-первых, вполне возможны, во-вторых, могли бы оказаться очень полезными.

Впрочем, нет повода сомневаться в том, что значительная часть мутаций действительно возникает случайно – просто потому, что никакое копировальное устройство не может работать с абсолютной точностью. Кроме того, мутации могут происходить и без репликации, пока ДНК находится в двухцепочечном состоянии, – например, нуклеотиды могут претерпевать химические изменения под воздействием радиации, ультрафиолета или свободных радикалов, возникающих в ходе клеточного дыхания. Большинство ошибок в цепях ДНК будет замечено и исправлено, но какую-то небольшую их часть пропустит, не заметит даже самый строгий молекулярный «корректор».

Но мутации возникают не только потому, что невозможно копировать ДНК с абсолютной точностью. Мы привыкли думать, что мутации – это всегда некое нарушение, неправильность, ошибка, то есть что-то нежелательное, «мешающее нормально жить». В действительности это не всегда так. Изменение наследственной информации – неотъемлемая и необходимая часть жизни. Если бы геномы не менялись, на нашей планете, возможно, до сих пор жил бы только один вид очень примитивных микробов – *тот самый Лука, общий предок всего живого* (см. главу «Происхождение жизни»). Впрочем, и он бы давно вымер, не смог бы долго продержаться с неизменным геномом. А если бы молекулы РНК копировались с абсолютной точностью на этапе «преджизни», то и никакой *Лука* никогда бы не появился. Об этом, между прочим, свидетельствуют результаты экспериментов, проводимых исследователями РНК-мира. Для того чтобы в сообществе размножающихся молекул РНК зародилось что-то новое и полезное, совершенно необходимо, чтобы отдельные короткие молекулы, соединяясь в более длинные, могли обмениваться друг с другом своими участками (обмен участками между разными молекулами ДНК или РНК называется рекомбинацией). Рекомбинация – важнейший источник наследственной изменчивости наряду с «обычными» мутациями. В опытах с колониями РНК рекомбинация происходит сама собой, бесконтрольно, но в живой клетке она находится под контролем разнообразных и сложных регуляторных систем.

Очень важно понять, что изменения наследственной информации нужны всему живому не только в геологическом масштабе времени, чтобы постепенно совершенствоваться в течение миллионов лет. Естественный отбор не может «заглянуть» так далеко, поэтому и специальные механизмы для достижения столь отдаленных целей не могут развиваться.

Никола́й Влади́мирович Тимофе́ев-Ресовский (07(20).09.1900 – 28.03.1981) – русский советский биолог, генетик. Основные направления исследований: радиационная генетика, популяционная генетика, проблемы микроэволюции.

Действительный член (академик) Германской академии естествоиспытателей в Галле (ГДР) – Леопольдина.

Почётный член Американской академии искусств и наук в Бостоне (США)[22].

Почётный член Итальянского общества экспериментальной биологии (Италия).

Почётный член Менделеевского общества в Лунде (Швеция).

Почётный член Британского генетического общества в Лидсе (Великобритания).

Почётный член и член-учредитель Всесоюзного общества генетиков и селекционеров им. Н.И. Вавилова (СССР). Научный член Общества Макса Планка (ФРГ).

Действительный член Московского общества испытателей природы, Всесоюзного географического общества, Всесоюзного ботанического общества.

Лауреат медалей и премий Ладзаро Спалланцани (Италия), Дарвиновской (ГДР), Менделевской (ЧССР и ГДР), Кимберовской (США).

Действительный член Лондонского Линнеевского общества (избрание произошло 28 мая 1981 г., то есть через 2 месяца после смерти Н.В. Тимофеева-Ресовского).

Четвертая аксиома

Эта аксиома обязана своим происхождением выдающемуся генетику Н.В. Тимофееву-Ресовскому и носит название принципа усиления. Понять этот принцип легче всего из примера, приведенного в свое время В.А. Ратнером.

Пусть существует оплодотворенная яйцеклетка – носительница мутации гена, кодирующего важный для жизни функциональный носитель – *фермент*, без которого живой организм не может выжить. В процессе роста и развития организма яйцеклетка превратилась в 10^{15} клеток, соответственно, умножились и гены. Каждый ген продуцирует 100 молекул м-РНК, на каждой из которых синтезируется 100 молекул фермента. Каждая молекула фермента осуществляет 10^4 актов своей (важной для жизни организма) реакции. В итоге имеем $10^{15} \cdot 10^2 \cdot 10^2 \cdot 10^4 = 10^{23}$, т.е. число, сопоставимое с числом Авогадро, а значит, это уже макроуровень. Вот на какую величину усилились результаты одного квантового скачка, одной мутации, существующей на микроуровне. С макроуровнем уже может работать естественный отбор. Важно именно то, что он действует не прямо на генетические программы, а на фенотип, в котором каждое изменение усилено в 10^{23} раз. Таким образом, можно сформулировать принцип усиления следующим образом.

Аксиома 4. *Случайные изменения генетических программ при становлении фенотипа многократно усиливаются и подвергаются отбору условиями внешней среды.*

Следует заметить, что из-за усиления в фенотипах именно случайных изменений, *эволюция живой природы принципиально непредсказуема*. Единственно, что можно сказать, – отбор размножит потомков тех особей, которые наилучшим образом будут адаптированы к окружающим условиям. Но вот как они будут приспособлены, об этом можно только гадать.

Медников Борис Михайлович (1932–2001) – советский, российский биолог, доктор биологических наук, популяризатор науки. Профессор биологического факультета МГУ.

Один из основателей нового направления в систематике – геносистематики, активно занимался проблемами создания теоретической биологии и теорией эволюции, создал впервые систему аксиом биологии, много внимания уделил закону гомологических рядов, исследовал проблемы эволюции генома, микроэволюции и видообразования на молекулярном уровне. Самым известным трудом ученого являются сформулированные им аксиомы биологии, озвученные в одноимённой книге, которые впервые были представлены широкому кругу читателей на страницах журнала «Наука и жизнь» в 1980 г.

Подробнее об этом можно прочитать в замечательной книге Б.М. Медникова «Аксиомы биологии» [16].

«... И опыт, сын ошибок трудных...»

**Лекция 17. ТЕОРИЯ РНК МИРА.
О НЕ И ВОЗМОЖНОСТИ НАСЛЕДОВАНИЯ
ПРИБРЕТЕННЫХ ПРИНЦИПОВ,
ЛУЧШЕ А.В. МАРКОВА НЕ СКАЖЕШЬ**

РНК, ДНК и белок

«Какая из трех молекул появилась первой? Одни ученые говорили: конечно, белки, ведь они выполняют всю работу в живой клетке, без них жизнь невозможна. Им возражали: белки не могут хранить наследственную информацию, а без этого жизнь и подавно невозможна! Значит, первой была ДНК!

Ситуация казалась неразрешимой: ДНК ни на что не годна без белков, белки – без ДНК. Получалось, что они должны были появиться вместе, одновременно, а это трудно себе представить. Про «лишнюю» РНК в этих спорах почти забыли. Ведь она, как тогда думали, не может без посторонней помощи ни хранить информацию, ни выполнять работу.

Потом, правда, выяснилось, что у многих вирусов наследственная информация хранится в виде молекул РНК, а не ДНК. Но это посчитали курьезом, исключением. Переворот произошел в 80-х годах XX века, когда были **открыты рибозимы – молекулы РНК с каталитическими свойствами. Рибозимы – это РНК, выполняющие активную работу, то есть то, что должны делать белки. Среди рибозимов были найдены и катализаторы репликации (копирования, размножения) молекул РНК – своих собственных или чужих.**

В итоге РНК из «почти лишней» стала «почти главной». Оказалось, что она и только она, может выполнять сразу обе главные жизненные задачи – и хранение информации, и активную работу. Стало ясно, что возможен полноценный живой организм, не имеющий ни белков, ни ДНК, в котором все функции выполняются только молекулами РНК. Конечно, ДНК лучше справляется с задачей хранения информации, а белки – с «работой», но это уже детали. РНК-организмы могли приобрести белки и ДНК позже, а поначалу обходиться без них.

Так появилась теория РНК-мира, согласно которой первые живые существа были РНК-организмами без белков и ДНК. А первым прообразом будущего РНК-организма мог стать автокаталитический цикл, образованный самовоспроизводящимися молекулами РНК – теми самыми рибозимами, которые способны катализировать синтез собственных копий.

Лично я считаю теорию РНК-мира одним из самых выдающихся достижений теоретической мысли в биологии за последние 30 лет, которое можно сравнить разве что с симбиогенетической теорией происхождения эукариот (о которой пойдет речь в главе «Великий симбиоз»). По правде сказать, могли бы до этого додуматься и раньше. Ведь два вида рибозимов были известны еще с 60-х годов XX века, хотя их не называли тогда рибозимами. Это рибосомные РНК (рРНК), из которых сделаны молекулярные «машинки» для трансляции (синтеза белка) – рибосомы и транспортные РНК (тРНК), которые подносят нужные аминокислоты к рибосомам в ходе трансляции. Оба вида РНК выполняют активную биохимическую работу, это самые настоящие рибозимы, но, пока их было известно только два, теория РНК-мира не была сформулирована.

Трансляция – синтез белка. Осуществляется особыми молекулярными «машинками» – **рибосомами**, которые состоят из нескольких больших молекул рибосомной РНК и большого числа менее крупных молекул рибосомных белков. Рибосомы синтезируют белок в соответствии с «инструкциями», записанными в молекуле матричной РНК (мРНК). Каждые

три нуклеотида мРНК кодируют одну аминокислоту. Аминокислоты присоединяются к синтезируемой молекуле белка по одной. Доставка аминокислот к рибосомам осуществляется транспортными РНК (тРНК).

Теория РНК-мира, вначале чисто умозрительная, очень быстро «обрастает» экспериментальными данными. Химики научились получать рибозимы чуть ли не с любыми желаемыми характеристиками. Делается это так. Например, мы хотим создать молекулу РНК, которая способна безошибочно узнавать вещество X и связываться с ним. Для этого синтезируют большое количество разных цепочек РНК, соединяя рибонуклеотиды друг с другом в случайном порядке. Раствор, содержащий полученную смесь молекул РНК, наливают на поверхность, покрытую веществом X. После этого остается лишь отобрать и исследовать те молекулы РНК, которые прилипли к поверхности. Технология незамысловата, но она действительно работает. Примерно таким способом получены рибозимы, катализирующие синтез нуклеотидов, присоединяющие аминокислоты к РНК и выполняющие множество других биохимических функций. Стирая грань между живым и неживым, уже растут на искусственных средах в лабораториях возмутительнейшие объекты – колонии размножающихся молекул РНК, способные к тому же синтезировать белки (правда, без этих самых белков – ферментов – заставить их расти пока не удастся). Весомый вклад в эти исследования вносят ученые из Института химической биологии и фундаментальной медицины (г. Новосибирск) и Института белка (г. Пущино) под руководством академиков В.В. Власова и А.С. Спирина. Любопытно, что многие рибозимы работают лучше всего при низких температурах, иногда даже ниже точки замерзания воды – в крошечных полостях льда, где достигаются высокие концентрации реагентов. Некоторые считают это свидетельством того, что жизнь зародилась при низких температурах» (Марков А.В. Рождение сложности).

О не и возможности наследования приобретенных принципов

«Классическая генетика отрицает возможность наследования соматических мутаций. **Соматическая мутация – это модификация гена в определенных клетках в период индивидуального развития организма** (здесь и в дальнейшем курсив наш). Считается, что изменения клеток тела никак не могут отразиться на генах половых клеток. По-видимому, в большинстве случаев это утверждение справедливо. Но природа, сколько бы мы ее ни изучали, всегда остается неизмеримо сложнее любых наших теорий, моделей и прогнозов. И из всякого придуманного нами «закона» обязательно находятся исключения (*это в биологии, курсив наш*). В данном случае исключения тоже существуют.

Догма о невозможности наследования приобретенных признаков начала складываться через несколько лет после смерти Дарвина, в основном благодаря усилиям немецкого ученого Августа Вейсмана. Он показал, что, если отрубить крысам из поколения в поколение хвосты, это не приводит к рождению бесхвостых крысят. Другой эксперимент состоял в том, что черным мышам пересаживали яичники белых мышей. У тех мышек, которым удавалось выжить после этой экзекуции, мышата рождались белые. На основании этих и других подобных экспериментов был сформулирован **принцип «Вейсмановского барьера»: клетки тела не могут передавать информацию половым клеткам**. Следовательно, ни внешние воздействия, ни приобретенный опыт, ни упражнение органов не могут приводить к адекватному или хотя бы отчасти неслучайному изменению наследственности.

Развитие молекулярной биологии еще сильнее укрепило в сознании ученых этот барьер, действительно превратив его в догму. Было установлено, что наследственная информация записана в молекулах ДНК особым кодом, который был расшифрован в 60-е годы XX века. Информация, записанная в ДНК, сначала должна быть «переписана» на

молекулу РНК. Затем специальные сложные молекулярные комплексы – рибосомы – считывают информацию с молекулы РНК, синтезируя молекулу белка в точном соответствии с записанной в РНК инструкцией. Белки выполняют огромное множество функций, и в конечном счете именно они в основном определяют облик организма (фенотип). Таким образом, информация движется в одном направлении – от ДНК к РНК, от РНК – к белкам. Никаких механизмов переноса информации в обратную сторону – от белков к РНК или от РНК к ДНК – поначалу обнаружено не было, что и укрепило веру в невозможность такого переноса.

Потом, правда, оказалось, что есть вирусы, у которых хранилищем наследственной информации служат молекулы РНК (а не ДНК, как у всех прочих организмов), и у них есть специальные ферменты, которые умеют осуществлять обратную транскрипцию, то есть переписывать информацию из РНК в ДНК. Созданная таким путем ДНК встраивается в хромосомы клетки-хозяина и размножается вместе с ними. Поэтому с такими вирусами очень трудно бороться (один из них – это вирус ВИЧ). Но вот «обратной трансляции» – переписывания информации из белков в РНК – так ни у кого и не обнаружили. По-видимому, такого явления в природе действительно не существует.

Обратная трансляция. У современных живых организмов обратная трансляция – переписывание информации с белка на РНК, – судя по всему, не встречается. Однако японскому исследователю Масаюки Насимото в 2001 году удалось экспериментально показать принципиальную возможность обратной трансляции. Насимото изготовил молекулу РНК, которая может совершать два действия. Во-первых, узнавать аминокислоту аргинин и присоединяться к ней. Во-вторых, прикреплять к другой молекуле РНК, которая потом будет кодировать белок, триплет нуклеотидов АГГ, то есть кодон, соответствующий аргинину. Рибозим, изготовленный Насимото, с полным правом можно назвать «обратной тРНК». **Напомним, что обычные транспортные РНК (тРНК) узнают кодон на молекуле мРНК и прикрепляют к синтезируемой молекуле белка соответствующую этому кодону аминокислоту.** «Обратная тРНК», изготовленная Насимото, совершает противоположное действие: узнает аминокислоту, входящую в состав белковой молекулы, и прикрепляет к синтезируемой молекуле мРНК кодон, соответствующий этой аминокислоте. Таким образом, осуществляется процесс, прямо противоположный **трансляции: информация переписывается не с РНК на белок, а, наоборот, с белка на РНК.**

При помощи таких «обратных тРНК» обратная трансляция, по предположению Насимото, могла происходить в РНК-мире. Теоретически можно представить себе ситуацию, когда существовало некое равновесие между процессами прямой и обратной трансляции. Молекулы РНК «кодировали» белки, то есть управляли их синтезом, а белки, в свою очередь, управляли синтезом РНК, то есть тоже «кодировали» их. В дальнейшем равновесие сместилось, и белки потеряли способность к кодированию РНК. Возможно, решающую роль в смещении равновесия сыграло то обстоятельство, что молекулы РНК в отличие от белков способны самостоятельно контролировать синтез собственных копий на основе принципа комплементарности. Иными словами, РНК и так кодируют сами себя, не нуждаясь для этого в посредничестве белков.

С легкой руки одного из первооткрывателей структуры ДНК Френсиса Крика идея об однонаправленной передаче информации в ряду ДНК – РНК – белок стала именоваться «центральной догмой молекулярной биологии». Впрочем, позже Крик признался, что использование термина «догма» принесло больше неприятностей, чем оно того стоило. (CRICK

F. Central Dogma of Molecular Biology // Nature. – 1970. – V. 227. – E. 561–563).

Но всякое действие рождает противодействие. И иногда «лекарство оказывается хуже болезни». В качестве уродливого и страшного противовеса догматизации достижений генетики в СССР утвердилась лысенковщина. Крестьянский сын Трофим Лысенко открыл

способ придавать яровым культурам высокую продуктивность, выдерживая их некоторое время на холоде. Молодой экспериментатор был принят на работу в лабораторию Н.И. Вавилова. Трагические последствия этого шага всем известны. Лысенко, пользуясь далеко не научными аргументами и средствами, подчинил себе руководство советской биологической наукой. Генетика и «вейсманнизм» были объявлены лженауками. Официально была принята догма, противоположная вейсмановской и основанная на базовом принципе ламаркизма: приобретенные признаки наследуются; определяющим фактором наследственности являются не мифические гены, а воздействие внешней среды. Как это ни парадоксально, Лысенко считался последовательным дарвинистом. Он как раз обвинял Вавилова в отступлении от теории Дарвина и на этом основывал свои «научные» обвинения.

Торжество лысенковщины в СССР и особенно репрессии против генетиков привели к окончательной дискредитации ламаркизма на Западе и догматизации принципа Вейсмана. Наука в очередной раз смешалась с политикой, что ей категорически противопоказано. Это не пошло на пользу ни советской, ни западной биологии. Два противоположных подхода к проблеме наследственности сошлись в смертельной схватке. Вопрос состоял уже не в том, могут ли наследоваться приобретенные признаки. Речь шла о борьбе двух «научно-социальных» систем: социалистической лысенковщины и буржуазного вейсманнизма. После того как Лысенко утратил свое влияние, советская биология постепенно вернулась в русло мировой науки, вовсю занявшись генетикой. Но последствия этой коллизии дают о себе знать и по сей день: многих генетиков как российских, так и зарубежных, до сих пор передергивает при одном упоминании о возможности наследования приобретенных признаков.

Однако реальные факты показывают, что приобретенные признаки иногда все же могут передаваться по наследству. Безусловно, это происходит редко, это вообще нетипично, и случается такое только с некоторыми специфическими категориями наследственных признаков, которые можно назвать «приобретенными» лишь с определенной долей условности. Такие банальные вещи, как натренированные мышцы или отрезанные хвосты, конечно, не наследуются никогда. Однако по мере того, как наука все глубже проникает в тайны молекулярной организации живой клетки, становится все очевиднее, что организмы не передают своим потомкам приобретенные ими в течение жизни свойства не потому, что не могут, а потому, что не хотят. С чисто «технической» точки зрения, определенные возможности такого рода у живых организмов имеются.

Конечно, изменения, происходящие в клетках тела в течение жизни, отражаются в первую очередь на белках, но не только. В каждой клетке есть и РНК, и ДНК, и изменения могут затронуть и их тоже. Перед каждым клеточным делением все молекулы ДНК в клетке удваиваются: ферменты ДНК-зависимые ДНК-полимеразы (**ДНК-полимераза – фермент, участвующий в репликации ДНК**) синтезируют точные копии имеющихся ДНК, которые потом распределяются между дочерними клетками. Однако при копировании иногда возникают ошибки – мутации. Если мутация возникает при образовании половой клетки, она, естественно, передается по наследству. В ортодоксальной СТЭ (синтетическая теория эволюции) образца начала 60-х годов XX века было принято считать, что мутации происходят совершенно случайно (теперь мы знаем, что это не всегда так: см. главу «Управляемые мутации» в книге «Рождение сложности» Марков А.В.). Так возникает изменчивость, служащая материалом для естественного отбора.

Но мутации могут происходить при делении любых клеток тела, а не только при образовании яйцеклеток и сперматозоидов. Такие мутации называются соматическими, от «сома» – тело. Они приводят к возникновению участков измененных тканей. Соматические мутации могут быть вызваны различными воздействиями внешней среды и в какой-то мере отражают эти воздействия, то есть несут некую информацию о них. Маловероятно, чтобы

такого рода информация могла оказаться полезной следующим поколениям. Хотя возможно и такое, особенно если речь идет о контролируемых перестройках генома соматических клеток, о которых говорится в главе «Управляемые мутации». Тем не менее, если бы соматические мутации могли наследоваться, это вполне можно было бы назвать «наследованием приобретенных признаков», хоть и не совсем в том смысле, который вкладывал в это понятие Ламарк».

Мы обезьяны?

«Мы не произошли от обезьян. Мы – обезьяны, но обезьяны особенные, культурные (в том смысле, что наше поведение определяется культурой, а не только генами) и к тому же умные, аж с семью регистрами кратковременной рабочей памяти. С какой стати нам брать пример с шимпанзе, этих реликтовых лесных гоминоидов, не способных изготовить простейший олдувайский отщеп? Мы ведь даже со своих совсем недавних предков – палеолитических охотников, собирателей, людей бронзового века или средневековых европейцев – если и берем пример, то очень избирательно. И правильно делаем. Эти ребята считали «добром» многое из того, что сегодня является безусловным злом.

Их реальные подвиги – выше и интереснее всех чудес религиозной мифологии.

То же самое следует сказать и о тайнах человеческой души, открываемых нейробиологией и экспериментальной психологией. Они оказались куда интереснее и глубже любых мистических фантазий. Интереснее хотя бы потому, что их действительно можно открывать. Их можно проверять фактами и экспериментами, а не просто придумывать и принимать на веру. Глубже – хотя бы потому, что любые тайны мистического свойства, если проследить их до основания, очень быстро упираются в какую-нибудь «беспричинную первопричину» или другой абсурд и непознаваемость. Поначалу это завораживает, но вскоре становится скучно. Сети из миллиардов нейронов, между которыми связей больше, чем звезд в Галактике, завораживают куда сильнее, стоит только начать в них разбираться.

Наука не убивает душу. Она ее открывает и даже в каком-то смысле создает. А еще – берет ее за ручку и выводит из детского сада со сказочными картинками на стенах в огромный и прекрасный мир реальности».

Марков Александр Владимирович (род. 24.10.1965) – российский биолог, палеонтолог, популяризатор науки. Окончил биологический факультет МГУ в 1987 г. В Палеонтологическом институте РАН с 1987 года. Доктор биологических наук, ведущий научный сотрудник Палеонтологического института РАН. В 2014 г. принял руководство кафедрой биологической эволюции биологического факультета МГУ. Профессор РАН (2016 г.). Лауреат главной в России премии в области научно-популярной литературы «Просветитель» (2011 г.). Лауреат премии «За верность науке» Министерства образования и науки РФ в категории «Популяризатор года» (2015 г.). Медаль РАН по биологии. Премия Х. Раусинга (1998 г.). Внёс заметный вклад в развитие общей теории биологической макроэволюции и в математическое моделирование макроэволюционных процессов.

Член редколлегии «Журнала общей биологии». Автор многочисленных научно-популярных статей, автор и ведущий научно-образовательного портала «Проблемы эволюции», ведущий научно-популярных программ радио «Свобода», один из авторов научно-популярного сайта «Элементы.ру». Автор фантастических и исторических произведений, в частности повести «Апсу», опубликованной в 1991 г. Председатель совета фонда «Эволюция».

Для самых любознательных: книга «Синергетика и информация» Д.С. Чернавского.

В книге обсуждаются особенности синергетики как науки и ее математические и методологические аспекты. Отображены процессы возникновения информации и эволюции ее ценности. В качестве примеров рассмотрены: вопрос о происхождении жизни и генетического кода, проблема развития организма, а также процессы мышления и творчества. Широко используется метод математического моделирования. Для облегчения восприятия приведено краткое изложение основ теории динамических систем в форме, доступной для людей, не имеющих специального математического образования.

Для широкого круга читателей, интересующихся новыми тенденциями в современной науке и проблемами интеграции точных, естественных и гуманитарных наук.

Хотелось написать что-нибудь зажигательное как о творчестве выдающегося ученого Д.С. Чернавского, так и об этой книге, но перед её автором всё бледнеет.

Чернавский Дмитрий Сергеевич (24.02.1926 – 19.06.2016) – российский биофизик. Главный научный сотрудник Физического института им. П. Н. Лебедева РАН. Действительный член РАЕН (1991 г.). Член Научных советов РАН по биофизике (1980 г.) и влиянию физических полей на человека (1991 г.). Победитель конкурса «На лучшее объяснение ключевых вопросов строения мира» (2004 г.) программы Александра Гордона (с призовым фондом 1 млн евро). Полученную премию поделил поровну между 191 участником программы Гордона.

Основные направления научных исследований и научные достижения

Биофизика. В 1966 г. сформулировал концепцию о функционировании белков-ферментов, известную сейчас под названием белок-машина. В середине 70-х гг. XX века разработал теорию туннельного электронного транспорта в биологических системах, получившую в дальнейшем широкое признание. В 1975 г. предложил модель возникновения ценной биологической информации на примере единого биологического кода.

Синергетика. Теория информации. Теория развивающихся (физических, биологических, экономических и социальных) систем, клиодинамика. Концептуальные основы квантовой механики, необратимость.

«Важно не то, что строго,
а то, что верно».

А.Н. Колмогоров

Лекция 18. МИТОХОНДРИАЛЬНАЯ ЕВА И ИГРЕК-ХРОМОСОМНЫЙ АДАМ

Частично, в кавычках, опять А.В. Марков. Эволюция человека. Книга первая. 2011.

«Относительно недавние (1987 г.) сравнительные исследования митохондриальной ДНК (мтДНК) и Y-хромосом современных людей показали, что все современное человечество происходит от небольшой популяции, жившей в Восточной Африке 160–200 тыс. лет назад. Это хорошо совпадает с археологическими данными, а именно с тем, что останки древних, но «анатомически современных» людей были найдены как раз в этом районе в отложениях именно такого возраста. Примерно 100–60 тыс. лет назад (судя по результатам анализа мтДНК), небольшая группа сапиенсов вышла из Африки, и потомки этой группы впоследствии заселили весь мир: от них-то и произошло все современное внеафриканское человечество. Сегодня это общепринятая точка зрения. Возникает принципиальный вопрос: только ли от них оно происходит? То есть смешивались ли африканцы по мере своего расселения с местными евразийскими популяциями или просто вытеснили их?

В течение почти двух десятилетий (с конца 1980-х до второй половины 2000-х) перевес был на стороне второй точки зрения. Главным аргументом были упомянутые результаты анализа мтДНК и Y-хромосомы. Но как на основе анализа ДНК можно судить об истории и миграциях древних людей? Пожалуй, нам нужно поближе познакомиться с методикой и логикой таких исследований.

На основе полиморфизма (разнообразия) нуклеотидных последовательностей мтДНК людей из разных регионов мира было реконструировано эволюционное (генеалогическое) дерево этой части человеческого генома. Для таких реконструкций существуют специально разработанные, весьма надежные методики. Это похоже на то, как лингвисты восстанавливают историю различных списков с одного исходного текста по изменениям (заменам, пропускам и добавлениям букв или слов), которые неизбежно накапливаются от переписчика к переписчику. Например, если в одном списке имеются ошибки А и Б, в другом – А, Б и В, в третьем – только Б, в четвертом – Б и Г, то логичнее всего предположить, что самый древний список – третий. С него были сделаны первый и четвертый, а затем с первого был сделан второй. Когда тексты длинные (и ошибок поэтому достаточно много), результаты получаются вполне достоверные. Если известно, в каких географических точках были найдены соответствующие рукописи, то можно восстановить пути миграций соответствующих копий.

В случае с ДНК вместо ошибок переписчиков используются случайные мутации (в основном нейтральные, то есть не влияющие на приспособленность и потому незаметные для отбора). Это даже удобнее, потому что люди – и, соответственно, их ДНК – размножаются с определенной частотой, более регулярно, чем средневековые переписчики копировали ту или иную рукопись. К тому же типичная частота возникновения мутаций приблизительно известна. Это аналогично тому, как если бы каждая рукопись

переписывалась, например, один раз в 20 лет, а все переписчики делали примерно одинаковое количество ошибок на каждую тысячу слов. Тогда по количеству различий между двумя рукописями можно было бы определить время существования их «общего предка». Для молекул ДНК это вполне возможно (степень точности – вопрос отдельный).

Оказалось, что если построить эволюционное дерево мтДНК современных людей и двигаться по его ветвям сверху вниз (из настоящего в прошлое), то все ветви в итоге сходятся в одну точку во времени и пространстве: Восточная Африка, 160–200 тыс. лет назад. Так появилась в научной печати и в СМИ «митохондриальная Ева» (митохондрии передаются по материнской линии), а вслед за ней аналогичным образом возник и «Y-хромосомный Адам» (Y-хромосома есть только у мужчин и передается от отца к сыну), живший примерно в то же время и в том же месте.

Эти результаты были восприняты общественностью очень бурно, и, как водится, мало кто понял их истинный смысл. На самом деле ничего удивительного нет ни в Адаме, ни в Еве».

Следуя нашей общей идеологии, сформулируем соответствующую теорему об Y-хромосомном Адаме и мтЕве.

Теорема (первая формулировка). *При любом числе различных гаплотипов в изначальной предковой группе людей по прошествии определенного времени останутся потомки с гаплотипами одной митохондриальной Евы и одного Y-хромосомного Адама.*

Строгого математического доказательства теоремы в такой формулировке (непосредственно «в лоб») мы не знаем (да и вряд ли оно есть), поэтому ниже будет дано (по А.В. Маркову) некое «показательство» этой теоремы.

Гаплотип (если по простому) – совокупность сцепленных генов на одной хромосоме определенного диплоидного индивидуума, которая передается по наследству всем потомкам по нисходящей линии, либо через Y-хромосому от отца для потомков мужского пола, либо через мтДНК от матери для потомков женского пола.

Ежели не по-простому – читайте как минимум Википедию.

Гаплотип (сокр. от «гаплоидный генотип») – совокупность аллелей на локусах одной хромосомы, обычно наследуемых вместе. Если же при кроссинговере комбинация аллелей меняется (что происходит очень редко), говорят о возникновении нового гаплотипа. Гаплотип может быть как у одного локуса, так и у целого генома. Генотип определенных генов диплоидной особи состоит из двух гаплотипов, расположенных на двух хромосомах, полученных от матери и отца соответственно.

В генетической генеалогии гаплотипом также называют результат исследования STR-маркеров на нескольких локусах Y-хромосомы, при этом количество повторов называется аллелем.

Локус (лат. *locus* – место) в генетике означает местоположение определённого гена на генетической или цитологической карте хромосомы. Вариант последовательности ДНК в данном локусе называется аллелью. Упорядоченный перечень локусов для какого-либо генома называется генетической картой.

Аллели – различные формы (значения) одного и того же гена, расположенные в одинаковых участках (локусах) гомологичных хромосом и определяющие альтернативные варианты развития одного и того же признака. В диплоидном организме может быть два одинаковых аллеля одного гена, в этом случае организм называется гомозиготным, или два разных, что приводит к гетерозиготному организму. Термин «аллель» предложен В. Иогансеном (1909 г.).

Нормальные диплоидные соматические клетки содержат два аллеля одного гена (по числу гомологичных хромосом), а гаплоидные гаметы – лишь по одному аллелю каждого гена. Для признаков, подчиняющихся законам Менделя, можно рассматривать *доминантные* и *рецессивные* аллели. Если генотип особи содержит два разных аллеля (особь – гетерозигота), проявление признака зависит только от одного из них – доминантного. Рецессивный же аллель влияет на фенотип, только если находится в обеих хромосомах (особь – гомозигота). Таким образом, доминантный аллель подавляет рецессивный. В более сложных случаях наблюдаются другие типы аллельных взаимодействий.

Можно сформулировать эту теорему и иначе (Марков А.В. Правда теоремой он это не назвал, а жаль):

Теорема (вторая формулировка). «Любые гомологичные (то есть имеющие общее происхождение) участки ДНК где-нибудь в прошлом неизбежно сходятся в одну точку, то есть в одну предковую молекулу ДНК».

Эта точка вовсе не обязательно совпадает с моментом возникновения вида. Более того, если брать разные гомологичные участки ДНК, каждый из них даст свою, отличную от других «точку схождения».

Доказательство теоремы во второй формулировке

Пусть существуют два представителя разных гаплотипов, соответственно передающихся по наследству от далеких предков до настоящего времени, и их «родословные не пересекаются». Наличие предков у каждой линии в количестве 2^N (N – число поколений) показывает, что поскольку в прошлом такого количества особей просто быть не могло, то это говорит о том, что «родословные» по гаплотипу особи где-то когда-то пересекались. Но нам важнее другое. Главное, чтобы пересекались непосредственные предки по мужской линии (для Y-хромосомного Адама). Таких мужских предков в одной линии N , в другой – K . Если они тоже нигде никогда не пересеклись, то значит, что в одно или в разное время у разных особей в разных линиях произошли **совершенно одинаковые мутации**. Согласно Аксиоме 3, о том, что мутации случайны, это практически невероятно. Следовательно, линии N и K пересекались и имеют совместного общего предка. Эти же рассуждения справедливы и для мтЕвы.

В связи с этим доказательством и последующим «показательством» справедливости теоремы в 1 формулировке, а также эквивалентности обеих формулировок для реального случая (что становится совершенно понятным из приведенного ниже рассуждения после «показательства»), нам представляется важным остановиться на следующем.

Согласно приведенной в качестве эпиграфа данной лекции мысли А.Н. Колмогорова «Важно не то, что строго, а то, что верно», нам представляется целесообразным привести слова В.И. Арнольда из его замечательного прозрения, сказанного в соответствующей статье об эпиграфе к «Евгению Онегину»: «Будучи по профессии не литературоведом (и еще в меньшей степени пушкинистом), а математиком, я вынужден в своей работе постоянно опираться не на доказательства, а на ощущения, догадки и гипотезы, переходя от одного факта к другому при помощи того особенного вида озарения, который заставляет усматривать общие черты в явлениях, быть может, кажущихся постороннему вовсе не связанными между собой».

Правильная догадка сопровождается ощущением полной ненужности дальнейших доказательств, ощущением, почти болезненным, которое не забывается, но которое трудно передать другим».

Арнольд В.И. Об эпиграфе к «Евгению Онегину» // Известия Российской Академии наук. Серия литературы и языка. – М.: Наука, 1997. – Т. 56, № 2. – С. 63. <http://feb-web.ru/feb/izvest/1997/02/972-063.htm>.

Теперь мы, согласно А.В. Маркову, покажем (это и есть «показательство»), как осуществляется теорема в 1 формулировке, т.е. как она работает, и откуда берутся научная Ева и Адам. Итак, откуда берутся митохондриальные Евы (Y-хромосомные Адамы) по А.Н. Маркову?

«Любая популяция любого вида животных обязательно имела в прошлом свою митохондриальную Еву – последнюю общую прама мать всех ныне живущих представителей данной популяции по прямой материнской линии. Евы появляются автоматически и неизбежно из-за случайных колебаний частот генетических вариантов (например, вариантов митохондриальной ДНК) в популяции. Чтобы понять, почему так получается, рассмотрим простую модель (Марков А.В. «Происхождение человека»). Допустим, у нас есть популяция, включающая десять самок, у каждой из которых имеется свой вариант мтДНК, немного отличающийся от остальных (выше мы называли это разными гаплотипами). Число самок (то есть размер популяции) не имеет принципиального значения: оно влияет только на среднее число

поколений, требующихся для того, чтобы одна из этих самок стала Евой. Чем больше популяция, тем дольше придется ждать.

Предположим, что каждая самка оставляет после себя с равной вероятностью либо ноль дочерей, либо одну, либо две. Обозначим исходные варианты мтДНК у наших десяти самок буквами латинского алфавита:

abcdefghijkl (1)

Это поколение 1. Чтобы смоделировать следующее (второе) поколение, воспользуемся генератором случайных чисел. Сойдет и обычная игральная кость. Нам нужна последовательность из десяти случайных целых чисел в диапазоне от нуля до двух, чтобы определить, сколько дочерей родила каждая самка. Бросаем кость десять раз, если выпадает один или два, записываем ноль, если три или четыре – записываем единицу, если пять или шесть – двойку. У меня получилась такая последовательность:

2212210011

В соответствии с этими числами «родим» для каждой самки дочерей. Учитывая, что дочь наследует мтДНК матери, выпишем распределение митохондриальных гаплотипов (вариантов) в поколении 2:

aabbcddeefij (2)

Можно заметить, что из десяти исходных гаплотипов во второе поколение перешли только восемь. Две самки (g и h) не оставили дочерей, и их митохондриальные линии пресеклись. Самок у нас теперь стало 12, поэтому для того, чтобы смоделировать поколение 3, понадобится 12 случайных чисел. Вот они:

220020212021

А вот и третье поколение:

aaaaccddeeeij (3)

В третьем поколении «потерялись» еще два гаплотипа: b и f. Продолжая моделирование, получаем последовательность поколений:

aaaeeejj (4)

eeejj (5)

ejjjj (6)

eejjjjj (7)

eeejjj (8)

eeejj (9)

eeeej (10)

eeeejj (11)

eeeeej (12)

eeeejj (13)

eeeej (14)

eeeej (15)

eeeej (16)

eeeee (17)

Вот и все: к семнадцатому поколению в нашей популяции остался только один митохондриальный гаплотип из десяти исходных. Это значит, что прямые потомки по женской линии остались только у одной из исходных десяти самок.

Процесс этот абсолютно неизбежен: сколько бы мы ни взяли исходных самок с разными гаплотипами, через какое-то число поколений в популяции останется только один из них. При этом одна из древних носительниц этого гаплотипа автоматически превращается в митохондриальную Еву – последнюю общую прапраматерь всех особей в популяции по непрерывной женской линии.

Кстати, какая именно самка в нашей модели стала Евой для поколения №17? Думаете, это самка «e» из поколения 1? А вот и нет: у поколения 17 есть и более поздняя общая прапраматерь. Это самка с гаплотипом «e» из поколения 6. Самка «e» из поколения 1, конечно,

тоже является общей праmaterью поколения 17 по женской линии, но она не самая поздняя из таких праmaterей.

Аналогичное «бросание костей» можно провести и для Y-хромосомного Адама.

При желании можно придумать фантастические ситуации, в которых Ева никогда не появится. Но эти ситуации не имеют отношения к реальности. Например, Евы не будет, если каждая самка непременно оставляет после себя хотя бы одну дочь (нет ни бездетных самок, ни таких, кто оставил после себя лишь сыновей). Каждому ясно, что так не бывает. Обязательно какая-то часть самок умирает, не родив ни одной дочери. Исходное множество гаплотипов может не сократиться до одного и в том случае, если численность популяции будет бесконечно расти. Но так тоже не бывает: планета не резиновая, рост любой популяции рано или поздно останавливается. Есть, конечно, еще один фантастический вариант. Самки рожают либо только сыновей, либо только дочерей. Тогда популяция неизбежно вымирает.

Что будет, если популяция разделится на две – например, часть особей переселится на другой материк, и каждая из двух дочерних популяций будет процветать на своем материке? В этом случае в каждой из двух популяций тоже обязательно рано или поздно закрепится какой-то один из исходного набора гаплотипов. Причем, скорее всего, на разных материках это будут разные гаплотипы. Получится, что у каждой из двух популяций есть своя митохондриальная Ева. Кроме того, будет и третья Ева – общая для обеих групп. Она окажется глубже в прошлом, чем обе «персональные» Евы разделившихся популяций.

По мнению ряда экспертов, приблизительное совпадение результатов по мтДНК и Y-хромосоме – не более чем случайность, отчасти объясняющаяся тем, что оба этих участка генома имеют общее свойство: они присутствуют у каждого человека лишь в одном экземпляре (точнее, в одном варианте: «экземпляров» гораздо больше, они есть в каждой клетке, но все одинаковые). Большинство других участков генома – любые участки ядерных неполовых хромосом – присутствуют в двух вариантах, один из которых получен от отца, другой от матери. Есть еще X-хромосома, занимающая промежуточное положение: у женщин она присутствует в двух экземплярах, у мужчин в одном.

Американский антрополог и генетик Алан Темплтон еще в 2005 г. обратил внимание на тот факт, что ожидаемое время схождения эволюционного дерева, построенного для отдельного участка ДНК, в одну точку зависит от того, в скольких вариантах присутствует данный участок в организме (Templeton, 2005). Быстрее всего должны сходиться как раз мтДНК и Y-хромосома (что и наблюдается, они сходятся 160–200 тыс. лет назад). Это не значит, что именно тогда и появился *H. sapiens*. По мнению Темплтона, это значит лишь, что данные участки генома не годятся для реконструкции более давних событий. Участки, локализованные на X-хромосоме, сходятся в более далеком прошлом (до 2 млн лет); все остальные участки – в еще более глубокой древности, некоторые даже еще до того, как разделились эволюционные линии человека и шимпанзе. Как это может быть? Очень просто: если бы мы могли проследить во всех деталях родословную предков человечества – не какого-то конкретного человека, а всей популяции вместе, вплоть до общих предков с шимпанзе, – мы увидели бы, что эта родословная никогда не «схлопывалась» до одного-единственного индивида. Всегда, в любой момент прошлого, существовала некая предковая группа особей с различающимися генами. Поэтому «наша» эволюционная линия вполне могла унаследовать от общих с шимпанзе предков не один, а сразу несколько вариантов того или иного гена. Впоследствии мы могли растерять этот исходный полиморфизм, так что у нас в итоге остались гены, происходящие лишь от одного из исходных вариантов. Именно так и произошло с мтДНК и многими другими генами. Но это не обязательно: по некоторым генам часть исходного полиморфизма могла досуществовать (и досуществовала) до наших дней.

В общем, получается, что история мтДНК – еще не история человечества.

Каким образом по мтДНК или другому участку генома можно сделать вывод о выходе наших предков из Африки в какое-то определенное время? Это возможно в том случае, если вскоре после данного события у кого-то из переселенцев возникла мутация в изучаемом участке ДНК, которая затем в ходе экспансии размножилась. И тогда современный генетик увидит, что частота встречаемости данной мутации у внеафриканского населения, к примеру, 10%, а в Африке ее нет. Время возникновения мутации определяется на основе других, позднее возникших мутаций, по методу «молекулярных часов». Ну а если вскоре после выхода из Африки в данном участке генома никакой мутации не возникло? Тогда, разумеется, ничего не выйдет: этот участок генома просто не сохранит следов интересующей нас экспансии.

Поэтому по одному-единственному участку генома (например, по мтДНК) нельзя делать окончательные выводы об эволюции и истории расселения человечества. Для таких выводов необходим комплексный анализ многих разных участков генома.

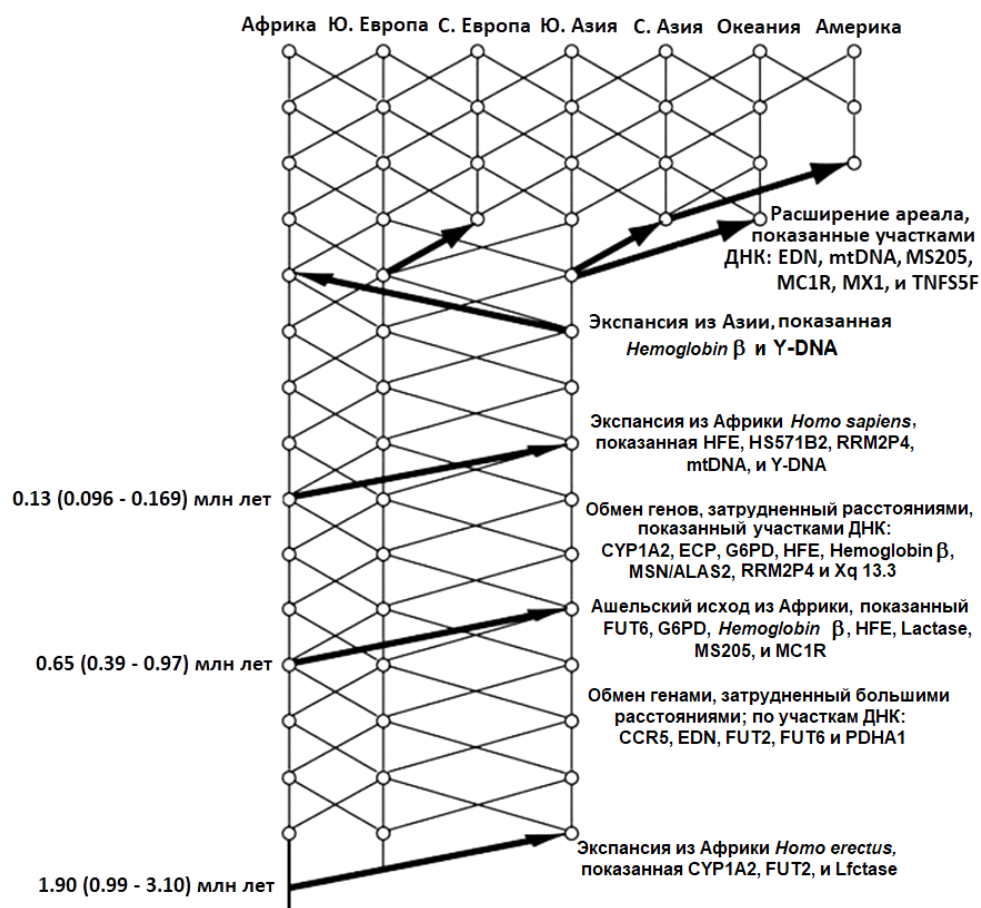

Схема истории человечества по А. Темплтону. Справа перечислены участки ДНК (гаплотипы), подтверждающие то или иное событие. Видно, что мтДНК и Y-хромосома «работают» лишь начиная с последнего выхода из Африки около 100 тыс. лет назад. По рисунку из Templeton, 2005

Темплтон проанализировал помимо мтДНК и Y-хромосомы еще 23 участка генома и пришел к следующим выводам. Разные участки ДНК сохранили следы разных событий в истории человечества. Общая картина довольно точно совпадает с той, которая реконструируется по данным археологии. Три участка ДНК сохранили следы древнейшей волны выхода из Африки около 1,9 млн лет назад. Это означает, что в наших жилах течет кровь древних азиатских (а не только африканских) эректусов!

Семь участков ДНК свидетельствуют о втором исходе из Африки около 0,65 млн лет назад. Это, наверное, позднеашельская экспансия. Гейдельбергские люди, представители этой волны, – тоже наши предки. Наконец, еще пять участков ДНК (в том числе мтДНК и Y-хромосома) подтверждают третий исход из Африки около 130 тыс. лет назад.

Кроме того, данные Темплтона показывают, что обмен генами между евразийскими и африканскими популяциями наших предков практически никогда не прекращался, хоть и был сильно затруднен большими расстояниями. Получается, что древнее человечество все-таки не было совокупностью полностью изолированных популяций (рас, подвидов, видов?) – оно было относительно единым на протяжении двух последних миллионов лет.

Выводы Темплтона оспаривались одними экспертами, в то время как другие разными путями приходили к похожему результату. Но вплоть до публикации сенсационных результатов прочтения геномов неандертальца и денисовца (гены которых присутствуют у современных людей), преобладала точка зрения о полном вытеснении африканскими сапиенсами всех древних евразийских популяций».

Est in medio verum

Лекция 19. ФИЗИОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЖИВЫХ ИНФОРМАЦИОННЫХ СИСТЕМ

По современным представлениям, любой «живой организм – это самоорганизующаяся нелинейная открытая метаболическая информационная система с развитыми обратными связями, подчиняющаяся законам управления, на основе которых она способна сохранять неравновесное гомеостатическое состояние и выполнять целенаправленные действия для удовлетворения своих многочисленных потребностей». Такое определение касается и высокоорганизованных многоклеточных организмов, в том числе человека, однако основной характеристикой для них является наличие признаков психической деятельности, связанной с возникновением нервной системы и развитием коры головного мозга.

Размышления о природе психической деятельности продолжаются, вероятно, с тех самых пор, как эта деятельность появилась, но к согласию об ее источнике удалось прийти сравнительно недавно – после достижений естественных наук двадцатого столетия. В это время психология вышла за рамки описательного человековедения. Она стала играть активную роль в определении методов и приемов воздействия на человека, его природные силы и потенциалы, поэтому сразу включилась в сферу нейронауки, которая изучает сложную систему отношений: природа – человек – общество. Эта система отношений проявляется в жизнедеятельности отдельных субъектов, различных социальных групп и объединений, а также в деятельности всего вида *человека разумного* в целом.

Современному представлению о психической деятельности способствовал прогресс естественно-научных и технических дисциплин, позволяющий рассматривать жизнедеятельность с привлечением понятийного аппарата системного анализа. С этой точки зрения, *живой организм образует единство с внешней средой, являясь элементом системы более высокого порядка – биосферы (или ноосферы по Вернадскому)*. В то же время организм сам представляет собой сложную систему взаимосвязанных между собой и взаимодействующих элементов или *структурно-функциональных рабочих единиц (СФРЕ)*, которые обеспечивают ему рост, развитие и полноценную жизнедеятельность. Таким образом, организм является СФРЕ на уровне биосферы; системы органов (сердечно-сосудистая, дыхательная, пищеварительная, выделительная, эндокринная, половая) – СФРЕ на организменном уровне; органы – СФРЕ этих систем и так далее вплоть до молекулярного и субмолекулярного уровней. При этом целостность и функциональное единство организма,

а также его взаимодействие с внешней средой обеспечивает нервная система. *Нервная система управляет работой всех прочих СФРЕ организма, объединяя и координируя их деятельность. Кроме того, при помощи органов чувств и специальных чувствительных окончаний во внутренних органах нервная система постоянно воспринимает раздражения из внешнего мира и обеспечивает ту или иную деятельность организма, осуществляя его взаимосвязь с системами более высокого порядка – природой и обществом.* Таким образом, нервная система является управляющей системой – регулятором, и с помощью этой системы организм как целостная СФРЕ вступает в единство с внешней средой, в которой он растет и развивается. Именно поэтому отрасль науки, связанная с вопросами взаимоотношения организма и окружающей его среды, стала называться нейронаукой.

Термин «нейронаука» (neuroscience) был введен в конце 60-х годов двадцатого века американским биологом Френсисом Шмидтом и с тех пор широко используется при международном общении.

На сегодняшний день **центральным положением нейронауки является следующая аксиома.**

Аксиома нейронауки. Все осознаваемые и неосознаваемые психические процессы в принципе являются производными физиологических процессов в нервной системе и могут рассматриваться как ее функция.

При этом нейронаука включает в себя все области знания, связанные с нервной системой и направленные на изучение нервных процессов, обеспечивающих взаимодействие организма с внешней средой. Различные аспекты этого взаимодействия исследуются на молекулярном (нейрохимия и биофизика), клеточном, тканевом, органном и организменном (нейроморфология) уровнях структурной организации. Изучение способности той или иной структуры совершать определенные действия, т.е. изучение ее функциональных свойств относится к компетенции нейрофизиологии и физиологии высшей нервной, в том числе психической деятельности (ВНД).

Став составной частью нейронауки и включившись в ту ее область, которая изучает поведенческие реакции высших животных и человека, возникающие в ответ на действие различных факторов внутренней и внешней среды, психология приняла и другое положение нейронауки о том, что *источник психической деятельности заключен в информационном отражении на основе нервной системы, т.е. в том свойстве структурного взаимодействия, которое возникло при переходе материи от неживой – неощущающей к оощущающей – живой.*

В настоящее время понятие «психика» трактуется очень широко. В него входят такие процессы, как мышление, сознание, память, а также эмоции и интеллект – формы ВНД, обуславливающие и видоизменяющие поведение.

Поведение – это форма жизнедеятельности, которая определяет вероятность и продолжительность контакта организма с объектами внешней среды, способными удовлетворить его многочисленные врожденные и приобретенные потребности.

В физике явления, возникающие при всех видах взаимодействия объекта и стимула (воздействия) и связанные с изменениями структурного состояния объекта, можно назвать отражением или «рефлексом». При простом отражении объект меняет свое структурное состояние, не совершая при этом никаких действий. Так, например, при воздействии тепла лед превращается в воду. **Информационное отражение** предполагает наличие структур, способных не просто испытывать внешние воздействия и соответственно менять свое состояние, но и строить особые взаимоотношения с внешней средой, осуществляя поведенческие реакции, т.е. выполняя специальные функции. Таким образом, *любая информационная система, в том числе и живой организм, является функциональной системой с определенным строением и способностью совершать различные действия, изменяя свою структуру. При этом внешний стимул влияет на состояние системы не прямо, а косвенно: он приводит систему в активное состояние, «включает» внутренние программы действий, которые затем осуществляются независимо от свойств самого стимула и составляют ту или иную функцию.*

В процессе перехода материи от неощущающей к ощущающей и далее к материи, обладающей сознанием, возникли живые информационные системы, которые эволюционировали от простых информационных систем – одноклеточных организмов с элементарной раздражимостью к сложным информационным системам – многоклеточным организмам с рефлексом на основе нервной системы, а затем к высшим животным и человеку, обладающим ВНД и психическим отражением. Нейрофизиология, которая имеет дело со сложными информационными системами, позаимствовав из физики термин «рефлекс», наделила его новым содержанием. Применительно к живому организму **рефлекс означает отражение на основе нервной системы или нейрофизиологическое отражение. Он связан с возбудимостью нервных клеток и генерацией нервного импульса.**

Итак, генетически исходной формой информационного отражения, характерной для всего живого, является **раздражимость – способность организма к специфическим реакциям в ответ на действие определенного раздражителя.** Эти реакции проявляются уже на клеточном уровне и происходят за счет энергии самой клетки, а энергия внешнего стимула служит лишь для «запуска» внутреннего процесса. В этом свойстве проявляется признак информационной системы, в которой собственные характеристики раздражителя не являются определяющими для той или иной функции. Внешний раздражитель стимулирует, возбуждает внутреннюю программу самодвижения, он приводит в активное состояние ту функциональную систему, которая организует поведение независимо от свойств самого стимула. Часто ничтожное по собственным характеристикам – энергетическим или вещественным – воздействие может иметь громадное информационно-сигнальное значение для отражающей системы.

С появлением многоклеточных организмов и образованием нервной ткани, а затем и нервной системы, появилась такая форма информационного отражения как **рефлекс**, и, наконец, следующий шаг в эволюции живых информационных систем связан с развитием **коры головного мозга**, которая является субстратом **психического отражения.** У человека процесс восприятия внешнего мира как бы повторяет историю развития психики от элементарной раздражимости до понятийного мышления и сознания, связанных с деятельностью коры головного мозга. При этом между реакциями клетки и целенаправленным поведением человека лежит огромный слой явлений, возникающих в результате взаимодействия специализированных структурных образований нервной системы, организующих поведение и объединенных по принципу иерархии. **Иерархия – это «служебная лестница», т.е. расположение СФРЕ в порядке подчинения и перехода от низшего уровня (или ранга) к высшему.** Этот принцип проявляется как в объединении любых СФРЕ отдельного организма, так и в объединении общественных животных, в том числе людей, в социальные группы, различные сообщества, и, наконец, в таком объединении, которое мы называем «человечеством».

На нашей планете человечество является самой развитой живой информационной системой, способной не только познавать окружающий мир, осваивать его и защищаться от его повреждающих факторов, но и изменять предметы и явления внешней среды по своему усмотрению с тем, чтобы полностью удовлетворить все свои потребности.

Потребностно-информационный подход к деятельности нервной системы, организующей и регулирующей поведение, основывается на большом количестве научных фактов, полученных при изучении структуры и функций нервной системы животных и человека, при исследовании их поведенческих реакций, а также при анализе результатов деятельности здорового и больного мозга человека. Этот подход в какой-то мере позволил выяснить способы, с помощью которых нервная система координирует потребности организма с условиями внутренней и внешней среды и организует поведенческие акты, направленные на достижение определенной цели.

Потребностно-информационные критерии поведения

Нервная система является регулирующей системой, которая управляет работой всех других систем организма, осуществляя процессы его жизнеобеспечения и поведения во внешней среде.

Деятельность нервной системы, направленную на объединение и согласование работы отдельных частей организма и регуляцию процессов жизнеобеспечения принято

считать низшей нервной деятельностью. В этой деятельности принимают участие все структуры нервной системы, в том числе и кора большого мозга.

Деятельность нервной системы, направленную на осуществление взаимодействия организма с внешней средой, т.е. на организацию поведения, называют высшей нервной деятельностью (ВНД). Психическая деятельность является составной частью ВНД.

ВНД называется так вследствие своей сложности, а не потому, что она связана с высшими отделами ЦНС, т.к. в организации поведения принимают участие как высшие корковые структуры мозга, так и верхние, и нижние отделы ствола, спинной мозг и периферические образования нервной системы.

При этом поведение, обусловленное активностью нервной системы, является *континуумом*³ результатов.

Континуум результатов или *поведенческий континуум* – это непрерывная последовательность поведенческих актов, совершаемых организмом на протяжении жизни. Отдельный поведенческий акт является отрезком поведенческого континуума от одного результата до другого.

В организации поведения *инициаторами действия* являются многочисленные потребности, и конечной целью любого поведенческого акта является их удовлетворение.

Наличие потребностей обуславливает постоянную активность разнообразных функциональных систем и, в первую очередь, нервной системы, а удовлетворение потребности снижает эту активность, другими словами, *активность того или иного нейронного ансамбля (блока) закономерно увеличивается при реализации поведения, направленного на достижение определенной цели (конечного результата), и уменьшается когда цель достигнута, т.е. потребность удовлетворена.*

Понятия *активности* и *целесообразности* связаны с представлениями об опережающем отражении – о направленной в будущее активности отдельных нейронов, нейронных ансамблей, всех компонентов управляющей нервной системы и организма в целом.

В развитой управляющей системе имеются компоненты, отвечающие за получение *осведомительной* информации из окружающей среды (внешней и внутренней); компоненты, отвечающие за *планирование* действий и *прогнозирование* результатов; компоненты *командных* систем, побуждающих к действию те или иные исполнительные органы или системы, а также структуры, относящиеся к *акцептору действий*, т.е. получающие информацию о реальных результатах и о соответствии их ожидаемым (*контролеры*). Если результат окажется

неудовлетворительным, акцептор действия посылает импульсы к структурам, отвечающим за планирование действий и создание конкретных программ новых действий. Таким образом, происходит перепрограммирование и достижение необходимого результата.

³ Континуум (лат.) – непрерывное, сплошное. В нашем контексте – многообразие результатов, достигаемых в течение жизни.

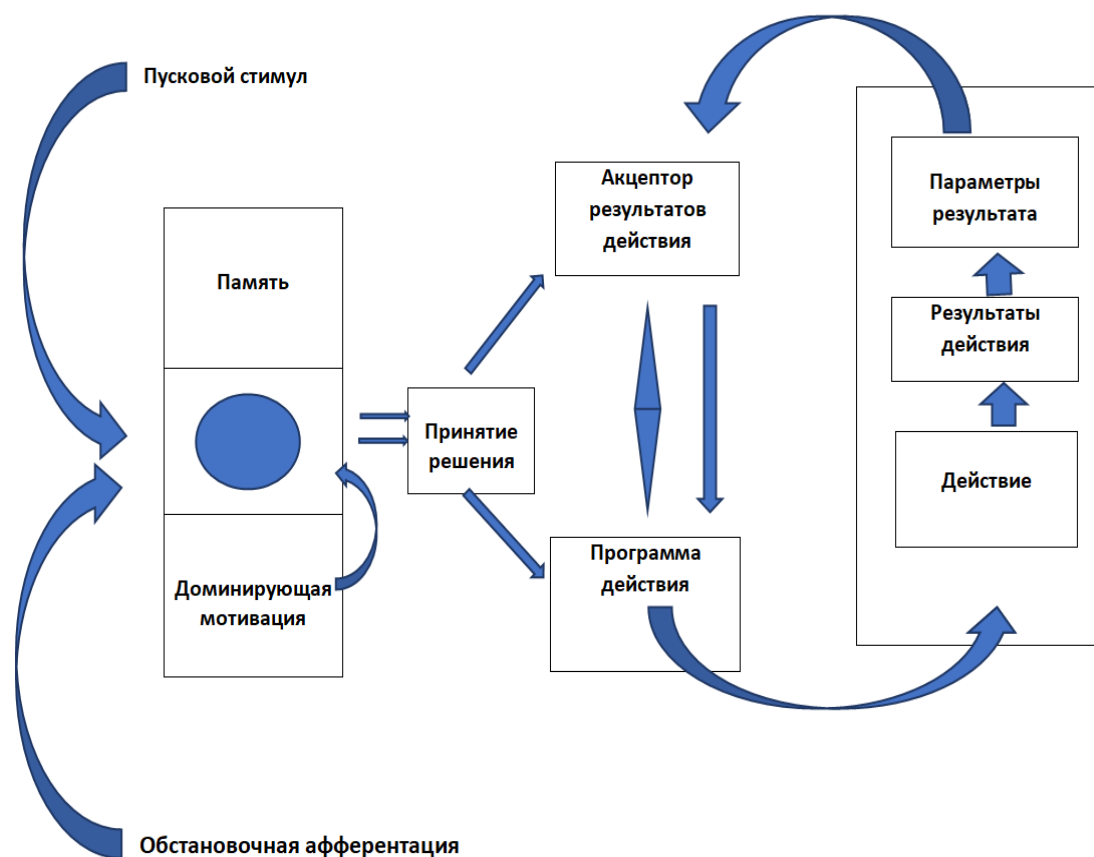

Схема операционной архитектоники ЦНС(П.В. Симонов, 1987 г.)

Основные этапы организации поведенческого акта. Поведенческий акт возникает:

1 – при наличии *пускового стимула* и в *соответствующей обстановке* (подкрепляющая афферентация), т.е. первым этапом поведенческого акта является актуализация потребности (появление мотива⁴ и наличие соответствующей обстановки).

2 – при *активации нейронных механизмов*, необходимых для принятия решения о действии, т.е. при возникновении мотивации⁵; на втором этапе происходит извлечение из памяти соответствующего материала либо осуществление поискового поведения.

3 – при активации структур, ответственных за *оценку вероятности удовлетворения потребности (эмоциональный фон), за составление программ действий и при наличии механизмов реализации действий*, т.е. третий этап включает в себя принятие решений о действиях, составление программ действий и реализацию действий.

Если отсутствует любой из этих компонентов, необходимых на каждом из этапов организации поведения, то поведенческий акт не реализуется (например, по экспертной оценке эмоциональной сферы вероятность удовлетворения потребности мала – появляется отрицательная эмоция, программы не составляются, и команды к действию не возникают).

Таким образом, мотив необходим для осуществления первого этапа поведенческого акта, для второго этапа необходима мотивация, а на третьем этапе программируются и реализуются действия.

⁴ Мотив – актуализированная потребность, которая возникает при активации *памяти о целях*. Если потребность не стала мотивом, то побуждения к действию не возникает.

⁵ Мотивация – физиологический механизм активирования хранящихся в памяти следов (энграмм) тех объектов и действий, которые способны удовлетворить имеющуюся потребность, если необходимой информации в памяти нет, то активируются механизмы поискового поведения по принципу «проб и ошибок».

Способность *воспринимать изменения внешней и внутренней среды и изменять свое поведение* для достижения определенной цели – два основных свойства всех живых информационных систем (живых организмов) от самых простых до самых сложных. Вместе с тем, информационные системы, обладающие нервной системой и, особенно, головным мозгом, в своих способностях ощущать и действовать намного превосходят другие, более простые организмы. Это обусловлено тем, что с развитием ЦНС в целенаправленном поведении живых информационных систем появились такие варианты действий, которые характеризуются как «моделирование», а среди механизмов управления, наряду с «программным» и «блочным» появилось «форпостное» управление, основу которого составляет прогноз развития ситуации во внешней среде.

Механизмы управления. Простейшие механизмы, с помощью которых реализуются все законы управления, базируются на двух основных принципах: управление «по возмущению» и управление «по отклонению».

При *управлении «по возмущению»* проявляется избирательность информационного отражения, когда система может принять, отклонить или изменить (усилить или ослабить) сигнал⁶ из внешней среды «на входе» и придать ему значение стимула⁷. При этом реализуются защитные реакции.

Важно, что все информационные потоки, которые могут иметь сигнальное значение, т.е. восприниматься как сигнал в той или иной конкретной ситуации, существуют в виде раздражителей.

Раздражители – те изменения внешней среды, которые существуют объективно и не зависят от нашего восприятия. Не каждый раздражитель является сигналом. Существуют **индифферентные раздражители**, которые не воспринимаются системой и, соответственно, не становятся сигналами. Раздражители, несущие информацию, необходимую как для ориентировки во внешней среде, так и для оценки состояния самого организма, **приобретают сигнальное значение, если они вызывают генерацию нервного импульса в рецепторных клетках сенсорных систем.**

Из этого следует, что сами по себе раздражители еще не являются информацией, они приобретают это качество только после того, как становятся сигналами – семантически значимыми информационными элементами для той информационной системы, которая их воспринимает (семантический – смысловой).

Сигнал превращается в стимул, когда становится побуждением к действию, т.е. в тех случаях, когда после восприятия сигнала возникает то или иное действие. Не каждый сигнал становится стимулом, как не каждый раздражитель является сигналом.

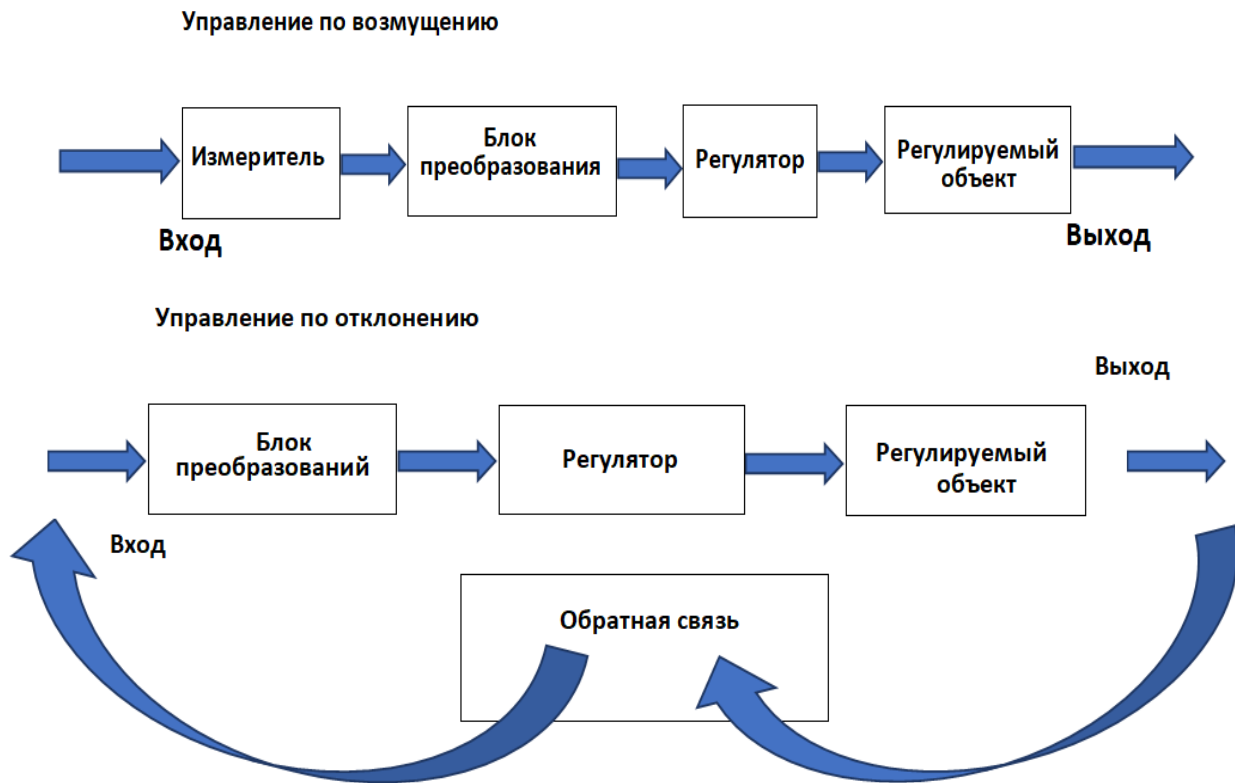
Таким образом, выстраивается цепочка: раздражитель – сигнал – стимул, где наиболее широким понятием является «раздражитель», а наиболее узким – «стимул».

При *управлении «по отклонению» с помощью биологических обратных связей (БОС)* реализуется опережающее отражение. Управляющая система улавливает изменения параметров действий других функциональных систем «на выходе». Если такие параметры отличаются от «заданных», включаются БОС, происходит коррекция отклонений и возвращение параметров к необходимым. При участии положительных и отрицательных БОС формируется целенаправленное самостоятельное поведение, включающее предвидение.

Совместное действие положительных и отрицательных БОС позволяет организовать адаптивное поведение, в том числе и процессы самоорганизации (например, компенсаторно-приспособительные реакции – КПР).

⁶ Сигнал «signum» (лат.) – знак, сигнал – условный знак для передачи информации на расстояние, в нашем контексте – нервный импульс.

⁷ Стимул «stimulus» (лат.) – погоняло, стрекало – побуждение к действию, толчок, причина действий.

Схематическое изображение способов управления (Е.Н. Попечителей, 1997 г.)

Из других механизмов управления, развивающихся в процессе эволюции, в организме используются:

- **«пороговые схемы»**, т.е. подключение командных систем к исполнительным органам только при наличии некоторого порогового уровня **«входного» сигнала** (подпороговый или запредельный уровни могут восприниматься сенсорными системами, но они не приводят к действию, т.к. отклоняются командными системами); для реализации действия при управлении с помощью «пороговой схемы» необходимо, чтобы сигнал приобрел пороговое значение и стал стимулом;

- **«программное управление»** – конкретная программа действий зависит от **«выходного» сигнала**, который имеет значение стимула и включает вполне определенную программу действий;

- **«блочное управление»**, при котором действие реализуется с помощью соединения стандартных программ в единые блоки (например, при ходьбе или беге в конечностях одновременно включаются программы действия мышц-сгибателей и мышц-разгибателей, а при беге и программа поддержания тела в «полете», чтобы обеспечить равновесие и нормальное положение тела в пространстве);

- **«форпостное управление»**, основу которого составляет прогнозирование результатов действия и развития ситуации во внешней среде, т.е. управление поведением, направленным в будущее (например, при охоте кошки на птицу, когда кошка прыгает не туда, где птица находится в данный момент, а туда, где будет находиться птица, когда она взлетит; таким образом, кошка действует с «учетом потребного будущего» по терминологии Бернштейна).

Поведенческие действия, реализуемые управляемой системой, делят на три группы:

- **«реакции»**, где каждое действие рассматривается как простой механизм поведенческого акта, включающийся в любой ситуации при переходе определенного сигнального раздражителя в пусковой стимул; к таким механизмам относятся –

раздражимость и простые рефлексы, осуществляемые по принципу «*пуск–тормоз*» или «*сигнал–ответ*»;

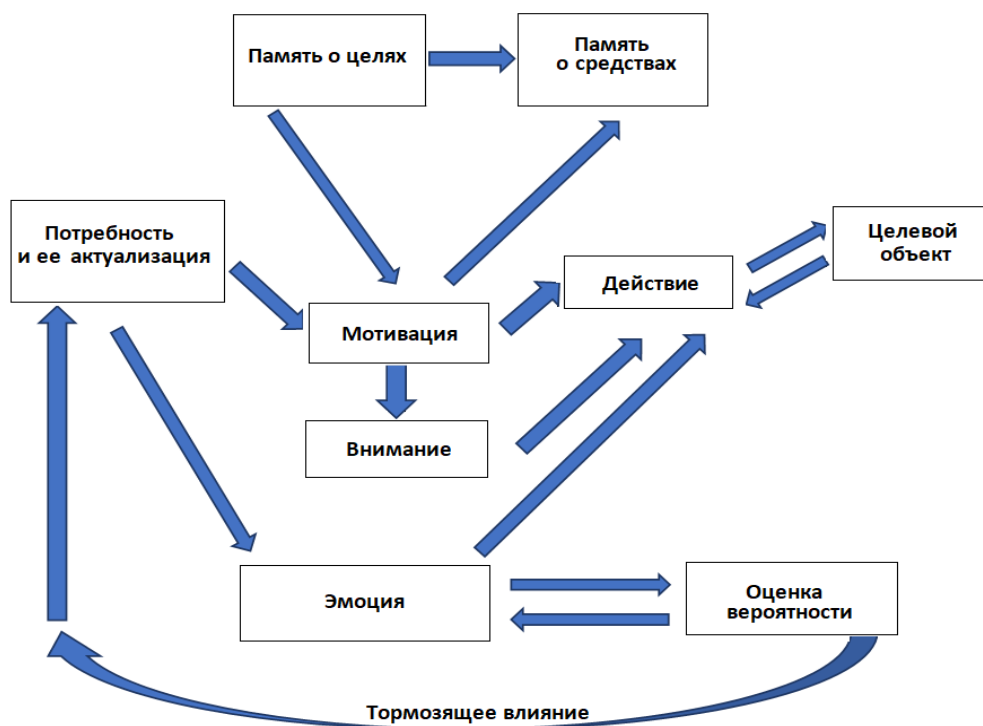
– «**стереотипы**», при которых поведение строится по определенным программам, когда каждая программа была неоднократно отработана системой и стала для нее стандартной (типовой), т.е. на действие внешнего стимула организм отвечает стандартным набором поведенческих актов (автоматизированное поведение), так осуществляются сложные безусловные и условные рефлексы;

– «**моделирование**», при котором каждый поведенческий акт учитывает изменяющиеся параметры внешней среды, текущее состояние организма, преследуемые цели и прогнозируемые результаты, т.е. составляется модель «потребного будущего» и устанавливается соответствие между наличными и возможными ситуациями и поведением.

В этом варианте действий требуется всесторонний анализ информации, поступающей из внешней и внутренней среды, для распознавания конкретной ситуации.

В связи с этим особое значение приобретают сигналы, поступающие из органов чувств – сенсорные сигналы. **Сигналы, возникающие в рецепторных нейронах органов чувств и передающиеся по афферентным волокнам к нервным центрам, называются сенсорными сигналами.** Процесс передачи информации по афферентным путям нервной системы сопровождается многократным их преобразованием (перекодированием) на всех иерархических уровнях и завершается опознанием сенсорного образа. Понятно, что опознание сенсорного образа включает в себя сбор информации, ее анализ и синтез. Для этого различные нервные элементы объединяются в функциональные системы, которые имеют свои датчики, каналы связи, детекторы признаков и т.д. Все эти элементы необходимы для того, чтобы в процессы высшей нервной деятельности включилась осведомительная информация.

Сенсорная система представляет собой совокупность периферических и центральных образований, обеспечивающих кодирование (отражение) физико-химических характеристик внешних раздражителей, оценку их сигнальной сущности и биологической значимости. Эти образования участвуют в организации отдельных поведенческих актов и всего адаптивного целенаправленного поведения. Кроме сенсорной информации в организации поведения участвует информация, хранящаяся в памяти, а для оценки поступающей информации в структуру поведенческого акта включаются так называемые «экспертные системы» – внимание и эмоции. Механизмом побуждения к действию является доминирующая мотивация. Командные системы включают в работу исполнительные структуры, их активность направлена на целевой объект.

Общая структура поведенческого акта (П.В. Симонов, 1987 г.)

Мотивом, или побудительной *причиной действий*, всегда является та или иная актуализированная потребность (у животных – витальная или социальная, у человека к этому добавляется большой спектр идеальных потребностей).

На основе потребностей существуют инстинкты (сложные и сложнейшие безусловные рефлексy – БУР), влечения – драйвы и условные рефлексy, а также возникающие вместе с потребностями эмоции. Кроме того у людей добавляются установки и идеалы, которые приобретаются в онтогенезе на основе мышления и сознания. С помощью эмоций выделяются *доминирующие и субдоминирующие потребности*, если в какой-то момент времени актуализируется несколько конкурирующих⁸ потребностей.

Когда говорят о *конкуренции потребностей* или «о борьбе мотивов», то на самом деле имеют в виду те эмоции, которые вызваны потребностями, одновременно актуализированными в данный конкретный момент у данной конкретной личности.

Если причиной действия является мотив, то *механизмом, побуждающим к действию*, является *мотивация*, т.е. активация деятельности мозговых структур, участвующих в реализации поведенческих актов, направленных на удовлетворение потребностей и, соответственно, на устранение или минимизацию отрицательных эмоций и получение или максимизацию положительных эмоций.

С нейрофизиологической точки зрения, *мотивация – это механизм активирования в памяти энграмм (следов памяти) тех внешних объектов, которые способны удовлетворить имеющуюся у организма потребность и тех действий, которые необходимо для этого совершить*. Таким образом, возникновение мотивации тесно связано с избирательным возбуждением нервных центров, участвующих в организации целенаправленного поискового поведения.

Не существует мотивации без потребностей, но вполне можно встретить потребность, не ставшую мотивацией. Например, человек испытывает острую потребность в витаминах, что вызывает у него состояние дискомфорта, т.е. отрицательные эмоции, которые являются отражением неудовлетворенной потребности. Не зная о причинах своего дискомфортного состояния, человек не является мотивированным. Необходимо сходить к врачу и выяснить

⁸ Конкурировать (лат.) – бежать вместе.

мотив, тогда возникнет и мотивация, активизируется память о средствах, и человек начинает действовать.

Обмен веществ и гомеостаз

Основой жизнедеятельности всех живых существ является их способность к обмену веществ. Жизнь требует расхода энергии, а источником энергии в организме служит множество разнообразных химических реакций, протекающих в клетках и межклеточном пространстве. Вся химическая деятельность, обеспечивающая подвижность клеток и отростков, их возбудимость, проводимость и рост, восстановление и воспроизведение, называется обменом веществ, или метаболизмом. Энергия, необходимая для процессов жизнедеятельности, производится в организме при непрерывном расщеплении белков, жиров и углеводов, которое имеет длинный ряд промежуточных этапов. Если такое расщепление происходит в присутствии кислорода, то конечными продуктами оказываются углекислота и вода, и данный процесс называется дыханием, или биологическим окислением. Живые клетки не тепловые машины, они не могут использовать тепловую энергию для осуществления явлений жизни: роста, движения, способности к раздражению – и поэтому вынуждены использовать химическую энергию реакций, в ходе которых происходит переход электронов с одного энергетического уровня на другой. Электроны отщепляются от молекулы какого-либо питательного вещества и через обширную систему переносчиков в конце концов присоединяются к кислороду, который, реагируя с ионами водорода, образует молекулу воды, а органические вещества при этом процессе расщепляются до углекислоты. Этот поток электронов получил название «электронного каскада».

Представим себе, что поток электронов на своем пути проходит через ряд водопадов; каждый водопад вращает турбину химической реакции, в ходе которой энергия электронов связывается в биологически полезной форме – в виде энергии органических соединений, таких, например, как аденозинтрифосфат (АТФ).

Получаемая энергия вновь включается в процесс синтеза органических веществ, то есть тех же углеводов, белков, жиров и других соединений, необходимых для жизни, а также используется для переработки питательных веществ, поступающих извне. Питательным веществом называется любое потребляемое организмом вещество, которое может быть использовано для получения энергии, необходимой для потребления и восстановления тканей организма, или для обеспечения физиологических процессов. Поступив в организм, питательные вещества либо включаются в состав новых элементов, либо окисляются, доставляя организму энергию. Часть этой энергии используется для синтеза новых веществ, часть потребляется в процессе функционирования органов и клеток (передача нервных импульсов, сокращение мышечных клеток и тому подобное), часть освобождается в виде тепла.

Питание или трофика (от греческого *trophe* – питание) – это сложное, многоступенчатое проявление деятельности организма. Оно складывается из процессов поиска и поглощения пищи; пищеварения; всасывания питательных веществ и поступления их во внутреннюю среду организма; уравнивания реакций ассимиляции (по латыни *assimilatio* – уподобление, усвоение организмом внешних по отношению к нему веществ) прибывших простых молекул с процессами диссимиляции (распада) сложных молекул, составляющих внутреннюю среду клетки; своевременного удаления промежуточных и конечных продуктов обмена. Совокупность этих последовательных или одновременно протекающих процессов направлена на рост и созревание, на сохранение структуры и функции клеток, тканей и органов и, следовательно, целостного организма. Нарушение отношения между этими процессами может привести к деградации и гибели всего организма.

В зависимости от обеспечения питательными веществами органы, ткани и клетки могут испытывать различные трофические состояния, к которым в соответствии с общепринятой терминологией применяют определенные названия, перечисляемые ниже.

Эйтрофия – оптимальное питание, то есть такое взаимоотношение между уровнем утилизации питательных веществ, притекающих к клеткам, и скоростью удаления продуктов распада, при котором не наблюдается отклонений от нормального структурного (морфологического) строения, физико-химических свойств и функций клеток и нормальной способности к росту, развитию и специализации.

Гипертрофия – усиленное питание, выражающееся в увеличении массы клеток (истинная гипертрофия) или в увеличении количества клеток (гиперплазия), обычно с повышением их функции. Гипотрофия – ослабленное питание, связанное с уменьшением массы и количества (гипоплазия) клеток как, например, физиологическая гипотрофия различных органов при малоподвижности, весьма распространенном состоянии организма в настоящее время. Атрофия – отсутствие питания и, соответственно, постепенное уменьшение массы клеток и их исчезновение. Дистрофия – качественно измененное неправильное питание, приводящее к морфологическим сдвигам, изменению физико-химических свойств и функций клеток, тканей и органов, их росту, развитию и специализации. Различают дистрофии местные, системные и общие, врожденные и приобретенные в результате повреждающих воздействий на организм факторов внешней и внутренней сред. Дистрофические изменения могут быть обратимыми, если вредоносные факторы прекращают свое действие, и необратимыми, заканчивающимися гибелью клеток, если дистрофия с самого начала была несовместима с их жизнью. Во многих случаях тяжелое поражение или гибель органов и тканей является результатом дистрофических сдвигов в результате хронических воздействий на организм неких патологических факторов. Трофические изменения могут развиваться как самостоятельные явления или как симптомы различных болезней.

При развитии ряда стандартных и специфических физиологических процессов (воспаление, опухоль) могут наблюдаться одновременно явления гипертрофии, гиперплазии, гипотрофии, гипоплазии, атрофии. Часто эти изменения трофического состояния сменяют друг друга. Как писал Кахаль, «Мы часто можем наблюдать суровую конкуренцию за питание среди клеток в ткани, «борьбу за существование» среди клеток в воспаленных областях или среди элементов, подвергнутых воздействию опухолей. Однако, как в каждом здоровом цивилизованном сообществе борьба за существование отбрасывается или значительно снижается посредством государственного управления, направленного на разделение труда и распределение благ, создающих условия для общих интересов, так и в живом организме, благодаря особому контролю нервной системы, а также подавлению незанятости или чрезмерной свободы и распределению функциональных ролей, борьба исчезает или становится умеренной, проявляясь только тогда, когда общее питание органов или клеток серьезно нарушается внутренними или внешними причинами».

Еще Гиппократ заметил связь между изменениями отдельных органов и частей тела. Он писал: «Органы сочувствуют друг другу в отношении своего питания». Винслоу развил эту мысль и впервые высказал предположение, согласно которому взаимное влияние («сочувствие – симпатия») внутренних органов друг на друга, при котором заболевание одного из них вовлекает в болезненный процесс другие органы, осуществляется сочувственным или «симпатическим» нервом. Затем на протяжении более чем 200-летней истории развивалось учение о «нервной трофике», основополагающим выводом которого является то, что регуляция трофики в организме осуществляется рефлекторным путем («рефлекс» – отражение) с помощью нервной системы и одним из важнейших звеньев трофического рефлекса является ее отдел, по традиции называемый симпатическим.

Трофический рефлекс, как и всякий рефлекс, состоит из 3-х звеньев: афферентная («приводящая») часть, нервный центр, эфферентная («отводящая») часть – но в данном случае речь идет не о простой рефлекторной дуге, а о разветвленном рефлексе, который получает множественное структурное и функциональное обеспечение во всех своих звеньях и осуществляется одновременно различными афферентными, центральными и эфферентными путями. Естественно, что при любом мероприятии, воздействующем на одно или несколько звеньев трофического рефлекса, в процесс вовлекаются практически все морфологические структуры и физиологические механизмы, имеющие отношение к трофике клеток, тканей, органов и организма в целом.

Обмен веществ регулируется таким способом, чтобы внутренняя среда организма оптимально соответствовала внешним условиям, но при этом уровень обменных процессов имеет определенный, относительно постоянный диапазон, соответствующий приспособительным реакциям. Внешние условия стремятся вызвать изменения, а организм непрерывно приспосабливается к этому, обеспечивая реакции внутренней среды в пределах постоянного диапазона. Такое стремление к относительному постоянству внутренней среды называется «гомеостазом».

Понятие гомеостаза первоначально было сформулировано Уолтером Кенноном для теоретического обоснования постоянства внутренней среды организма и ряда его физиологических функций. Тогда под термином «гомеостаз» понимали постоянство состава крови, лимфы, тканевых жидкостей, заключающееся в поддержании на определенном уровне осмотического давления, общей концентрации метаболитов, отдельных ионов, кислотно-щелочного состояния. Позднее представление о гомеостазе было математически разработано Норбертом Винером с позиций открытой системы, стационарное состояние которой обеспечивается регуляторными механизмами с обратной связью. Наиболее распространенное в литературе *определение гомеостаза как «относительного постоянства состава и свойств внутренней среды и устойчивости основных физиологических функций организма, обусловленного сложными регуляторными взаимодействиями на молекулярном, клеточном и организменном уровне организации живого»* принадлежит К.Н. Кассилю, Ю.Е. Вельтищеву, Б.Н. Тарусову и В.В. Фролькису. При этом в понятие гомеостаза уже включается как фазовое, так и циклическое течение реакций. Такая формулировка, естественно, представляет собой развитие первоначальных представлений, когда на первый план выдвигалось постоянство внутренней среды, а любое изменение рассматривалось как нарушение гомеостаза. Тем не менее в настоящее время термином гомеостаз пользуются еще более широко, подразумевая под этим не неизменность состояния, а непрерывное колебание вокруг некоторого уровня.

Биологическая обратная связь как механизм обеспечения гомеостаза

Прогресс в области нейробиологии, клинической и экспериментальной медицины и психологии сопровождается появлением новых понятий, обновлением традиционных представлений, привлечением терминов смежных дисциплин с новым оттенком содержания. Высокие темпы развития, непрерывное обогащение представлений о характере и механизмах физиологических явлений делают процесс «смыслового дрейфа» понятий особенно ощутимым.

Одним из самостоятельных новых направлений в немедикаментозном совершенствовании нормальных (здоровых) и коррекции нарушенных функций, основанным на целенаправленной активации резервных возможностей организма, является использование биологической обратной связи (БОС). В общем смысле обратная связь – это воздействие результатов функционирования какой-либо системы на характер этого функционирования (рис. 19). Обратная связь, действие которой приводит к увеличению выходного сигнала при неизменном сигнале на входе, называется положительной, вызывающая уменьшение – отрицательной. В целом обратная связь доставляет регуляторам сигналы о результате управляющего воздействия.

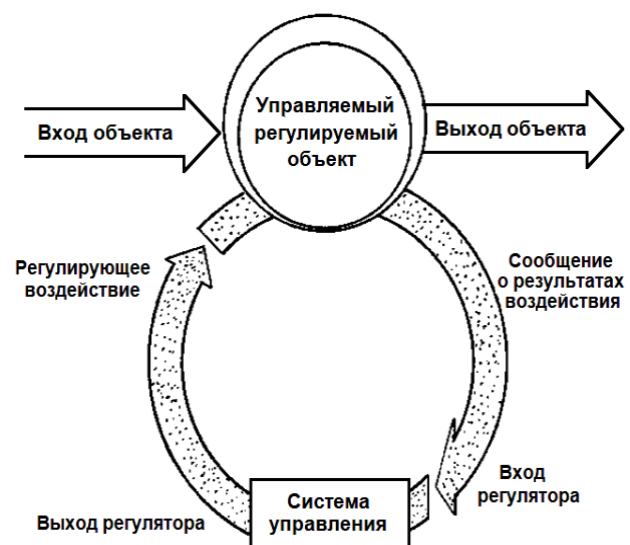

Рис. 19. Обобщенная схема устройства с обратной связью

По современным представлениям, организм является сложной динамической системой, состоящей из комплекса взаимосвязанных и взаимодействующих между собой элементов,

усложняющихся и поднимающихся по «иерархической лестнице». При этом он сам является элементом системы более высокого порядка (биосферы) и образует единство с внешней средой. На каждом иерархическом уровне осуществляются прямые и обратные связи между входящими в него элементами и структурно-функциональными рабочими единицами (СФРЕ). Организм представляет собой СФРЕ на уровне биосферы; специфическая и неспецифические функциональные системы (сердечно-сосудистая, дыхательная, пищеварительная, нервная, эндокринная) – СФРЕ на уровне организма; органы – СФРЕ функциональных систем и так далее, вплоть до молекулярного и субмолекулярного уровней.

Уровень колебаний гомеостатических реакций (ширина диапазона) и резервы его поддержания определяются активностью СФРЕ, которые существуют за счет энергии, вырабатываемой в процессе обмена веществ. Степень активности СФРЕ, обеспечивающая динамическое уравнивание поступления и расходования в организме потоков вещества и энергии, зависит от программы метаболизма, его интенсивности и направленности. Оптимальное состояние гомеостаза обеспечивается эволюционно выработанными, наследственно запрограммированными механизмами «конституитивного» и «индуцибельного» метаболизма.

Конституитивный метаболизм направлен на выработку веществ, которые образуют физическую основу СФРЕ, и участвуют в реакциях, необходимых для ее жизнеобеспечения. Он поддерживает гомеостаз в условиях изоляции от любых внешних для данной СФРЕ воздействий за счет ее внутренних регуляторных механизмов. Метаболизм индуцибельный направлен на синтез веществ, обеспечивающих различные функции СФРЕ, которые необходимы для выполнения специализированной работы в системе, а также для осуществления полноценной жизнедеятельности организма в соответствии с условиями окружающей среды, то есть для реализации адаптивных и компенсаторно-приспособительных реакций.

Индукцибельный метаболизм поддерживает адекватный гомеостаз при наличии внешних воздействий на организм в целом путем взаимодействия внутренних и внешних регуляторных механизмов. Включение индуцибельного метаболизма приводит к запуску биологической обратной связи, действующей на конституитивный метаболизм с целью стимулировать (положительная связь) либо блокировать (отрицательная связь) синтез веществ, используемых для жизнеобеспечения. В определенных условиях вещества, синтезируемые под контролем внешних регуляторных систем, могут действовать только по принципу отрицательной обратной связи и блокировать метаболизм, направленный на жизнеобеспечение отдельной СФРЕ, если это необходимо для оптимизации работы функциональной системы или организма в целом (рис. 20).

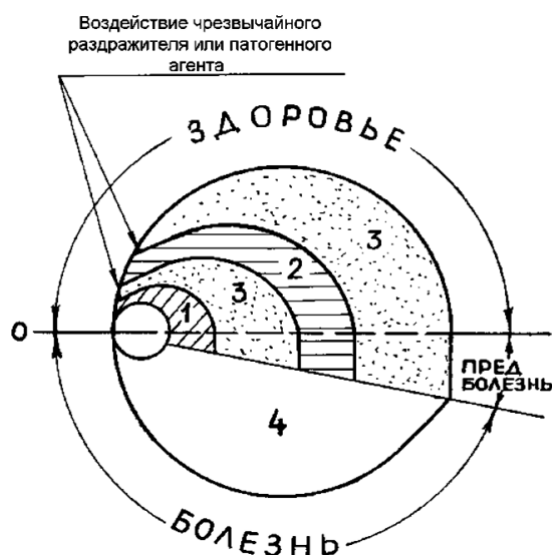

Рис. 20. Обобщенная схема гомеостаза в здоровом и больном организме:

- 1 – базовый гомеостаз (конституитивный метаболизм);
- 2 – адаптивные и гомеостатические реакции;

- 3 – компенсаторно-приспособительные гомеостатические реакции;
- 4 – патологические реакции

Для организма в целом как для открытой системы внешними регуляторными стимулами являются факторы окружающей среды; для его функциональных систем (органов, тканей, клеток) внешние регуляторные стимулы состоят из результатов взаимодействия нервных, нейроэндокринных, эндокринных, иммунных и других влияний, каждое из которых представляет собой определенный контур регуляции. При этом важно, что любой из контуров является саморегулирующимся и может быть в известной степени автономным, но вместе с тем для каждого из них другой гомеостатический контур также является регулятором, обеспечивающим адекватный сигнал на выходе.

Высшую интегрирующую и регулирующую роль в обеспечении реакций, поддерживающих гомеостаз на организменно-системном уровне, играет нервная система. Регуляция строится на сложной иерархии взаимоподчиненных «подстанций» в составе центральных и периферических отделов нервной системы, начиная от корково-подкорковых структур головного мозга и кончая терминалями, функционирующими в каждой рабочей СФРЕ вплоть до клеточных групп или даже отдельных клеток. При повреждении одной из этих подстанций, особенно структур головного мозга, возникает каскад компенсаторно-приспособительных реакций (КПР), влекущий за собой комплекс морфофункциональных перестроек в самом головном мозге, остальных отделах нервной системы, а затем в органах и тканях других систем жизнеобеспечения.

По современным представлениям, в нервной регуляции гомеостаза наиболее существенными реакциями являются не столько нервно-импульсные влияния типа «пуск – тормоз», сколько влияния нервнотрофические, которые осуществляются благодаря выделению в нервных окончаниях специальных веществ – нейромедиаторов. Успехи в изучении синтеза и перераспределения веществ в нейронах, транснейронального переноса макромолекул и низкомолекулярных соединений в системе межнейронных, нейроглиальных и нейротканевых отношений, показали, что эти механизмы являются основой общего процесса взаимодействия между различными формациями нервной системы и ее регулирующего влияния на тканевой субстрат, которое принято называть нервной трофикой.

В этой связи пристальное внимание исследователей вновь привлекла одна из основных систем регуляции, используемая организмом для координации своей деятельности в соответствии с требованиями внутренней среды и внешними условиями, – вегетативная нервная система (ВНС).

ВНС осуществляет общую регуляцию путем изменения активности двух своих сбалансированных отделов – симпатического и парасимпатического и, используя вещества – передатчики, способна практически мгновенно мобилизовать внутренние ресурсы организма для целостной вегетопсихомоторной реакции на любую возникающую извне или изнутри ситуацию (рис. 21).

С одной стороны, ВНС функционирует таким образом, что непрерывно поддерживает некоторый относительно постоянный «заданный» уровень для каждого физического или химического параметра внутренней среды, возбуждая или затормаживая различные физиологические функции организма, чтобы свести к минимуму отклонения отдельных параметров и, несмотря на значительные колебания условий окружающей среды, обеспечить относительное постоянство гомеостаза.

С другой стороны, уровень активности систем, которые обеспечивают взаимодействие организма с непрерывно меняющимися условиями внешней среды, должен варьировать в широких пределах, чтобы обеспечить адекватную приспособительную реакцию на вновь возникающие, непривычные или чрезвычайные ситуации, порождающие особые требования к составу внутренней среды.

Экстренная мобилизация внутренних ресурсов и поддержание необходимого уровня функциональной активности органов и систем жизнеобеспечения для самозащиты организма в таких условиях возможна только при использовании единой регулирующей системы, организующей и руководящей согласованными действиями других систем. Именно такой системой и является ВНС, которая в качестве дивергентной системы с одним «входом» и множеством «выходов» на ткани и клетки-мишени обладает обширными зонами влияния и осуществляет интеграцию и координацию различных видов деятельности организма.

Преимущества ВНС заключается в том, что она оказывает влияние не только на ткани и органы основных систем жизнеобеспечения, но и на другие нейроны, осуществляя связь со всеми иерархическими уровнями нервной системы и выходя за пределы специфических сенсорных, двигательных или ассоциативных функций. Кроме того, очень важно, что эффект медиаторов, используемых ВНС в качестве молекулярных посредников, зависит от условий, в которых он осуществляется, и может иметь противоположную направленность в разных условиях существования.

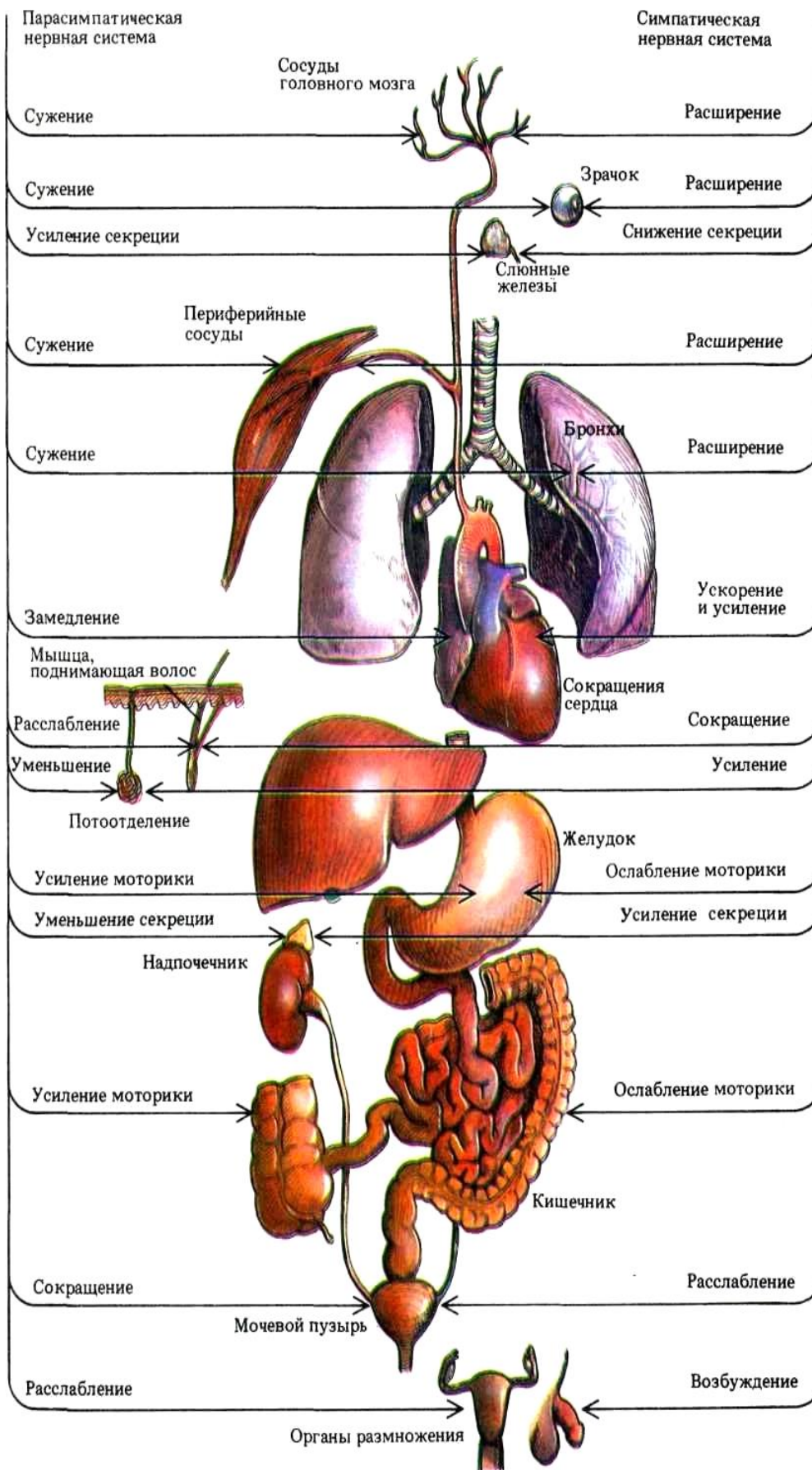

Рис. 21. Взаимодействие симпатического и парасимпатического отделов ВНС в регуляции функций внутренних органов (Ф. Блум и др., 1988)

Известно, что на ранних этапах филогенеза ВНС служила в основном для того, чтобы аккумулировать и сохранять энергию. В дальнейшем, на более поздних этапах эволюции по мере постепенного формирования и развития симпатического отдела, стала проявляться ее способность к мобилизации внутренних ресурсов и расширению диапазона компенсаторно-приспособительных реакций организма. У высших животных и человека деятельность ВНС, направленная на сбережение энергии и ресурсов, осуществляется в основном за счет парасимпатического отдела, а экстренная мобилизация энергии и поддержания адекватного уровня гомеостаза в экстремальных ситуациях и новых условиях жизни преимущественно зависит от реактивных возможностей симпатического отдела. Подводя итоги накопившимся данным и обобщая результаты основных исследований в данной области, Л.А. Орбели сформулировал представление о ВНС как о системе адапционно-трофической и отметил, что ВНС регулирует уровень активности того или иного органа воздействием на протекающие в нем процессы.

В учении о нервной трофике содержится то основное звено, которое объединяет теоретические проблемы физиологии и патологии с клиникой. В настоящее время представление о нервно-дистрофическом компоненте механизмов заболевания начало занимать надлежащее место в мышлении врачей, а идея о том, что лечить нужно не только болезнь, но и больной организм, в том числе его нервную систему, стала ведущей в сознании многих клиницистов.

Адаптивные, компенсаторно-приспособительные и патологические реакции организма

Как элемент биосферы, образующий единство с окружающей средой, организм представляет собой ту наивыгоднейшую систему, у которой автоматически изменяется способ действия с целью наилучшего управления. Такое автоматическое приспособление живого организма к непрерывно меняющимся условиям внешней и внутренней среды называется адаптацией. Организм – это адаптивная система, которая сохраняет работоспособность при непредвиденных изменениях окружающей среды. Это происходит путем изменения свойств управляемого объекта, а также целей управления, путем поиска наиболее целесообразного состояния. Проявления адаптации есть процессы обучения и самообучения, управления и самоуправления. Следует подчеркнуть, что процесс адаптации, то есть достижение самого выгодного режима работы, всегда происходит к определенным конкретным сложившимся условиям среды. То есть адаптироваться можно и к болезни. И резкое избавление пациента от какого-либо длительно сохраняющегося недуга может привести к серьезной дисгармонии в работе всех его витальных систем и функций. Иными словами, следует очень осторожно подходить к лечению хронических заболеваний, к которым организм практически адаптировался.

Устойчивость системы и ее способность к адаптации и компенсации нарушенных функции зависит от количества обратных связей между всеми ее уровнями и согласованности в их активности по времени и месту. На основе интеграции в системах управления и координации деятельности командных и исполняющих систем и осуществляется необходимый уровень обеспечения гомеостаза.

Живая система постоянно находится в колебательном состоянии, причем ширина диапазона разнообразных колебаний определяет устойчивость системы и ее способность к адаптации и компенсаторным реакциям в условиях жизнедеятельности. Расширение адаптивных и компенсаторно-приспособительных реакций (КПР) особенно ярко проявляется в состоянии напряжения, когда организм стремится к увеличению периода колебаний, чтобы продлить время восстановления, накопить энергетические и пластические резервы, необходимые для последующего повышенного их расходования.

Система поддержания организмом гомеостаза исключительно сложна по своим механизмам и строится на практически бесконечном разнообразии его реакций. Вместе с тем все они формируются из функций организма, отличаясь друг от друга лишь своеобразием комбинаций тех или иных функций в каждом конкретном случае, и объединены общим признаком компенсаторно-приспособительной сущности и гомеостатической направленности. Приспособительные (адаптивные) реакции обеспечивают гомеостаз в повседневных условиях при умеренных колебаниях функциональных нагрузок за счет изменения скоростей биологических реакций в пределах физиологической нормы. Компенсаторно-приспособительные реакции обеспечивают гомеостаз в условиях превышения пороговой величины воздействия (при действии чрезвычайных раздражителей или повреждающих агентов) на той же основе, то есть это те же адаптивные реакции, но более выраженные и направленные не только на обеспечение процессов жизнедеятельности, но и на устранение повреждающего фактора или образовавшегося дефекта с последующим восстановлением функций. При этом любое изменение функционального состояния базируется на структурных изменениях.

Материальной основой адаптивных и КПР служат два основных типа структурных перестроек: перестройки, отражающие дегенеративные (разрушительные) и регенеративные (восстановительные) процессы. По сути своей реактивные, они являются одновременно и функциональными, и органическими. По качественному признаку эти структурные изменения делятся на дегенеративно-дистрофические и регенеративно-гиперпластические.

Дегенеративно-дистрофические изменения могут быть проявлением как поломки (разрушения, вплоть до гибели) структур под влиянием различных факторов, так и выражением крайней степени функционального напряжения (гипертрофии или атрофии, вплоть до гибели).

Репаративно-гиперпластические изменения направлены на возмещение образовавшегося дефекта и последующее восстановление функций. Они осуществляются за счет внутрискелетных перестроек, увеличивающих активность в сохранившейся после повреждения части СФРЕ, в других, родственных ей или качественно отличных, но заменяющих ее в функциональном отношении структур. Оба типа структурных изменений по степени выраженности, то есть по количественному признаку, могут быть обратимыми или необратимыми.

Эти изменения имеют место и в условиях нормы. Они являются полярными, но сбалансированными формами одного и того же процесса – физиологического обновления СФРЕ организма. В условиях, превышающих пороговую величину адаптации, но не выходящих за пределы компенсаторных возможностей той или иной СФРЕ, также поддерживается равновесие этих двух качественно различных форм структурных изменений, хотя интенсивность их приобретает иную степень выраженности вследствие возрастающей функциональной активности. Если же функциональное напряжение оказывается чрезвычайным или не устраняет действие патогенного фактора, наступает предельная степень КПР, затем полное истощение и утрата способности к поддержанию необходимого баланса деструктивных и репаративных перестроек и, как следствие, «перекося» функций в ту или иную сторону с соответствующими клинико-анатомическими проявлениями в виде различных симптомокомплексов и болезней (рис. 20).

Нарушение внутренней дифференциации между различными управляющими и функциональными системами организма или между организмом и его окружением приводит к патологическим реакциям гомеостаза, к нарастанию и дезорганизации самоподдерживающихся колебаний на организменно-системном уровне, т.е. к управлению без обратных связей. Критическое состояние управляющих параметров (точка бифуркации), после которого организм спонтанно переходит в одно из двух возможных состояний – улучшение или гибель, хорошо знакомо клиницистам, когда они констатируют состояние «кризиса» у больного. В условиях неустойчивого состояния, когда признаки патологических

реакций достаточно очевидны, особенно трудно бороться за жизнь пациента, поскольку обычные методы лечения, при которых результаты пропорциональны усилиям, уже не действуют. Ранее (в теории перестроек) мы рассматривали структуру развития патологических реакций в плане самоподдерживающихся колебаний СФРЕ, и подчеркивали, что если максимальное ухудшение состояния пересекает условную линию «смерти», изменения преобладают, и нелинейная система (в нашем случае больной организм) устремляется к гибели.

Философы полагают, что факты рождают идеи, и в некотором смысле это верно. Но я нахожу в истории естествознания следующее: для того, чтобы понимать факты, необходимо иметь в голове определенные идеи и что глазами можно не увидеть того, что увидит разум.

Ю. Либих

**Лекция 20. ВЫСШАЯ НЕРВНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ.
ПСИХИКА И СОЗНАНИЕ.
ФИЗИЧЕСКИЕ И ХИМИЧЕСКИЕ ПОЛЯ ЧЕЛОВЕКА**

1. Мозг, нервная система, тело

Весь окружающий мир отражается в мозге человека. Контакт с этим миром, воздействие его на организм возможны благодаря высокоспециализированным нервным аппаратам, получившим название сенсорных систем.

В сенсорных системах мозга существует ряд уровней переработки информации. Каждый уровень строится так, чтобы обеспечить наиболее полную и точную связь как между однозначными элементами сигналов одного уровня, так и более широкие взаимодействия между всеми элементами каждого уровня (рис. 22). В самом упрощенном виде любая сенсорная система имеет два основных канала: специфический – с прямым переключением сигнала на определенные точки коры мозга и ассоциативный – принимающий сигнализацию от результата взаимодействия различных специализированных каналов данной сенсорной системы (рис. 23).

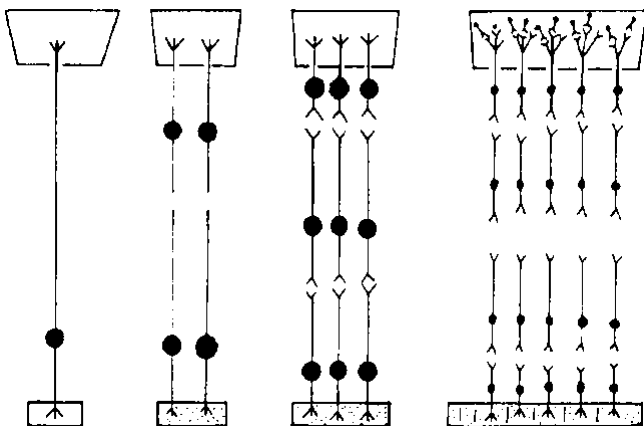

Рис. 22. Схема многоканальности и многоуровневости в конструкции сенсорных систем (по А.А. Заварзину, 1959). I–IV этапы усложнения сенсорных систем: снизу – рецепторы; сверху – высшие отделы мозга

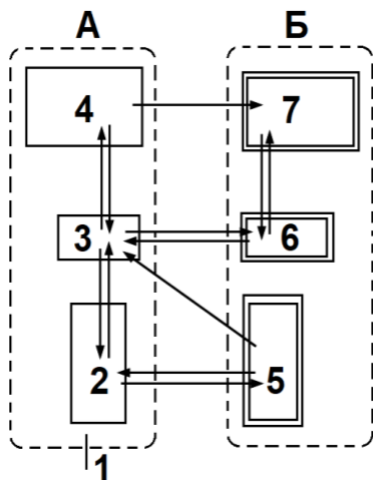

Рис. 23. Схема двухканальной структуры сенсорной системы (по А.С. Батуеву, 1972). А – специфический канал; Б – ассоциативный канал; 1 – рецептивный канал; 2 – ствольные ядра сенсорного пути; 3 – таламические сенсорные ядра; 4 – кора, сенсорная проекция; 5 – ретикулярная формация ствола мозга; 6 – ассоциативный и неспецифический таламус; 7 – ассоциативная область коры мозга. Стрелки – прямые и обратные связи между отдельными каналами сенсорной системы

Схема обоих каналов включает в себя несколько уровней повторной переработки сигналов: рецепторный, стволовой, таламический и кортикальный. Между уровнями в обоих каналах существуют двусторонние связи, которые обеспечивают наиболее полную переработку и «запечатление» информации, сличение в процессах оперативной памяти следов имеющейся информации с новыми сигналами.

Все это в комплексе обеспечивает полноценное распознавание образа и оценку его адаптивной значимости. Ассоциативные структуры мозга – это центры, обеспечивающие объединение и интеграцию всех сенсорных систем, поскольку всякая целостная функция мозга является полисенсорной. Так, например, функция зрительного распознавания осуществляется при взаимодействии зрительной, двигательной и вестибулярной сенсорных систем. Следовательно, мы имеем дело со сложной рефлекторной деятельностью, через которую человек наиболее полно проявляет для себя окружающий мир. Основными элементами условных рефлексов являются: память (структурный след), восприятие (отражение настоящего) и адаптивная реакция, имеющая смысл в качестве приспособления организма к предвидимому будущему. По-видимому, в условно-рефлекторном акте проявляется наличие основы, в которой уже заложены элементы прошлого, настоящего и будущего. Применяя и проверяя на практике правильность этих отражений, человек приходит к истине.

Прежде чем должным образом описать устройство мозга, мы введем термины: центральная нервная система (ЦНС), периферическая нервная система (ПНС). ЦНС включает те части нервной системы, которые лежат внутри черепа и позвоночного столба: головной и спинной мозг. В ЦНС входят и выходят нервы. Если они располагаются вне черепа или позвоночника, то становятся частью периферической нервной системы (ПНС). Некоторые отделы ЦНС и ПНС могут работать совершенно самостоятельно, хотя являются составными частями этих систем или функционируют при весьма ограниченном контроле со стороны ЦНС. Такие отделы и составляющие их элементы образуют автономную, или вегетативную нервную систему (ВНС), которая в основном ответственна за регуляцию внутренней среды: она управляет работой сердца, легких и других внутренних органов.

Сам мозг состоит из ряда хорошо различимых отделов (рис. 24). Внутри отделов имеется много произвольных границ между подотделами, установленных специалистами – исследователями мозга, которые не всегда пользовались отчетливыми ориентирами. Тем не менее, среди довольно запутанной неврологической номенклатуры выделены общепринятые структуры, как на географической карте выделяются государства со своими границами. Эти «государства» называются областями, комплексами или формациями, которые в свою очередь делятся на более мелкие участки – поля или ядра в зависимости от того, насколько тесно располагаются в них отдельные структурные единицы – нейроны.

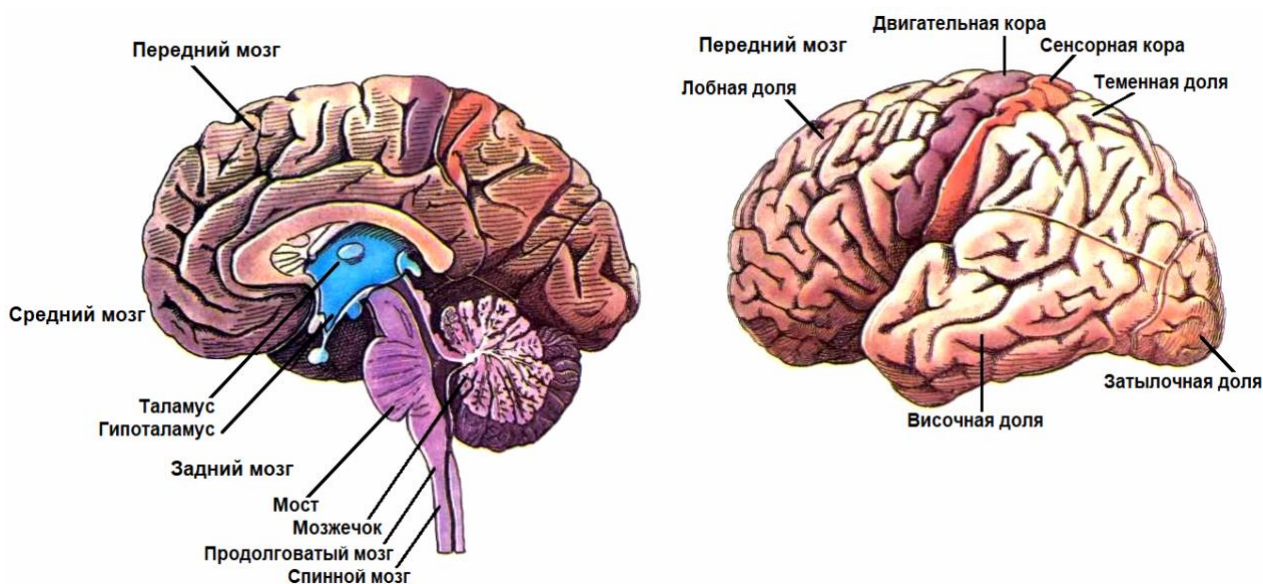

Рис. 24. Полушария мозга и ствол (Ф. Блум и др., 1988)

Мозг имеет два парных образования – правое и левое полушария. Поверхностный слой полушарий – кора вместе с подкорковым белым веществом и несколькими небольшими ядерными структурами, например, ядрами миндалин, составляют передний мозг. Все образования, находящиеся под полушариями, называются стволовыми структурами, так как они составляют ствол мозга, уподобляемого стволу дерева, а полушария – как бы его крона.

В «кроне» главными областями являются: затылочная доля (в основном ответственная за зрение); височная доля (слух); теменная доля (реакция на сенсорные стимулы и управление движениями); лобная доля (координация функций других областей коры). В стволе мозга различают конечный мозг, промежуточный мозг (его важнейшие структуры – таламус и гипоталамус), средний и задний мозг, куда входят мост и мозжечок (малый мозг), а также продолговатый мозг (рис. 25, 26 и 27).

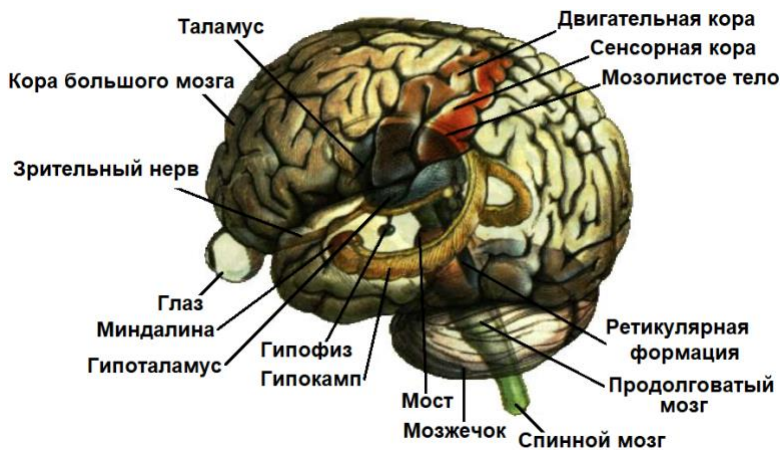

Рис. 25. Объемное изображение нерасчлененного мозга: показаны основные структуры, участвующие в сенсорных процессах и внутренней регуляции (Ф. Блум и др., 1988)

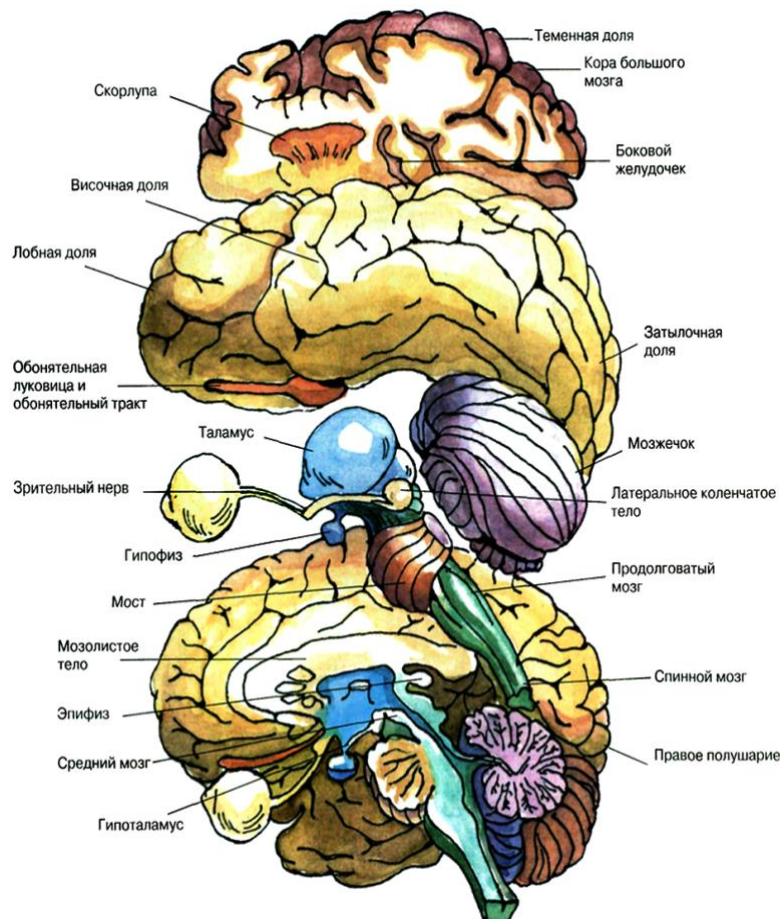

Рис. 26. Отдельные срезы мозга, на которых можно увидеть важнейшие области

и детали строения мозга (Ф. Блум и др., 1988)

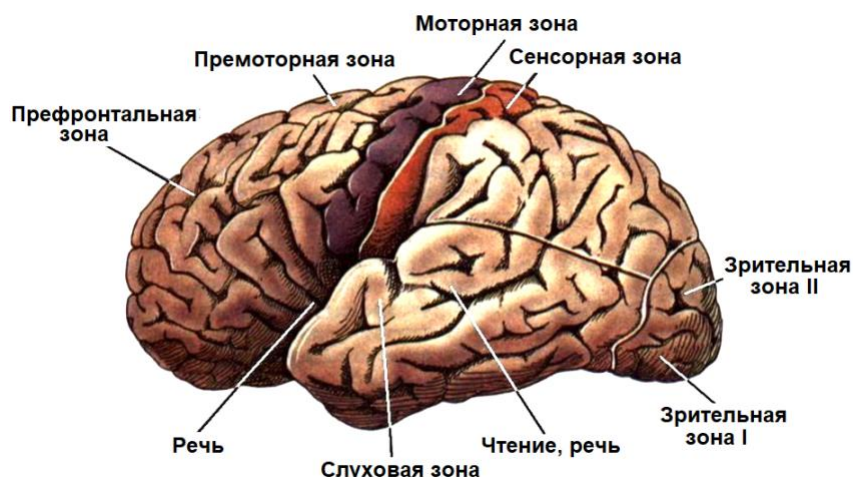

Рис. 27. Вид человеческого мозга сбоку: здесь еще раз показаны важнейшие сенсорные и двигательные зоны коры. Информация от всех органов чувств, также как и текущая информация, связанная с двигательными программами, интегрируется лобной корой, которая представляет собой высший уровень функциональной иерархии (Ф. Блум и др., 1988)

Поля и ядра всех перечисленных образований выполняют разнообразные функции: передают, перераспределяют или сохраняют полученную информацию, играя роль «реле», «распределителя» или «банка»; контролируют, объединяют и проверяют ее с тем, чтобы успешно управлять подчиненными структурами с помощью нервов и желез внутренней секреции (рис. 28).

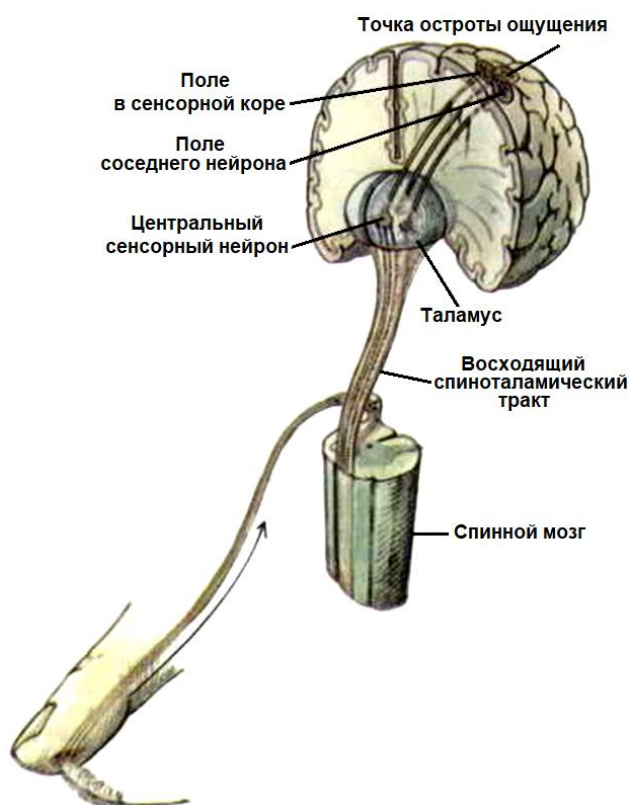

Рис. 28. Ощущение и движение (Ф. Блум и др., 1988)

В этой связи следует отметить, что, несмотря на приблизительно одинаковое гистологическое строение любого участка одной и той же зоны коры (например, сенсомоторной), физиологические функции распределены в ней с различной плотностью.

Например, приблизительно 3/4 территории двигательной области коры мозга человека (см. рис. 29) занято процессом управления тонусом мимических мышц, мышц кисти руки и фаланг пальцев (особенно большого пальца), а также локализации и эрогенных зон. И лишь 1/4 территории всей двигательной области остается для управления преобладающей массой мышц туловища, рук и ног.

Это связано, во-первых, со значительной важностью для жизнедеятельности человека в качестве общественного индивида всех средств индивидуальной коммуникации (средств связи, передачи и получения информации), таких как голосовой аппарат и мимика.

Во-вторых, уровень общей культуры (быт, производство, искусство, общественная деятельность) человеческого общества таков, что от индивида требуется не столько тонкое управление мышцами туловища, как, например, для лазанья по деревьям, скалам, ползанья по труднодоступным узким расщелинам, сколько отличное владение бытовыми и рабочими инструментами, которое без тонкого управления мышцами кисти и пальцев практически невозможно.

В-третьих, это то, что присуще любому живому объекту – инстинкт воспроизведения и сохранения потомства. Однако не все так просто и однозначно, как описано выше. Природа оставила возможность для варьирования акцента в управлении тонусом различных групп мышц и другими СФРЕ. Эта возможность осуществляется благодаря тому, что афферентных (чувствительных) нервных клеток значительно больше, чем эфферентных (двигательных), и поэтому всегда происходит конкурентная «борьба» между чувствительными нейронами за «овладение» вниманием двигательного нейрона и осуществление того или иного двигательного акта.

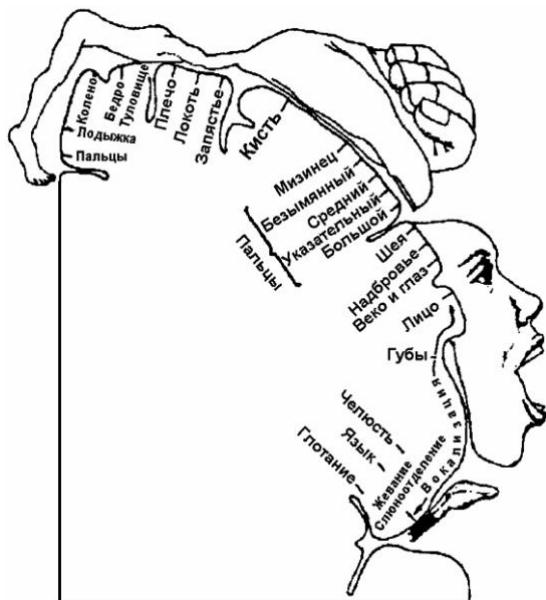

Рис. 29. Двигательная область коры головного мозга человека.

На этой карте показаны участки двигательной коры, стимуляция которых приводит к сокращению определенных групп мышц. В частности, отдельные области, по-видимому, могут кодировать угловое положение суставов, приводимых в движение соответствующими мышцами (Ф. Блум и др., 1988)

Вся гамма описанных выше сложных управленческих функций ЦНС осуществляется при помощи такой структурной единицы, как нейрон.

Отдельные нервные клетки-нейроны выполняют свои функции не как изолированные единицы, подобно клеткам печени или почек. Работа многих миллиардов нейронов состоит в том, что они получают сигналы от каких-либо других клеток и передают их дальше. Передающие и принимающие клетки объединены в нервные цепи и сети. Отдельный нейрон с дивергентной структурой может посылать сигналы тысячам других нейронов. Точно так же какой-либо нейрон может получать входную информацию от других нейронов с помощью одной, нескольких или очень многих входных связей, если на нем сходятся конвергентные пути.

Нейроны обычно находятся в двух состояниях: либо в спокойном (торможение), либо в возбужденном (возбуждение). Они включаются и срабатывают тогда, когда получают сигнал, превосходящий их уровень невосприимчивости – порог. При этом происходит и временное, и пространственное суммирование – накопление сигналов. В нейроне число сигналов, которое он принимает, может быть очень разным. Оно изменяется от нескольких единичных сигналов до нескольких тысяч. Нейрон – гибкая, надежная и очень экономичная структура управления и одновременно мощное хранилище памяти.

Места соединения нейронов – специфические участки на поверхности нервных клеток, где происходит их контакт, называют синапсами, а сам процесс передачи информации в данных местах – синаптической передачей (рис. 30). При взаимодействии нейронов с помощью синаптической передачи посылающая сигнал пресинаптическая клетка выделяет определенное вещество на поверхность воспринимающего постсинаптического нейрона. Это вещество называется нейромедиатором. Оно служит молекулярным посредником для передачи информации от передающей клетки к воспринимающей и замыкает цепь, осуществляя химическую передачу информации через структурный разрыв (синаптическую щель) между передающей и принимающей клетками в месте контакта.

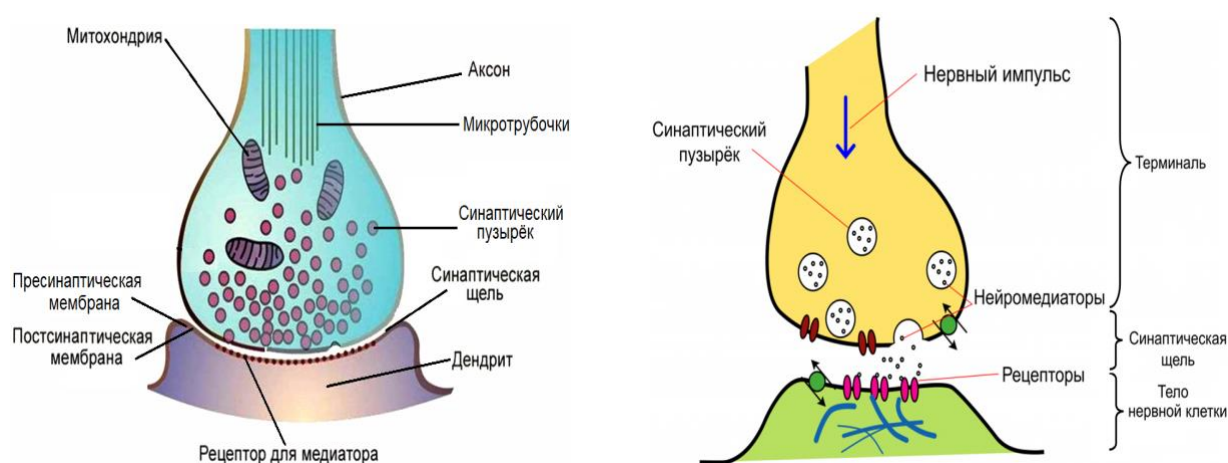
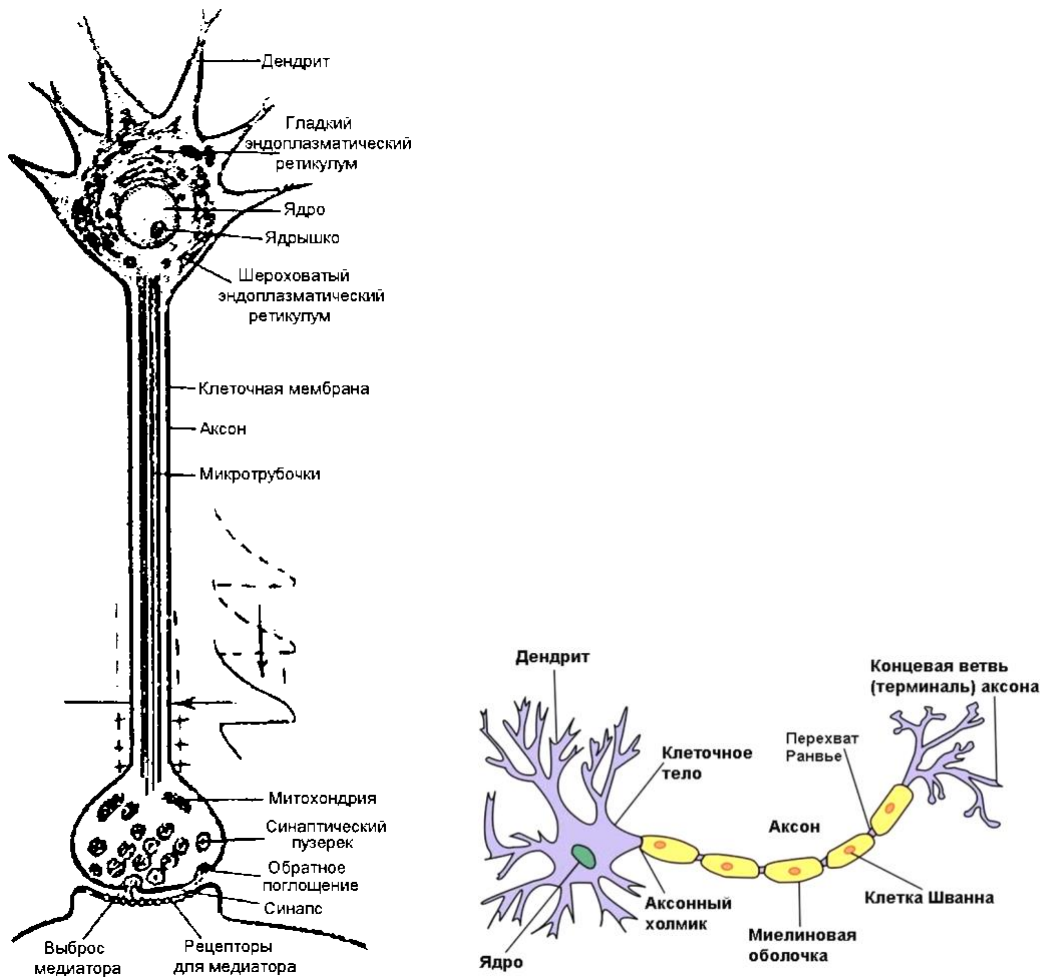

Рис. 30. Синаптическая передача

Типичная структура синапса (межнейронного контакта). В окончании аксона (терминали) производятся нейромедиаторы (особые сигнальные вещества, при помощи которых нейроны общаются друг с другом). Когда по аксону к терминали приходит электрический нервный импульс, нейромедиаторы из синаптических пузырьков выбрасываются в синаптическую щель. Здесь они взаимодействуют с рецепторами, расположенными на мембране «принимающего» нейрона (внизу). Кроме рецепторов, на мембранах нейронов есть белки, осуществляющие откачку нейромедиаторов из синаптической щели. Остальные пояснения см. в тексте.

Нейроны являются «электрически возбудимыми» клетками и обладают способностью регулировать свой внутренний электрический потенциал. В обычном состоянии этот потенциал отрицателен и обусловлен состоянием «внутренности» клетки. Во время краткого периода возбуждения «внутренность» нейрона менее чем за 1/1000 секунды становится заряженной положительно. Этот период от отрицательного состояния «содержимого» клетки к кратковременному положительному называют потенциалом действия или нервным импульсом. Положительное состояние длится недолго, потому что реакция возбуждения носит саморегулируемый характер, и нейрон возвращается к исходному состоянию с отрицательным потенциалом внутри до следующего сигнала. Потенциал действия распространяется вдоль отростка нейрона, который называют аксоном, и как «волна активности», достигает всех синаптических окончаний нейрона. Главное преимущество электрического проведения импульса по аксону состоит в том, что возбуждение достаточно быстро распространяется на большие расстояния без какого-либо ослабления сигнала. Однако быстрая электрическая передача, так хорошо действующая в аксоне, доходя до синапса, перестает «работать»: здесь вступает в действие химическая передача (рис. 31). Не вдаваясь в биологические причины этого, мы можем просто констатировать, что химическая

связь в синапсах обеспечивает наиболее полную передачу информации. Так, при общении друг с другом вы, передавая основное содержание своей речи, делаете акценты или усиливаете смысл, пользуясь ударениями, тембром голоса, мимикой. При коммуникации нервных клеток основные единицы информации передаются специфическими химическими посредниками – синаптическими медиаторами. Если продолжить нашу аналогию со способом общения между людьми, то можно сказать, что одни химические посредники (иногда их называют транзиттерами) передают «факты», а другие – дополнительные смысловые оттенки или акценты.

Типичная структура нейрона

Рис. 31. Схема нейрона. Электрическая и химическая передача

Человеческий мозг отличается от мозга животных не только своей массой, но и невероятной взаимосвязанностью своих частей. Эти взаимосвязи намного расширяют для нас возможность фиксировать и оценивать ту информацию, которую мы воспринимаем и позже извлекаем из памяти. Это в свою очередь наделяет нас способностью разрабатывать аналитические стратегии и «взвешивать» результаты прошлого опыта, что далеко превосходит возможности мозга, наделенного меньшим количеством связей.

Физические и химические поля человека

Такая форма жизнедеятельности человека и животных, которая изменяет вероятность, продолжительность контакта с внешним миром и способность удовлетворить имеющуюся у человека потребность, называется поведением. Прерывание или предотвращение вредоносного воздействия на организм, способствующее сохранению особи, ее потомства и вида в целом, представляет частный случай поведения. Хорошо известно, что поведение человека определяется осознаваемыми и неосознаваемыми мотивами. Многие реакции

организма представляют собой результат неосознаваемой сферы высшей нервной деятельности. Эта сфера постоянно вторгается в наши повседневные поступки и во многом их формирует. Пока этот вид психической деятельности людей не принимался во внимание, некоторые поведенческие акты человека казались таинственными и совершенно необъяснимыми.

В настоящее время никого уже не удивляют способности животных предчувствовать землетрясения, находить воду в засушливых местах или дорогу в местах обитания, их умение лечить себя и друг друга и многие другие качества, не присущие большинству людей. Однако до сих пор существование таких способностей у некоторых представителей рода человеческого, называемых сенсетивами или экстрасенсами, представляется либо пустыми фантазиями, либо чем-то сверхъестественным. Между тем, многочисленными научными исследованиями показано, что любой биологический объект в процессе жизнедеятельности генерирует сложную картину физических полей и излучений, а также передает и воспринимает информацию, заложенную в этих полях и излучениях.

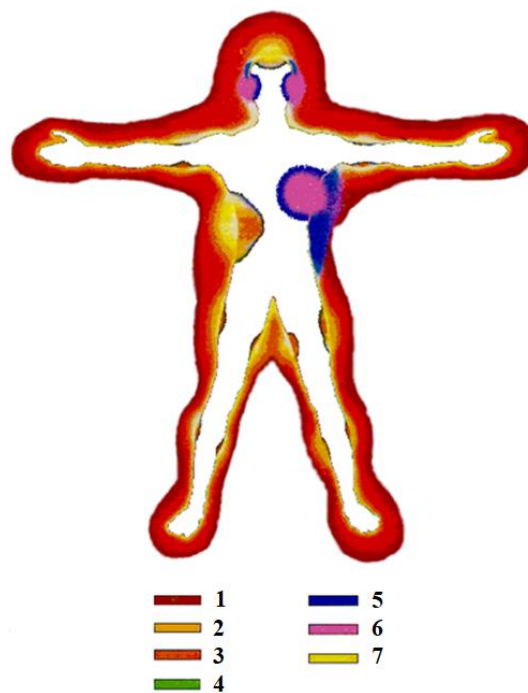
Картина этих полей отражает работу физиологических систем организма, обеспечивающих его гомеостаз. Человеку дана возможность видеть себе подобных (впрочем как и другие живые организмы) в отраженном свете узкого спектрального интервала частот электромагнитного поля. Визуализация физических полей и излучений биологических объектов не только существенно расширяет наше «видение», но и дает возможность заглянуть вглубь тела и мозга, наблюдать динамику физиологических процессов в их собственном «свете». Для человека можно выделить шесть основных видов полей и излучений, приведенных на цветной вклейке. Следуя (Годик Э.Э., Гуляев Ю.В. Физические поля человека и животных // В мире науки. – 1990. – № 5. – С. 75–83) приведем их характеристики.

Физические поля человека

1. Инфракрасное тепловое излучение характеризует температуру кожи, определяемую капиллярным кровотоком. Это излучение у человека наиболее сильно в среднем инфракрасном диапазоне длин волн (3–14 мкм), где его интенсивность порядка 10 Вт/см^2 , что составляет более 100 Вт со всей поверхности тела. Характерная глубина поглощения этого излучения в биологических тканях порядка 100 мкм.

2. Радиотепловое излучение несет информацию о динамике тепловых полей внутренних органов и мозга. Это излучение очень слабое, его интенсивность в дециметровом диапазоне длин волн порядка $10\text{--}12 \text{ Вт/Гц}\cdot\text{см}^2$. В отличие от инфракрасного теплового излучения характерная глубина поглощения этого излучения в биологических тканях порядка нескольких сантиметров, поэтому оно и несет информацию из глубины тела.

3. Акустотепловое излучение в ультразвуковом диапазоне длин волн характеризует распределение температуры внутри тела с более высоким пространственным разрешением, чем радиотепловое, так как длина ультразвуковой волны много меньше, чем длина волны электромагнитного поля, выходящей с той же глубины. Кроме того низко частотные акустические сигналы несут информацию о физиологической механике внутренних органов (сердце, легкие и др.). В диапазоне частот 1–10 МГц биологические ткани достаточно прозрачны для акустических волн. Интенсивность его очень мала и составляет величину порядка $10\text{--}16 \text{ Вт/см}^2$ в полосе частот 100 кГц. Длина волны в этом диапазоне порядка

1 мм, что намного меньше длины волны радиотеплового излучения, выходящего с той же глубины.

4. Оптическая хемилюминесценция, связанная, в первую очередь, с перекисным окислением липидов, дает информацию о насыщении тканей кислородом, антиоксидантном статусе организма и др.

5. Электрическое поле отражает биоэлектрическую активность мозга, сердца, мышц и других внутренних органов. Кроме того, электрические поля вокруг человека связаны с трибоэлектрическим зарядом (зарядом, возникающим из-за трения) на роговом слое эпидермиса, обладающего высоким омическим сопротивлением (10^9 – 10^{11} Ом/см²) и поэтому отражают физиологическую «сейсмичность» торса.

6. Магнитное поле, создаваемое биоэлектрическими источниками, очень слабое, примерно в 10–100 раз меньше геомагнитного поля. Магнитное поле более прямо, чем электрическое, отражает распределение биоэлектрической активности мозга и внутренних органов, так как практически не экранируется диамагнитными тканями организма. Другими словами, биоэлектрический «пейзаж» внутри организма через «магнитное окно» виден без искажений, как через прозрачное стекло, в то время как через «электрическое окно» – с искажениями, как через витраж.

7. Кроме перечисленных выше шести физических полей и излучений следует выделить химическую «микроатмосферу», образуемую выдыхаемыми газами, испарениями через кожу в процессе неощутимой перспирации и др.

Таким образом, в каждом из названных полей и излучений физиологическая информация заключена в пространственно-временном распределении сигналов, т.е. в их динамических изображениях и может быть использована на ранних стадиях диагностики различных заболеваний.

Установлено, что в животном мире существуют и эффективно используются рецепторы электромагнитного, акустического и других излучений, имеющие тесную связь как с корой мозга, так и с его подкорковыми структурами. Для восприятия информации такого рода требуется только создание условий для согласованного управления амплитудой, фазой и частотой тех излучений, которые индуцируются нервными клетками и белковыми молекулами. Если такие условия возникают, то в принципе нет никаких запретов для направленного излучения, переносящего энергию на большие расстояния без существенного затухания. Аналогичным образом, вызывая необходимые фазовые сдвиги колебаний, когда они восприняты соответствующими структурами мозга, и складывая их, можно усилить и выделить слабые сигналы, пришедшие от некоторого источника к принимающей системе. Это, по сути дела, хорошо известный в технике принцип радиотелескопа с электрическим сканированием, который находит свое применение и в работе центральной нервной системы. Получая сведения об окружающей действительности через сенсорные каналы, человек часто остается на уровне неосознаваемых восприятий. Каждому из нас приходилось бывать в ситуации, когда, не осознавая, какую информацию получили, мы говорим: «Я не знаю почему, но чувствую, что это так».

Исследователи полагают, что некоторые люди в состоянии воспринимать локальные искажения различных физических полей, хорошо известных науке: электромагнитного, гравитационного, электрического, магнитного, радиационного и акустического. Если к этому добавить, что и известные органы чувств могут многое воспринимать из внешнего мира и тем самым «породить» сведения о нем в мозге, то источник информации, на основе которого происходит проявление тех или иных реакций человека, теряет свою мистичность.

Психика и сознание

Создание множественных и разнообразных форм межклеточных связей отражает эволюционный закон морфологического прогресса в нервной системе, который гласит, что с увеличением функциональной адаптации в нейронах происходит образование и удлинение

новых отростков, а размер тела нервной клетки и диаметр аксона не связаны со специализацией, а пропорциональны богатству и распространению концевых ветвлений, и, следовательно, обилию и многообразию связей. Все колебания в топографии и морфологии, а также сама теория динамической аксонной поляризации (строгая направленность возбуждения от аксона), по-видимому, детерминируются тремя принципами экономии: экономия материи (развитие кратчайшего пути между двумя связанными областями), экономия времени проведения (динамическое следствие предыдущего пункта) и экономия пространства. Каждое периферическое раздражение, получаемое чувствительными отростками отдельной нервной клетки (дендритами) распространяется к центрам в виде лавин; или, другими словами, число нейронов, вовлекаемых в проведение, постепенно увеличивается от периферии к большому мозгу, в извилинах которого (третичные чувствительные поля) находится основание конуса общего сенсорного притока и начало новых связующих проводящих путей. Этот анатомо-физиологический закон еще в прошлом веке был сформулирован Кахалем как «закон единства восприятия и нервной лавины» и успешно использовался им при объяснении механизмов таких психологических процессов, как внимание, память, ассоциация идей и т.д. Адаптация, интеллектуальное развитие, профессиональное усовершенствование функций упражнением (физкультура, речь, письмо, игра на фортепиано и другие виды активности) объясняются как постепенным утолщением проводящих путей, возбуждаемых при прохождении импульсов, так и образованием новых отростков (рост и развитие новых дендритов и распространение и разветвление сенсорных коллатералей), способных улучшать приспособляемость и протяженность контактов и даже целиком создавать новые связи между нейронами, первоначально независимыми, – утверждал Кахаль. Он писал: «Умственные способности и их самые благородные проявления – талант и гений – зависят не от размеров или числа корковых нейронов, а от богатства их соединительных отростков или, другими словами, от сложности ассоциативных проводящих путей на короткие и длинные расстояния. Положением, уже защищавшемся в более ранние времена Мейнертом и Флексигом, является то, что обилие белого вещества указывает на богатство связей и, следовательно, на высший интеллектуальный ранг». Последующие исследования полностью подтвердили это положение. В настоящее время ученые считают, что структурные изменения в нервной системе могут быть результатом процессов обучения и хранения следов памяти. Другими словами, изменения в поведении, возникающие в результате опыта, развиваются на основе обучения и запоминания и могут быть закреплены на структурном уровне.

Существует два разных способа усвоения и запоминания информации в зависимости от того, что именно нужно усвоить. Процедурное знание – это знание того, как нужно действовать. При этом приобретенные навыки сохраняются на высоком уровне довольно длительное время, однако отсутствуют осознание того, что произошло обучение и воспоминание о путях решения поставленной задачи. Именно это второе, «*декларативное*» знание требует особой переработки информации и связано с сознанием и мышлением.

Все знают, что такое «бессознательное состояние». Это то состояние, когда мы не осознаем свои мысли и поступки, например, когда оглушены ударом по голове или падаем в обморок. Понятие же сознания настолько многозначно, что не имеет простого определения. Традиционная нейрофизиология утверждает, что сознание является функцией мозга, в коре которого объединяется информация, поступающая по органам чувств, с информацией, извлекаемой из кладовых нашей памяти, что позволяет нам осмысленно интерпретировать специфические (зрительные, слуховые, тактильные и др.) ощущения и по-разному реагировать на них в зависимости от того, как текущая информация взаимодействует с эмоциями и воспоминаниями, целевыми установками, самооценкой и шкалой ценностей (иерархией потребностей). Однако из-за того, что нейрофизиологи пока еще не могут окончательно выявить те мозговые механизмы, которые ответственны за сознание, природа его остается предметом извечных и непрекращающихся дебатов, в которых участвуют философы, теологи, специалисты-кибернетики, занимающиеся искусственным интеллектом,

а также нейробиологи всех уровней. Один из вопросов, вызывающих разногласия, состоит в том, является ли все-таки сознание специфической материальной функцией мозга или обособленным нематериальным процессом, воплощением духа или души. Не претендуя на решение этого вопроса, все же можно в качестве первого рабочего определения активного сознания, как состояния, в котором мы осознаем свои мысли и действия, принять следующее: *сознание* есть активное декларативное знание о нашей умственной и физической деятельности. Декларативное знание включает фиксацию индивидуального и общественного опыта, информацию о том, когда и где происходили хранящиеся в памяти события и возможность внутреннего воспроизведения их в форме воспоминаний, структурирование своего и чужого опыта, позволяющего размышлять о явлениях и связях между ними, составлять планы, придавать действиям тот смысл, который вытекает из поставленных целей. Способность к декларативному знанию, разумеется, не означает, что все действия организма постоянно осознаются. Многие виды умственной и физической деятельности осуществляются без подключения сознания, которое является только одним из сложных психических процессов, отражающих действительность. Неслучайно И.П. Павлов объединил корковые отделы анализаторов, где происходит раскодирование информации, в первую сигнальную систему действительности, а такие психические процессы, как память, сознание, планирование и т.д., отнес ко второй сигнальной системе. Совместная деятельность обеих сигнальных систем представляет собой высшую нервную деятельность, и различия между животными, обладающими мозгом, заключаются в том, насколько развиты эти системы, и какую роль в жизнедеятельности играют психические процессы.

Само понятие «психика» является очень широким. Оно включает в себя все формы отражения действительности: ощущения, восприятия, представления, эмоции, волю, разум, интеллект и т.д. В сущности по своему содержанию оно соответствует тому базису, на котором формируется внутренний мир человека.

На уровне ощущений образы, формирующиеся в корковых отделах анализаторов, по-видимому, сходны у всех животных, обладающих «великой серой мантией коры». Их можно идентифицировать по общей реакции на раздражитель, но помимо этого образы связаны с генетической информацией и накопленным индивидуальным опытом, что делает каждого из нас уникальным и неповторимым. Активные поиски организационного принципа, который обеспечил бы подходы к явлению сознания, привели по крайней мере к одному бесспорному утверждению: видоспецифическим типом поведения, уникальным для *Homo sapiens*, является использование языка, связанное с важным процессом последовательной переработки информации в одном из полушарий головного мозга.

Если сознание действительно связано с языком, то и у человека оно, очевидно, появляется не с самого рождения. Оно развивается по мере того, как приобретает жизненный опыт и оснащается «словарь», который позволяет размышлять о явлениях и связях между ними, планировать действия и прогнозировать результаты. А самое главное, возникает способность к самоанализу, осознанию своего «я», переходу к самосознанию в самом широком смысле этого слова и к общественному сознанию. Как полагают некоторые психологи, в частности Джулиан Джейнс (1975), такие формы сознания возникли в истории человеческого рода на удивление недавно в результате определенных изменений в языке и культуре, произошедших где-то около VII в до новой эры. Характерно, что первоначально в греческом языке слово «*psyche*» означало «жизнь», «живое состояние», а «*soma*» – «труп» или «безжизненное состояние». Только благодаря сочинениям Пифагора и других мыслителей *psyche* стало обозначать «душу», а *soma* – тело. «Не следует думать, – говорит Джейнс – что это только изменение слов. Изменение слов – это изменение понятий, а изменение понятий – это изменение поведения. Вся история религии, политики и даже науки убедительно свидетельствует об этом. Без таких слов, как «душа», «свобода», «истина», в драме человеческой истории были бы иные роли, иные кульминации». И далее: «нервный субстрат сознания достаточно пластичен для того, чтобы на основе обучения и культуры мог произойти переход... к самосознанию». Это утверждение невозможно подтвердить с

помощью научного исследования, т.к. экспериментировать на живом человеческом мозге попросту невозможно. Вместе с тем, научные факты, которые связаны со специальными проблемами сознания, мышления, а в конечном итоге человеческого поведения, всё-таки были получены и имеют наибольшую ценность. Широкое использование результатов изучения мозга и поведения животных, достоверные сведения о функционировании здорового и больного мозга человека в какой-то мере позволяют выяснить способы, с помощью которых нервная система координирует потребности организма с условиями внешней и внутренней среды и организует поведенческий акт, направленный на достижение поставленной цели. Обобщение принципов работы более или менее изученных систем может действительно привести к пониманию сложных процессов, близких к мышлению. На сегодняшний день мы предлагаем придерживаться той точки зрения, что все осознаваемые и неосознаваемые психические процессы в принципе являются производными психических процессов в нервной системе и могут рассматриваться как ее функция. Если же будут изобретены такие методы и представлены такие данные, которые убедительно покажут, что духовная деятельность не является свойством человеческого мозга, значит, нам придется отказаться от одной ошибочной теории в пользу другой, менее ошибочной.

Познай самого себя.

Надпись на фронтоне храма Аполлона в Дельфах

Лекция 21. СТРУКТУРА И КЛАССИФИКАЦИЯ ПОТРЕБНОСТЕЙ ЧЕЛОВЕКА. ПСИХОСОМАТИЧЕСКИЕ И ПСИХОФИЗИЧЕСКИЕ РАССТРОЙСТВА. СВЯЗЬ ПСИХОСОМАТИЧЕСКОЙ ПАТОЛОГИИ С МОЗГОВЫМИ СТРУКТУРАМИ

Структура и классификация потребностей человека

Представление об основных потребностях человека сложилось на основе научных данных о мозговых механизмах поведения животных как с точки зрения этологии, так и с точки зрения биологии развития. Широкое использование результатов изучения мозга животных, достоверные сведения об особенностях функционирования здорового и больного мозга человека в какой-то мере позволяют выяснить способы, с помощью которых нервная система координирует потребности организма с условиями внешней среды и организует поведенческий акт.

Эволюционно исходными – базовыми потребностями всех живых информационных систем являются потребности в веществах, энергии и информации. Эти потребности необходимы для роста и развития любой живой информационной системы от клетки или субклеточного организма (вирусы) до многоклеточного живого организма, обладающего психикой.

В *филогенезе* потребности, присущие живым информационным системам, развивались вместе с самими информационными системами, и у человека они наиболее многообразны. Вместе с тем, они базируются на едином генетическом материале – *филогенетическую предпосылку развития потребностей человека составляют потребности, вызывающие безусловные рефлексы*, т.е. врожденные потребности человека, в основном, те же, что и у животных, однако они качественно преобразованы культурно-историческим процессом развития мышления и сознания.

В *онтогенезе* потребности каждого человека, базируясь на единых для всех нас потребностях, развиваются в зависимости от «истории жизни». Поэтому поведение, обусловленное безусловными рефлексами (БУР), одинаково для всех животных одного вида, а поведение на основе условных рефлексов (УР) и психической деятельности сугубо индивидуально для каждого субъекта.

Прежде чем перейти к потребностям человека, отметим, что с точки зрения информационной теории, **сложнейшие безусловные рефлексы – инстинкты – это врожденная, специфическая для каждого вида животных, форма информационного отражения, представляющая собой целостный поведенческий комплекс, включающий побуждающие и подкрепляющие компоненты.** Например, в реализации пищевого поведения побуждающим компонентом является чувство голода, а подкрепляющим – внешний объект, представляющий собой пищу.

Сложнейшие БУР человека, основанные на удовлетворении его врожденных потребностей, такие же, как и у высших животных Э и их можно разделить на 3 группы: витальные, зоосоциальные (ролевые) и рефлексы саморазвития и общественного развития.

Витальные БУР: пищевой, питьевой, дыхательный, терморегуляционный (регуляция температуры тела), рефлекс регуляции сна и бодрствования, ориентировочно-оборонительные рефлексы (так называемые рефлексы «биологической осторожности» или убегания и «биологической агрессии» – нападения), рефлекс экономии сил и некоторые другие.

Для отнесения рефлекса к группе витальных БУР существуют два критерия:

а) если рефлекс не срабатывает, и потребность не удовлетворяется, то это приводит к гибели организма, т.е. к витальным относят те рефлексы, которые позволяют удовлетворить потребности, необходимые для **жизнеобеспечения одной особи**;

б) вторым критерием служит способ реализации рефлекса: витальные рефлексы **могут реализовываться без участия другой особи того же вида, они индивидуальны по своей природе.**

Конкретная **форма реализации** того или иного рефлекса зависит от сложившейся ситуации. Например, у зайца, загнанного в угол, убегание сменяется нападением. По сути это один и тот же **оборонительный рефлекс в двух своих проявлениях.** Обычно зайцу не свойственна агрессивность, но когда бежать уже некуда, он может кинуться на хищника и нередко побеждает его.

Примером врожденного витального рефлекса у человека является «страх высоты». Он хорошо проявляется у новорожденных обезьян и у человеческих детенышей, несмотря на то, что в своем индивидуальном опыте они с высотой никогда не сталкивались. При попытках подъема ребенка на высоту он инстинктивно цепляется за любой предмет, способный удержать его от падения. Грудные дети крепко держатся за протянутый им палец и могут очень долго удерживаться на весу («хватательный» рефлекс). В такой форме у них проявляется врожденный рефлекс «защиты от падения с высоты».

Зоосоциальные (ролевые) рефлексы – вторая группа БУР. Они связаны с половым, родительским, территориальным, иерархическим поведением и **направлены на сохранение вида.** Сюда же относится и «рефлекс сопереживания» – реакция на эмоциональное состояние другой особи, так называемый «феномен эмоционального резонанса» (в психологии – эмпатия).

Зоосоциальные рефлексы могут быть реализованы только при взаимодействии с другими особями своего вида.

Вступая в групповые взаимоотношения, отдельная особь всегда играет какую-либо роль: брачного партнера, родителя или детеныша, хозяина территории или пришельца, лидера или ведомого.

Любое взаимодействие между двумя или несколькими особями одного и того же вида является «общественным поведением», которое базируется на зоосоциальных некоторых обезьян, они во многом сходны с иерархическим устройством человеческого сообщества.

Рефлексы саморазвития и общественного развития – третья группа БУР. Они включают:

а) «исследовательский» рефлекс – потребность в получении информации заставляет животных и человека осваивать новые территории, получать новые знания и навыки, использовать новые непривычные ситуации;

б) рефлекс «сопротивления принуждению» и его разновидность – рефлекс «преодоления преграды» (И.П. Павлов называл эти рефлексы «рефлексами свободы»);

в) рефлекс «превентивной вооруженности» (превентивный – предварительный), которые не имеют прагматического значения, не реализуют действий, направленных на определенные конкретные цели, а как бы подготавливают особь к возможному поведению в той или иной вновь возникающей ситуации, создают «программу действий», нацеленных в будущее. К ним относятся «игровой» и «имитационный» (подражательный) рефлекс.

В БУР третьей группы проявляется опережающий характер информационного отражения. Для рефлексов третьей группы главной чертой является то, что они не связаны с индивидуальной или групповой адаптацией к привычным ситуациям и условиям внешней среды. Чаще всего они ориентированы на экстремальные условия («экстремум» – крайнее положение) или, как еще формулируют, на «чрезвычайные» воздействия. Образно говоря, БУР третьей группы обращены в будущее и ориентированы на освоение новых ситуаций и сред обитания. ***Имитационный и игровой рефлекс базируются на потребностях в «вооруженности» и реализуются в умении «управлять событиями» (to master events), быть компетентным (competence drive).*** Эти БУР проявляются как у животных, так и у человека. Они связаны с приобретением навыков и умений, не имеющих практического значения в настоящем времени, хотя в будущем они могут стать необходимыми для успешного удовлетворения витальных и социальных потребностей. Например, у молодых животных формирование пищедобывательного поведения осуществляется с помощью игрового рефлекса детенышей, которых кормят родители, а в игре они только учатся добывать пищу самостоятельно.

Тренировка навыков и умений происходит как в игре, так и при подражании. С помощью подражательного рефлекса молодые животные приобретают определенные навыки, воспроизводя действия «демонстратора» – родителя, лидера, хозяина. Важно отметить, что подражательное поведение способствует обучению только в раннем возрасте. Например, обезьяны, не обученные сооружению гнезда в детстве, теряют способность к обучению этому навыку, становясь взрослыми. Сколько бы они не наблюдали за тем, как строится гнездо, освоить это умение они не в состоянии. У людей при «социальной депривации» (отсутствии коммуникации с себе подобными) появляются дети-животные, которых невозможно научить человеческому общению, в частности научить говорить после 8–10 лет. Вот почему говорят о решающей роли личного примера родителей (воспитателей) в развитии многих навыков у ребенка.

Краткое знакомство с потребностями, которые лежат в основе БУР высших животных и человека и запрограммированы на генетическом уровне, позволяет подойти к ряду вопросов, не имеющих удовлетворительного решения в пределах психологического знания, а подчас и не поставленных психологией из-за недооценки их ключевого положения в сохранении психического и психосоматического здоровья человека. Одной из причин подобного положения вещей является не выполненная до сих пор задача систематического изучения фонда врожденных и приобретенных потребностей человека. Тем не менее представление об основных потребностях сложилось, и существует весьма удачная попытка их классификации. ***По мнению выдающегося нейрофизиолога П.В. Симонова основные потребности человека можно классифицировать как биологические (витальные), социальные и идеальные.***

Биологические (витальные) потребности в пище, воде, сне, температурном комфорте, защите от внешних вредных воздействий и т.д. призваны обеспечить индивидуальное и видовое существование человека как части живой природы. Они порождают множество вторичных и третичных потребностей типа материальных потребностей в одежде, жилище, средствах передвижения, защитных сооружениях. К числу биологических относится ***и потребность в экономии сил***, побуждающая человека искать наиболее быстрый и короткий путь к достижению своей цели и получению оптимального результата с наименьшими затратами (энергетическими, материальными). Принцип экономии сил лежит в основе совершенствования навыков и изобретательства, однако может

трансформироваться в лень и приобрести главенствующее значение в иерархии потребностей.

Социальные потребности включают потребность принадлежать к той или иной социальной группе (общности) и занимать в ней определенное (не обязательно главенствующее) место, пользоваться вниманием и уважением окружающих, быть объектом их привязанности и любви, т.е. потребность в коммуникации с себе подобными. Несмотря на то, что у разных людей эта потребность различна по своей интенсивности, полное ее отсутствие является четким критерием расстройств психики или даже психических заболеваний. Взаимодействуя с социальной средой, человек стремится к двум целям: слиться с общностью, став ее полноценным членом и вместе с тем выделить свое «я». Исходя из этого к социальным потребностям относят **потребность в социальной защищенности** (социальной защите), **в принадлежности** («боязнь одиночества»), **в достижении определенного социального уровня** и в то же время **потребность в самоактуализации**: самостоятельности, самоидентификации, самоуважении и самооценке. В структуре самооценки 20 % занимает внешняя сторона (как оценивают другие) и 80 % – внутренняя. С помощью внешних факторов компенсируется недостаточность внутренней самооценки (для поднятия «реальной стоимости» используется «показная стоимость», так называемая «упаковка»). В норме «атрибутика» занимает 5%, статус или ранг – 2 %. С помощью внешних факторов компенсируется недостаточность внутренней самооценки (самодостаточности).

Свидетельством самостоятельного происхождения социальных потребностей человека служит развитие ребенка. Тщательные исследования показали, что потребности, обуславливающие «привязанности» и «боязнь одиночества», не являются производными ни от потребности в пище, ни от ранней сексуальности, как полагал З. Фрейд. Более того, если функции удовлетворения биологических потребностей (кормление, гигиенический уход) и общение в виде улыбок, разговоров, игры разделить между двумя людьми, то ребенок больше привязывается к тому человеку, который вступает с ним в «психологический» контакт. В то же время он остается равнодушен к взрослому, бесстрастно удовлетворяющему его первейшие жизненные нужды.

Идеальные потребности, базируясь на потребности в получении информации, включают потребности в познании законов существования и развития окружающего мира и своего места в нем как путем **присвоения уже имеющихся культурных ценностей, так и путем открытия совершенно нового, неизвестного предыдущим поколениям**. Эти потребности существуют безотносительно к прагматическому удовлетворению витальных и социальных потребностей, хотя и тесно связаны с ними. Они направлены в будущее и реализуются не только на уровне сознания, но и на уровне сверхсознания. В отличие от животных человек стремится уяснить правила и закономерности, которым подчиняется окружающий мир. Постигая эти закономерности, человек кладет их в основу создаваемых им «моделей мира», будь то научные теории или произведения искусства. Идеальные потребности лежат в основе творчества, и именно они побуждают людей участвовать в таких формах познания мира, как наука, искусство и религия. **Наука удовлетворяет потребность человека в познании объективных (относительных) истин**. Она относится к рациональной сфере мышления и включает в себя открытие научных фактов, создание гипотез и теорий, которые позволяют фиксировать предмет или явление и выявлять их свойства и связи вне зависимости от субъективного восприятия. **Искусство и религия удовлетворяют потребность в поиске абсолютной истины**, т.е. в познании того, что на данном этапе развития головного мозга не может быть объяснено с помощью рационального подхода. Искусство и религия относятся к иррациональной сфере мышления и опираются на тезисы: «я чувствую» или «я верую», в то время как тезис науки – «я знаю».

В **структуре** биологических, социальных и идеальных потребностей выделяют две разновидности: **потребности сохранения и потребности развития (нужды и роста)**. При этом различают потребности **индивидуального** сохранения и развития (эгоистические

потребности – «для себя») и потребности **общественного** сохранения и развития (альтруистические потребности – «для других»).

Потребности сохранения удовлетворяются в пределах существующих «текущих» условий жизни и индивидуальных и общественных норм. Потребности развития превышают нормы и направлены на расширение пределов сред обитания и изменение к лучшему условий жизни (улучшение «качества жизни»). Например, в сфере социальных потребностей индивидуальное самосохранение и саморазвитие проявляется стремлением сохранить, упрочить или улучшить свое общественное поведение, а общественное требует совершенствования социальных норм или улучшения положения какой-либо социальной группы. Среди социальных норм выделяют правовые (законы и наказание за их нарушение – юриспруденция), нравственные (общественная мораль и этикет, включая порицание за их нарушение), эстетические (понятие о прекрасном и уродливом). Последняя группа норм наименее регламентирована, но их несоблюдение также может вызвать общественное порицание, отторжение субъекта из группы или непринятие его в ту или иную общность. В идеальных потребностях норма – это достигнутое к настоящему времени знание. Идеальная потребность сохранения удовлетворяется присвоением знания, потребность развития побуждает стремление к непознанному, ранее никому не известному. Соотношение потребностей «для себя» и «для других» в структуре личности позволяет выделять «разумный эгоизм» и «разумный альтруизм» в норме, при девиантном (отклоняющемся от нормы) поведении – «эгоцентризм» и «неразумный альтруизм». Относительно соблюдения общественных норм выделяются «новаторы» и «консерваторы» (обыватели), при девиантном поведении – «аддикты» (экстремалы) и «конформисты». В животном мире любой «экстремизм» не приветствуется. Самка никогда не будет спариваться с партнером, в чьем поведении наблюдаются признаки «экстремизма» или любых других «неправильных» девиантных действий.

Потребности сохранения и развития порождают две основные формы эмоций: отрицательные и положительные.

Механизм сохранения (выживания) не нуждается в положительных эмоциях. Он может существовать за счет одних отрицательных эмоций, когда устранение дискомфорта путем удовлетворения той или иной потребности является «наградой» для человека. Положительные эмоции – механизм развития (недаром говорят – «охота пушке неволи»). В его основе лежит потребность в преодолении препятствий на пути к достижению какой-либо цели, первично инициирующей поведение, а также потребность в вооруженности. В то время как *отрицательная эмоция является пусковым стимулом, побуждением к действию, положительная эмоция в качестве удовольствия от преодоления или от получения новых знаний, умений, навыков или даже материальных благ, является подкрепляющим стимулом*. Поэтому потребность в преодолении и потребность в вооруженности считаются дополнительными к витальным, социальным и идеальным потребностям.

Способность к преодолению препятствий обычно называют **волей**. С точки зрения нейрофизиологии, **воля – это активность субъекта, обусловленная потребностью преодоления, самостоятельная и дополнительная к мотиву, определяющему поведенческий акт**. Удовольствие от преодоления – наиболее яркий показатель воли. В то же время, активность, вызванная преградой, в определенной ситуации и определенных субъектов может оттеснить первоначальное поведение на второй план. Тогда можно встретиться с необоснованным упрямством, т.е. с таким типом поведения, когда преодоление стало самоцелью, а исходный мотив утратил свое значение или даже уже забыт.

Свойство, негативно коррелирующее с волей – **внушаемость**, в том числе предрасположенность к гипнозу. Это позволяет использовать внушаемость как тест для оценки волевых качеств личности. Многочисленные исследования показали, **что внушаемость зависит не от устойчивости психики, а от типа мышления**. Рациональный тип мышления снижает уровень внушаемости, иррациональный – повышает. В онтогенезе наиболее высокая степень внушаемости отмечается у людей в возрасте до 25–30 лет и особенно у детей и подростков с 6 до 18 лет. С одной стороны, это способствует

воспитанию, а с другой – вызывает опасность длительной задержки подражательного поведения у детей или возвращения к нему у взрослых. При этом происходит полное подчинение «лидеру» – демонстратору, утрата самосознания и чувства личной ответственности за свои действия и поступки. **Чувство личной ответственности**, так же как и механизм прогнозирования последствий того или иного поступка, формируется в процессе развития мозга человека, его мышления и сознания. У человека с развитым мышлением и сознанием внушаемость снижена. Опасность значительно меньше и при аналитическом мышлении, позволяющем включить механизмы всестороннего и повторного анализа своих действий и их последствий, благодаря чему личность способна самостоятельно противостоять неблагоприятным ситуациям и искать выход из состояния дискомфорта, не полагаясь на помощь «всезнающего лидера».

Самостоятельные по происхождению потребности в «вооруженности» и «преодолении препятствий» вместе с другими потребностями участвуют в регуляции поведения и вносят свой вклад в формирование личности. Иерархия и сочетание потребностей у каждого человека имеют свой уникальный характер. По набору потребностей люди могут быть принципиально сходными, однако по их иерархии и сочетанию – кардинально различаться. Наряду с индивидуальными особенностями соматической и психической конституции человека набор и иерархия его потребностей вносят свой вклад в структуру личности, формируя физиологическую, психологическую и социальную составляющие индивидуальности.

Большинство составляющих индивидуальности окончательно формируется к возрасту совершеннолетия и практически не меняется в течение жизни. Девиации (отклонения) возникают в условиях длительных чрезвычайных напряжений, событий, угрожающих жизни, тяжелых и длительных соматических и психических заболеваний и могут касаться всех аспектов личной индивидуальности, в том числе и потребностей. В норме для любого живого существа и особенно для человека, обладающего самым большим набором потребностей, особую ценность имеют те виды деятельности, которые одновременно ведут к удовлетворению комплекса потребностей, позволяют достичь высшей степени квалификации и профессионального мастерства.

Например, труд (работа) способен удовлетворить материальную потребность в заработке, социальную потребность в определении своей «общественной ниши» или достижении престижного положения в своей социальной среде, а также идеальную потребность в приобретении дополнительных знаний, если человек стремится привнести в свою работу элементы творчества.

Социальные и идеальные потребности, как мы увидим ниже, являются основными при формировании людей в этнос.

Особенности ВНД человека. Первая и вторая сигнальные системы

Условно-рефлекторная деятельность человека имеет очень много общего с условно-рефлекторной деятельностью животных. У человека условные рефлексы (УР) вырабатываются так же как и у животных, с помощью пусковых и подкрепляющих стимулов. Подкрепляющими безусловными стимулами являются реакции слюноотделения, дыхания, изменение ЧСС, двигательные, кожно-гальванические, оборонительные и другие реакции. Так же как и у животных, УР человека способны к угасанию, они подвержены действию внешних тормозных раздражителей, динамической стереотипии и т.д. Вместе с тем ВНД человека, включающее психическое отражение, характеризуется рядом существенных отличий.

В количественном отношении среди них выделяют:

- высокую скорость всех видов научения;
- возможность выработки УР высоких порядков (ассоциаций);
- развитую способность к дифференцировкам;
- быструю переделку поведенческих стереотипов;

- развитую способность к прогнозированию и планированию;
- преобладание социальных потребностей над витальными.

В качественном отношении ВНД человека характеризуется более сильным развитием психического отражения (у животных присутствуют только отдельные его элементы), способностью к хранению, обработке и передаче информации с использованием символических знаковых систем (языков) и осознанием того, что произошло научение. Наиболее существенной в деятельности человека является словесная знаковая система, т.е. речь (устная и письменная). Используются и другие знаки (символы): цифры, ноты, рисунки, жесты, мимика и др. Человек способен давать определенным понятиям условные обозначения, оперировать этими обозначениями и передавать информацию с использованием внешних носителей (от наскальных рисунков до компьютерных дисков). На этой основе у человека развивается абстрактное мышление, сознание, самосознание и общественное сознание, способности к артистическому самовыражению, художественному и научному творчеству, а также возможность передачи знаний и опыта из поколения в поколение для пополнения и развития социальных отношений, искусства, науки, т.е. для всего того, что мы называем культурно-историческими ценностями.

Первая и вторая сигнальные системы

Перечисленные особенности ВНД человека нашли отражение в представлениях И.П. Павлова о первой и второй сигнальных системах, связанных, соответственно, с «конкретными» и «абстрактными» условными сигналами. Эти сигналы являются пусковыми в реализации ВНД и имеют значение стимулов. **Безусловные раздражители, имеющие «подкрепляющее» значение, в структуру сигнальных систем не включаются.** По Павлову:

– **первая сигнальная система** – это система временных связей, возникающих в мозге при воздействии сигналов, имеющих конкретное содержание (они отражают определенные признаки предметов и явлений, а также события окружающего мира в пределах текущего момента);

– **вторая сигнальная система** – это система временных связей, возникающих в мозге при действии сигналов абстрактного характера (слов и других символов, кодирующих обобщенные понятия и имеющих значение как для анализа прошлого опыта, так и для прогнозирования будущего).

И.П. Павлов выделял **три уровня (инстанции) ВНД:**

- 1) **безусловные рефлексy;**
- 2) **условные рефлексy первой сигнальной системы, связанные с конкретными сигналами (например, ответ собаки на ее кличку, ответ человека на телефонный звонок);**
- 3) **условные рефлексy второй сигнальной системы, связанные с сигналами абстрактного характера – символами.**

Первые два уровня являются общими для человека и животных, третий свойственен, в основном только человеку, хотя у высших животных присутствуют определенные зачатки УР второй сигнальной системы, которые возникают только после обучения человеком.

Работы этологов показывают, что животные довольно хорошо используют знаковые системы: «языки» звуков и запахов при ритуальном поведении (например, в брачный период); особые сигналы для передачи определенной информации (например, сигналы о приближающейся опасности, о направлении и расстоянии до источника пищи или воды, о «территориальном» праве, о «лидирующем» или «подчиненном» положении). Однако «язык» животных является совокупностью конкретных сигналов и относится к первой сигнальной системе. Абстрактные сигналы лишь в крайнем случае, да и то после обучения человеком могут восприниматься некоторыми высокоорганизованными животными. Например, известен случай, когда пару шимпанзе удалось обучить языку жестов глухонемых людей. Он включал 90 знаков, обозначающих предметы, действия и качества. С помощью этого языка обезьяны общались с экспериментаторами и даже между собой, однако сложность задач, решаемых животными с помощью знаковых систем, не превышал уровень, доступный двух-, трехлетнему ребенку.

В настоящее время, кроме тех уровней, которые выделил И.П. Павлов, в рамках физиологии ВНД исследуются и такие механизмы психического отражения, как эмоции, память, мышление и сознание. Широкое развитие получили заложенные еще И.П. Павловым основы клинической физиологии ВНД как науки о патологических изменениях ВНД и СС и, в частности, учения о неврозах и психических заболеваниях.

Адаптивное и девиантное поведение

В здоровом организме любое проявление активности определяется целесообразностью (так называемый «постулат сообразности»), т.е. любой поведенческий акт направлен на достижение конкретной цели. С точки зрения теории управления, *организм представляет собой оптимизированную систему, которая автоматически меняет свое поведение (способы действия) с целью наилучшего управления.*

В связи с этим *процессы самоорганизации и развития детерминированы тремя принципами экономии:*

– *экономия материи (развитие кратчайшего пути-канала связи между двумя взаимодействующими областями);*

– *экономия времени проведения импульса – передачи информации (динамическое следствие предыдущего пункта);*

– *экономия пространства – структурирование, т.е. приобретение определенных форм, позволяющих уместиться в ограниченном объеме организма.* При этом сам организм тоже ограничен определенными размерами для оптимального функционирования (например, рост человека считается нормальным в диапазоне от 1,5 до 2 м, другие размеры человеческого организма предопределяют сбои в работе различных функциональных систем).

Управляющая деятельность нервной системы регламентирована также тремя принципами:

1. *Гомеостатическая направленность* – устранение конфликтности во взаимодействии организма с внешней средой, в том числе с социумом; устранение длительных состояний напряжения; установление баланса между различными физиологическими и психическими процессами, протекающими в организме, т.е. поддержание динамического гомеостаза.

2. *Гедонистическая целесообразность* – максимизация чувства удовольствия (комфорта) и минимизация страдания (дискомфорта).

3. *Прагматическая целесообразность* – оптимизация поведения, направленного на достижение цели (польза, выгода, успех достигаются с наименьшими затратами).

Существование организма в постоянно меняющихся условиях внешней среды приводит к тому, что внешние раздражители «стремятся» вызвать изменения в организме, а организм вынужден поддерживать свое относительное постоянство в пределах определенного диапазона, непрерывно приспосабливаясь к каждой конкретной ситуации. Такое *автоматическое приспособление организма к условиям внешней среды называется адаптацией.* Личность тоже адаптируется к изменяющимся условиям и требованиям окружающей среды, только на уровне психических реакций. Психические реакции базируются на физиологических процессах и имеют те же закономерности. Они также направлены на сохранение «гомеостаза» – относительного постоянства состава и свойств внутренней среды и устойчивости основных физиологических функций, в том числе и психических. Иногда даже говорят о «психическом гомеостазе», имея в виду диапазон адаптивных реакций психики. Основная закономерность эволюционного развития – это развитие по спирали. На плоскости спираль изображается в виде синусоиды, отражающей уровень (диапазон) тех или иных реакций.

Адаптация как одно из важнейших свойств организма, выработанное в процессе эволюции, проявляется по-разному, но всегда с одной целью – добиться самого выгодного режима работы в «конкретных» сложившихся условиях среды.

Адаптироваться можно и к болезни или чрезвычайным воздействиям, поэтому резкое избавление человека от какого-либо заболевания или слишком быстрый переход от «чрезвычайной» ситуации к нормальным условиям может привести к серьезной дисгармонии всех его функций, в том числе и психических. Именно поэтому такое серьезное внимание придается клинической (медицинской) психологии, которая имеет дело с больными, страдающими какими-либо соматическими заболеваниями. Слово *cline* (греч.) обозначает постель – больничную койку и вначале клиническая психология, которую активно разрабатывали психиатры, была нацелена на изучение отклонений интеллектуального и личностного развития таких больных, а также на коррекцию дезадаптивного поведения, однако со временем сфера клинической психологии была расширена за счет изучения психического состояния больных с соматическими заболеваниями в плане их адаптации к условиям болезни. Проявлениями адаптации являются процессы обучения, самообучения, управления и самоуправления, т.е. по сути – процессы самоорганизации.

Устойчивость и эффективность

Устойчивость любой функциональной системы, в том числе и человеческого организма, является одной из важнейших характеристик его деятельности. **Устойчивость, отражающая способность системы к адаптации и компенсации нарушенных функций, зависит от количества обратных связей между всеми ее уровнями и согласованности в их активности по месту и времени.** На основе интеграции в системах управления и координации действий командных и исполнительных структур обеспечивается необходимый уровень гомеостаза. Живая информационная система постоянно находится в колебательном состоянии, при этом именно **ширина диапазона различных колебаний и определяет устойчивость системы в условиях жизнедеятельности.** Особенно ярко устойчивость проявляется в **состоянии напряжения**, когда организм стремится не только **расширить диапазон адаптивных и компенсаторно-приспособительных реакций, но и увеличить период колебаний**, чтобы продлить время восстановления, накопить пластические и энергетические ресурсы, необходимые для дальнейшего повышенного их расходования. Таким образом, устойчивость – это одна из характеристик сложных систем. Краткое определение устойчивости – **способность системы сохранять свои внутренние свойства в условиях возмущающих воздействий.**

Область устойчивости системы – это те границы изменения ее параметров, при которых система выполняет свои функции достаточно эффективно. Именно с эффективностью связаны понятия о физиологической и психической норме. Показатели эффективности (с точки зрения наблюдателя) являются основными критериями нормы, они отражают степень приспособленности той или иной функциональной системы к выполнению поставленных перед ней задач. Сама **эффективность как функциональная характеристика, связана с качеством выполнения целевой функции и величиной затрат, пошедших на достижение цели.**

Показатели эффективности могут быть выражены как количественно (например, числовыми значениями, которыми можно описать внутренние процессы при измерении тех или иных параметров), так и качественно (по принципу «лучше – хуже»). В благоприятных условиях показатели эффективности имеют одно значение, в условиях противодействия неблагоприятным влияниям, когда система использует дополнительные средства, добиваясь стабилизации какого-либо процесса или параметра, показатели эффективности уменьшаются. Тем не менее в физиологии и психологии выработаны понятия об «условной норме», к которой относят адаптивные и компенсаторно-приспособительные реакции, и о «патологических процессах», когда речь идет о дезадаптации и декомпенсации.

В психологии между условной нормой личности и ее расстройствами (в старом употреблении термина – психопатиями) находятся так называемые акцентуации. **Акцентуации – это резкие (заостренные) проявления психических процессов, не доходящие до патологической степени.** По сути – это выраженные компенсаторно-

приспособительные реакции, которые располагаются на границе между условной нормой и патологией.

В *трактовке* проявлений нормы, акцентуаций и патологических симптомов до сих пор существуют разногласия среди психологов, психиатров и клинических психологов. То же касается и девиантного поведения человека. Девиантный – отклоняющийся, в нашем контексте – отклоняющийся от нормы, аномальный.

Девиантное поведение определяют как систему поступков или отдельные поступки, противоречащие принятым в обществе нормам и проявляющиеся в виде несбалансированных психических процессов, низкой адаптационной способности, нарушении процессов самоактуализации либо в виде уклонения от нравственного, эстетического или этического контроля за собственными действиями. Для того, чтобы судить об отклонениях в поведении и о степени патологии, необходимо определить «точку отсчета», т.е. ту индивидуальную или общественную норму, по отношению к которой то или иное поведение является девиантным. Важно помнить, что одни и те же симптомы могут соответствовать как психологическим проявлениям индивидуальных особенностей личности (вариантам нормы), так и психопатологическим изменениям, связанным с заболеванием. В оценке симптома нельзя основываться на определениях, которые дает собеседник, особенно, если идет обследование личности с высоким уровнем развития, широкими знаниями в области философии, психологии, медицины. Попытки обследуемого не только описать свое состояние, но и самостоятельно проанализировать его увеличивают риск неправильной оценки того или иного психического процесса, когда особенности проявления психики в той или иной конкретной ситуации трудно отдифференцировать от клинического симптома «душевной болезни». Например, обследуемый может жаловаться на апатию и тоску, в то время как объективно у него имеются гипопатия и тревога. В этой связи очень важно разобраться в терминологии и постараться дать как можно более точную формулировку того или иного понятия.

Сходство негативных и позитивных изменений психики у здоровых и больных людей вызывает сложности в дифференциальной диагностике психологических особенностей личности и психопатологических проявлений заболевания. До настоящего времени остаётся неясным, возможно ли появление психопатологических феноменов у здоровых людей или же в период их появления такого человека нельзя признать вполне здоровым и следует признать наличие у него по крайней мере невротических расстройств. Вместе с тем знания физиологии ВНД и сенсорных систем позволяют понять, что многие из так называемых психопатологических симптомов нельзя категорически отнести к числу патологических проявлений, так как зачастую они являются «ситуационными» проявлениями вариантов нормы. Несмотря на то, что до сих пор не существует четких дифференциально-диагностических приемов для разграничения многих болезненных и неболезненных проявлений психики, ***важнейшим критерием оценки вариантов нормы психических процессов является их относительно целесообразный характер и отсутствие чрезмерно длительной фиксации, не соответствующей требованиям текущей действительности или потребностям индивидуального развития.*** Например, выбор одиночества, отказ от всяческих коммуникаций, изоляция от внешнего мира при всей своей кажущейся патологичности (симптоматика аутизма) не всегда является психопатологическим феноменом. На тех этапах развития личности, когда речь идет о выдвижении целей или о наборе и ранжировании потребностей, а представления о желаемом еще не сформировались, погружение в мир собственных переживаний, отгороженность от внешнего мира, ограничение коммуникативных функций, отсутствие реальной адаптации к требованиям жизни со склонностью к мечтам и фантазиям (т.е. мышление, обходящееся без постоянного притока информации извне) является фазой развития, хотя в конкретный момент времени может оцениваться как стабильная черта личности – интраверсия. У ***подростков*** признаки аутизма чаще всего не относятся к патологическим состояниям. В то

же время такие симптомы *в раннем детском возрасте или у взрослых людей* сочетают в себе не только нежелание устанавливать контакты с окружающими, но и невозможность это сделать, а способность наслаждаться одиночеством, отсекая всякую внешнюю информацию, относится к патологическим проявлениям.

Вторым важным диагностическим критерием оценки вариантов нормы является наличие критики к проявлениям того или иного психического процесса. При этом нужно помнить, что продуктивные (позитивные, не в смысле положительные, а в смысле добавленные, т.е. + признак или + качество, которых раньше не было) симптомы человек способен понять и описать. Поэтому существует возможность критического отношения к вновь появившимся изменениям психики. Отрицательные же симптомы (негативные, дефицитарные – исчезнувшие) во многих случаях не поддаются критическому анализу. Человек не замечает или не понимает, что утратил те или иные качества, т.к. существует так называемый «синдром обкрадывания психики». Предполагается, что наряду с активно неосознаваемыми симптомами такими как бредовые или сверхценные идеи, имеются условно неосознаваемые или осознаваемые не в полной мере и не в любое время (галлюцинации, навязчивые ритуалы и др.). Например, неосознаваемой является абулия (состояние патологического отсутствия воли, при котором пациент не способен выполнить действие, необходимость которого осознаётся), а осознаваемой гипобулия (греч. *huro* – слабая степень + *bule* – воля, т.е. слабОВОлие); то же относится к парам аутизм – интроверсия; апатия – гипопатия и т.д. Из этого следует, что проявление тех или иных отклонений логичнее было бы объяснять разными терминами, имея в виду психопатологический симптом или акцентуацию характера, определяемую как вариативную норму психики (множество вариативных норм психики и определяет разнообразие индивидуальностей). Примером этому является описание аутизма и интроверсии. Если прочитать определение того и другого понятия, которое дают психологи, то они очень сходны. Однако по механизмам возникновения эти два состояния принципиально различны. Оценивая личность по параметру коммуникабельности, можно прийти к неверному выводу о наличии у интраверта признаков аутизма. Чтобы этого избежать, необходимо проследить развитие признаков в динамике и помнить, что **интраверсия – это вариативная норма**, которая связана с индивидуальным (конституционным) уровнем развития определенных структур мозга и особенностями их взаимодействия, а также с особенностями воспитания и самоактуализации человека. Интроверсия, в отличие от аутизма, не возникает внезапно, способна к компенсации под влиянием внешних факторов и может нивелироваться в определенных условиях и конкретных ситуациях. **Аутизм – это стойкое состояние, не подверженное значительным колебаниям и не зависящее от условий среды.** У маленьких детей это состояние является врожденным, у взрослых – возникает внезапно. Оно рассматривается в рамках дефицитарных симптомов и по сути представляет собой процесс «обкрадывания» здоровой психики, нанесения ей ущерба. Поэтому при психологическом анализе адаптивных, компенсаторно-приспособительных и патологических реакций крайне важной является оценка изменений психических функций конкретного человека на протяжении длительного времени с учетом наследственных и онтогенетических факторов становления личности.

В психологическом плане патологическое поведение отличается от нормального следующими параметрами:

- 1) склонностью к генерализации, т.е. способностью проявляться в самых разных ситуациях и вызываться самыми различными поводами;
- 2) склонностью приобретать свойства стереотипа, т.е. к повторению одного и того же, часто неадекватного поведения, по разным поводам;
- 3) склонностью превышать пределы отклонений от общепринятого поведения, никогда не превышаемые той социальной группой, к которой принадлежит субъект (например, 60-летняя учительница стала стриптизершей);
- 4) склонностью приводить к социальной дезадаптации.

В целом следует помнить, что наличие тех или иных симптомов, которые часто относят к психопатологическим, не являются признаком расстройства психики, а может быть вариантом нормы, если симптом сопровождается критическим отношением к себе и адекватной оценкой окружающей среды, когда человек не смешивает необычные субъективные ощущения и фантазии с обыкновенной реальностью, а поведение не выходит за рамки социальных норм.

Говоря о человеке, нельзя не затронуть вопрос о таких понятиях, свойственных *homo sapiens*, как *сознание*, *подсознание* и *сверхсознание*. Остановимся кратко на их характеристике.

Сознание – специфическая человеческая форма отражения действительности, формирование внутренней программы действий, основанное на оперировании декларативным знанием. Получаемое и передаваемое знание позволяет человеку отделить себя от других животных и неживых систем. Осознать – значит приобрести потенциальную возможность сообщить, передать свое знание другому, в том числе и другим поколениям в виде памятников культуры. Сознание объединяет все то, что коммуницируется или может быть сообщено другим людям. Коммуникативное происхождение сознания обуславливает способность мысленного диалога с самим собой, суждения о собственных поступках, планирования действий и прогнозирования последствий, то есть к появлению самосознания.

По отношению к коммуникативному сознанию речь является важнейшим, ведущим средством декларативного знания, но при этом нельзя забывать о грандиозной системе художественных образов, которые, не будучи полностью вербализуемы, безусловно, принадлежат к сфере сознания. В восприятии человеком искусства участвует как «первичный язык» чувственно непосредственных конкретных образов и «вторичный язык» довербальных понятий (результат деятельности первой сигнальной системы), так и вербальные понятия (результаты деятельности второй сигнальной системы), присущие исключительно человеку. Высшая нервная деятельность человека включает в себя не только первую сигнальную систему, общую для всех высших животных и специфическую человеческую речь – вторую сигнальную систему, но и третий фактор, связанный с процессом воображения, мысленного представления, так называемый имагинарный фактор, непосредственно связанный с сознанием. Экспериментальные и клинические исследования функций больших полушарий подтвердили, что сохранение связей познавательных зон коры с речевыми структурами мозга является обязательным условием функционирования сознания.

Сигнальная система – система условно- и безусловно-рефлекторных связей высшей нервной системы животных (включая человека) и окружающего мира. Различают первую и вторую сигнальные системы. Термин введен академиком И.П. Павловым. Первая сигнальная система развита практически у всех животных, тогда как вторая система присутствует только у человека и, возможно, у некоторых китообразных.

Подсознание – разновидность неосознаваемой психической деятельности, непосредственно связанная с сознанием и включающая в себя все то, что было осознаваемым или может стать таким в определенных условиях. К этой группе явлений относятся хорошо автоматизированные и поэтому переставшие осознаваться навыки, а также вытесненные из сферы сознания мотивационные конфликты. В сферу подсознания входят и глубоко усвоенные социальные нормы. К подсознанию относятся и те проявления интуиции, которые не связаны с порождением новой информации, а предполагают использование ранее накопленного опыта. Именно подсознание является источником многих умозаключений, при которых зачастую невозможно объяснить, какие именно внешние признаки объекта или явления привели к этому заключению, если не провести мысленную реконструкцию ранее осознаваемого опыта. Имеется и прямой путь, минуя рациональный контроль сознания. Это механизмы имитационного поведения, которые со временем становятся внутренними регуляторами поступков и нередко формируют личность в большей мере, чем интеллектуальная сфера. Подсознание всегда стоит на страже полученного и хорошо усвоенного процедурного и декларативного знания, будь то автоматизированный навык или социальная норма. Благодаря консерватизму подсознания, индивидуально усвоенное

(условно-рефлекторное) знание приобретает императивность и жесткость, присущие безусловным рефлексам.

Сверхсознание – порождение новой, ранее не существовавшей информации путем рекомбинации следов получаемых извне впечатлений, минуя контроль сознания, хотя материалом для рекомбинационной деятельности могут служить и осознаваемый опыт, и резервы подсознания. К сфере сверхсознания относятся и первоначальные этапы творческой деятельности (иногда даже в виде сновидений) – порождение догадок, гипотез, творческих озарений. Зарождение, формулировка проблемы и постановка ее перед познающим умом происходит в подсознании и сознании, но принципиально новая информация, непосредственно не вытекающая из ранее накопленного опыта, порождается сверхсознанием. Затем она переводится на уровень сознания, где происходит вторичный отбор информации путем логической оценки и проверки на практике. Творческая интуиция содержит две разновидности сверхсознания. **Интуиция-догадка** – порождение гипотез и **интуиция-суждение** – порождение аксиом, т.е. прямое усмотрение результата (истины), не требующего формально-логических доказательств. В их генезисе лежит нечто принципиально общее, а именно дефицит информации, необходимый и достаточный для логически безупречного заключения. В первом случае (интуиция-догадка) этой информации еще нет, но ее можно получить в ходе проверки гипотезы. Во втором случае (интуиция-суждение) необходимую информацию получить вообще невозможно, так как существующий уровень индивидуального и общественного сознания пока еще не в состоянии обеспечить вторичный отбор при помощи формализуемых доказательств. В этом случае полученное «новое» остается на уровне интуиции и формализовано быть не может, т.е. это аксиома.

Таким образом, психозвристическая **интуиция-догадка** в рамках формализованной системы аксиом может быть дискурсивно сведена к некоторым основным положениям, принятым за аксиомы или постулаты. **Интуиция-суждение** тем и отличается от интуиции-догадки, что **принципиально не сводится** к каким-либо аксиомам, поскольку сама имеет характер аксиомы, а в ряде случаев ею и является.

Установление **аксиом** всегда есть акт интуиции-суждения. **Важнейшим и принципиальным для всей науки видом такого суждения является суждение о достаточности опытной проверки, о доказуемости опыта, который всегда с неизбежностью ограничен.** Однако мы пользуемся этим суждением во всех случаях, когда прибегаем к «критерию истины». Здесь уместно процитировать нашего выдающегося соотечественника – философа, естествоиспытателя и священнослужителя о. Павла Флоренского, утверждавшего еще в начале XX века: «Истина есть интуиция. Истина есть дискурсия. Или проще: истина есть интуиция – дискурсия».

Психосоматические и психофизические расстройства. Связь психосоматической патологии с мозговыми структурами

Развитие гомеостатических реакций реализуется таким образом, что при наличии уже заметных морфологических изменений в СФРЕ клинические признаки нарушений ее функций могут быть относительно скудными или отсутствовать, так как структурные изменения обладают высокой степенью компенсации, которая обеспечивается за счет интенсификации регенераторно-гиперпластических процессов не только в самом месте повреждения, но и рядом, и даже на отдалении от него. В таком случае патологический процесс может долго оставаться компенсированным и клинически проявиться только тогда, когда наступает фаза декомпенсации той или иной болезни, то есть уже та предельная степень напряжения КПП, которая близка к полному истощению.

Практически это означает, что к первым субъективным и объективным клиническим проявлениям болезни надо относиться крайне внимательно, помня о том, что гораздо чаще они являются сигналами не начала болезни, а по существу уже далеко зашедшей фазы декомпенсации (рис. 32).

Началом болезни, с одной стороны, могут служить нарушения процессов восприятия и переработки афферентных сигналов о состоянии скелетно-мышечного аппарата, кожной, вестибулярной, зрительной, слуховой и других сенсорных систем (экстерорецепция), о слиянии висцеральных органов, уровнях метаболизма и потребностях организма в данный момент (интерорецепция), с другой стороны – нарушения эфферентных процессов регуляции, направленных на адекватное завершение приспособительных

и компенсаторных реакций в ответ на изменения, происходящие во внутренней и внешней среде. При этом сигналы с интерорецепторов могут до известного момента не иметь самостоятельного значения, но взаимодействуя с экстероцептивными сигналами, они становятся важным компонентом аналитико-синтетической деятельности организма. В нормальных условиях афферентные и эфферентные импульсы висцеральной сферы являются мощным фактором поведения, выступая элементами различных функциональных систем, обеспечивающих жизнедеятельность.

В условиях патологии висцеральные сигналы, подавляя отдельные реакции всех других сигналов, могут приобретать главенствующее значение и определять векторы поведения организма. К этой категории патологических явлений относятся психосоматические (или психофизиологические) расстройства, развитие которых ускоряется причинами, прямо связанными с поведенческими или социальными факторами окружения больного. Сочетание этих факторов способствует началу рецидивирующих проявлений определенных симптомов: дисфункции желудочно-кишечного тракта, некоторых форм артрита, хронических кожных заболеваний, астмы, гипертонии и т.д. В таких случаях мы имеем дело с преувеличенной реакцией организма, возникающей главным образом при участии ВНС.

С целью быстрого и наиболее полного восстановления соматических и психосоматических функций применяются разнообразные методы направленного воздействия на корковые и подкорковые центры, афферентные и эфферентные звенья специфических и неспецифических функциональных систем. В настоящее время успешно используются как традиционные методы патогенетической терапии и фармакологии, так и новые пути устранения некоторых дефектов сенсорных функций с помощью механических устройств обратной связи, которыми можно заменять неисправные элементы функциональных систем или совершенствовать элементы, необходимые для оптимизации того или иного вида деятельности. Включением в функциональную систему внешних элементов обратной связи, отражающих состояние определенных физиологических параметров, достигаются положительные результаты по саморегуляции гомеостаза у здоровых и больных людей, которые закрепляются затем в процессе тренировок.

Основой саморегуляции в этих случаях являются естественные процессы образования новых необходимых для достижения желаемых результатов, функциональных связей, подкрепляющихся информацией о степени вероятности удовлетворения той или иной потребности и таким образом включаемых в сферу эмоциональной деятельности субъекта.

Рис. 32. Схема развития болезни

Достижения последних десятилетий в области психо- и нейрофизиологии, исследующих взаимосвязи между мышлением, памятью, способностью к обучению и эмоциям, позволили определить основу этих процессов (структуры мозга, ответственные за них); механизмы взаимозависимости между этими структурами и их функциями; направление и ход развития реакций нервной системы на различные внешние и внутренние воздействия и позволили оценить роль и значение рациональной и эмоциональной сферы деятельности организма в адаптивном поведении.

Выяснилось, что ряд мозговых образований, таких, как корковые отделы сенсорных систем, передние и височные отделы новой коры, лимбическая кора, ядра миндалевидного комплекса и гипоталамус, являются нейроанатомическим субстратом возникновения и реализации комплексных взаимосвязанных реакций, сознания и памяти, эмоциональных реакций и реакций соматических и висцеральных органов в ответ на изменяющиеся условия среды, что создает целостную психовегетомоторную реакцию организма на любое воздействие.

Получены очень важные данные по нейрохимической организации мозга у экспериментальных животных и у человека при клинических исследованиях. Они позволили установить, что как в реализации любой вегетомоторной реакции, так и в реализации любой эмоции участвуют одни и те же основные нейромедиаторные системы: норадренергическая, серотонинергическая, дофаминергическая, пептидергическая (включающая эндогенные опиаты) и холинергическая – т.е. те самые системы, которые используются ВНС для регуляции гомеостаза. Эти данные хорошо объясняют медиаторную природу эффекторных (двигательных и вегетативных) проявлений эмоциональных реакций и позволяют включить эмоции в контекст организации целенаправленного поведения и саморегуляции процессов жизнедеятельности организма и еще шире – в контекст эволюции живой природы, где организм человека выступает как элемент системы более высокого порядка – биосферы.

С физиологической точки зрения, эмоция есть активное состояние специализированных мозговых структур, побуждающих изменить поведение в направлении минимизации или максимизации любого состояния. В целом эмоции, являющиеся результатом высшей нервно-психической деятельности, определяется как отражение мозгом актуальной потребности и оценка вероятности ее удовлетворения на основе генетического и ранее приобретенного индивидуального опыта, т.е. эмоция есть функция от потребности и информации о средствах и способах ее удовлетворения.

При этом для организации целенаправленного действия важным этапом является не только актуализация потребностей (активирования памяти о целях), но и мотивация – физиологический механизм активирования хранящихся в памяти следов (энграмм) тех объектов, которые должны удовлетворить имеющуюся потребность, а также оценка вероятности ее удовлетворения. Если потребность не стала актуальной и мотивированной или вероятность ее удовлетворения очень мала, то целенаправленного действия не возникает. За счет интеграции актуализированной и мотивированной потребности с высокой вероятностью ее удовлетворения возникает положительная эмоция и осуществляется заключительный этап организации целенаправленного поведения. Поскольку положительная эмоция свидетельствует о приближении удовлетворения потребности, а отрицательная – об удалении от нее, субъект стремится максимизировать (усилить, продлить) первое состояние и минимизировать (ослабить, прервать, предотвратить) второе.

Важным звеном в выработке и закреплении навыков саморегуляции является формирование такого набора и такой иерархии потребностей, которые наиболее благоприятны для осуществления поставленной цели и реализации всех потенциальных возможностей организма.

В частности, большое значение в этом процессе имеет воля как присущая человеку потребность преодоления препятствий на пути к удовлетворению той доминирующей потребности, которая первично инициировала поведение. На самостоятельность воли как специфической потребности указывает ее способность порождать собственные эмоции в

связи с преодолением или непреодолением преграды до того, как будет достигнута конечная цель.

Положительная эмоция создает дополнительное подкрепление в выработке необходимых навыков и является подсознательным помощником врача. Следует помнить, что подсознание – это разновидность психической деятельности, к которой принадлежит все то, что было осознаваемым в определенных условиях, в частности хорошо автоматизированные и поэтому переставшие осознаваться навыки. Суть обучения и последующей тренировки заключается в том, чтобы вначале на осознанном уровне с помощью положительных эмоций обучить желаемым навыкам, а затем путем тренировок автоматизировать их и перевести на уровень подсознания.

В предыдущих разделах мы ознакомили читателя с основами знаний физиологических механизмов приспособительных, компенсаторных и патологических реакций организма. Следует помнить, что решающая роль в сохранении здоровья или в формировании болезни организма, бесспорно, принадлежит микро- и макросоциальному окружению. Даже у животных многие заболевания определяются не врожденными задатками или приобретенными повреждениями тех или иных органов, а отношениями, складывающимися в зоосоциальной группе. Например, в одной из подопытных групп обезьян лидерство захватил самец, который стал вожаком благодаря тому, что умел громко бить палкой по пустой железной бочке. После того, как у него отняли бочку, члены группы перестали признавать в нем вожака, лидерство захватил другой молодой самец, а у «свергнутого короля» развился инфаркт миокарда, от которого он впоследствии умер.

По данным Всемирной организации здравоохранения, количество психосоматических заболеваний за последнее время многократно возросло. Причину столь резкого скачка часто усматривают в особенностях жизни, характерных для населения промышленно развитых стран, в негативных последствиях научно-технической революции. Возникло представление об «информационных неврозах» и даже «информационной патологии» высшей нервной деятельности человека. Признавая важную роль этих факторов в происхождении хронического эмоционального напряжения, нам вместе с тем трудно согласиться с мнением о росте числа психосоматических заболеваний как непосредственном следствии НТР. По мнению Б.Д. Корвасарского, интенсификация производственного процесса, также как и самой жизни, сама по себе не является патогенной.

Неврастения вследствие переутомления – чрезвычайно редкое явление. Что же является причиной психосоматических заболеваний человека?

Еще И.П. Павлов пытался найти эту причину («в крайнем напряжении физиологических реакций, которое обусловлено действием социальных конфликтов»). Этим конфликтам (служебным, семейным, возрастным, бытовым) придается особое значение, так как, повторяясь, они закрепляются и на структурном уровне, определяя патологические нарушения во взаимодействии мозговых структур. Результаты опытов на животных с последовательным или одновременным повреждением различных мозговых структур наводят на мысль, что индивидуальные особенности проявления основных разновидностей человеческих неврозов определяются особенностями взаимодействия лобной коры, височной коры и подкорковых ядер переднего и среднего мозга (гипоталамуса, миндалевидного комплекса).

Из клинического опыта лечения больных с устойчиво-измененным состоянием, известно, что группа фармакологических препаратов, обладающих лечебным эффектом, имеет также и нормализующее эмоциогенное действие. Единого взгляда на механизм их действия еще не выработано, но является очевидным, влияние на психические функции эти соединения реализуют через нейромедиаторные системы.

У больных часто встречается конкуренция существующих потребностей, когда поведение направлено на преимущественное или даже исключительное удовлетворение одной из них. В этих случаях задача врача заключается в изыскании путей и средств удовлетворения той или иной потребности или корректного переключения стремления больного на другую, заменяющую потребность, которая может быть удовлетворена доступными способами. В психологическом аспекте воля – это активность, обусловленная потребностью преодоления

препятствий, самостоятельной и дополнительной к мотиву, организующему поведенческий акт.

Несложившиеся судьбы, драматические коллизии и житейские неурядицы, подчас тянущиеся годами – вот типичнейшие ситуации, с которыми сталкивается врач, беседуя с больными, страдающими психосоматическим заболеванием. Подчеркиваем, что вопреки мнению З. Фрейда, усматривавшего причину этих заболеваний чуть ли не исключительно в дисгармонии сексуальных отношений, преобладание сексуальных конфликтов отмечено только в 15 % случаев у больных в возрасте от 19 до 50 лет.

Клиника невротических заболеваний практически не встречается с отрицательными эмоциями, возникающими на базе неудовлетворения чисто биологических потребностей. Как правило, эмоциональный конфликт невротика, приводящий к развитию соматической патологии, социален по своей природе.

В настоящее время общепринятым считается определение невротических заболеваний как психических заболеваний, в развитии которых существенную роль играет столкновение эмоционально насыщенных отношений человека с непереносимой для него жизненной ситуацией. Базой, на которой формируются психогенные соматические заболевания, являются индивидуальные особенности нервной системы человека и ее взаимодействие с другими функциональными системами. Напомним, что конкуренция одновременно важных и зачастую несовместимых друг с другом потребностей реализуется после трансформации этих потребностей в соответствующие эмоции, то есть с учетом вероятности (возможности) их удовлетворения в данной конкретной ситуации. Невроз – «болезнь неудовлетворенных потребностей» (А.М. Вейн).

Два фактора являются решающими для возникновения невроза и вслед за ним соматических психогенных заболеваний: ситуация трудного выбора, субъективно зависящего от человека, и структурно-функциональные особенности его нервной системы, располагающие к невротической реакции. Невроз не возникает, если не возникает ситуация, требующая от человека непосильного выбора, или если отсутствует предшествующая (врожденная или приобретенная) недостаточность соответствующих функциональных систем мозга. При нормальном взаимоотношении правильно организованных мозговых структур человек всегда может, заменив одну потребность другой или выбрав наиболее доступный путь для удовлетворения своей потребности, решить ту или иную ситуацию без крайнего эмоционального напряжения и срыва в болезнь. При патологических нарушениях взаимодействия мозговых структур возникают проявления всех известных разновидностей человеческих невротических заболеваний. Для истерии характерна, например, сверхценная идея, занимающая господствующее положение в жизни больного. Истерик навязывает среде свою версию истолкования внешних событий. Он выраженный «социальный эгоист», ожесточенно требующий к себе внимания окружающих, в его поступках отчетливо проступает болезненно гипертрофированная социальная потребность «для себя». Истерию, или невроз навязчивых состояний, дает патология взаимоотношений в системе лобная кора – гипоталамус (гипоталамический вариант истерии, или невроз, в случае преимущественного дефекта лобной коры).

При неврастении ослабление волевых побуждений сочетается с обостренной чувствительностью и раздражительностью. Любое неожиданное событие: стук в дверь, телефонный звонок – способно вызвать состояние тревоги, сердцебиение, потливость, мышечный тремор. К неврастению приводит вызванным заболеванием нарушение функций системы височная кора – миндалевидный комплекс, который, как правило, не затрагивает высших интеллектуальных функций, что свидетельствует о полноценной деятельности структур новой коры. Вовлечение в патологический процесс передних отделов (лобной коры) в сочетании с нарушением функционирования миндалевидного комплекса ведет к психостенической симптоматике. Характернейшая черта психостении – нерешительность, неспособность быстро принять решение и руководствоваться им (патология миндалевидного комплекса). Этой нерешительности сопутствуют мнительность, навязчивые страхи, ипохондрия. Последняя группа симптомов заставляет думать о дефекте лобных отделов коры. «Биологический эгоизм» психостеника, сосредоточенного на малейших признаках своих внутренних болезненных

ощущений, отличается от «социального эгоизма» истерика. Озабоченность своим здоровьем, при которой весь мир оказывается заслонен малейшими признаками (подчас несуществующих!) заболеваний, есть не что иное, как гипертрофированная биологическая потребность «для себя» – основа ипохондрии.

Другое дело – чувство вины, тревога и отчаяние при мысли о том, что «ничего у меня не получается, и ничто мне не удастся». Здесь уже очевидна хроническая неудовлетворенная потребность «для других». Неудовлетворенность потребностей развития, продвижения, улучшения своей жизненной позиции порождает депрессию тоски. Подчеркнем, что потребности осознаются человеком лишь частично и далеко не соответственно их реальному содержанию. Хорошо проявляются лишь признаки чрезвычайного эмоционального напряжения и возникающие вследствие этого компенсаторные и патологические реакции организма. На поздних стадиях заболевания выделяются и структурные признаки нейрогенного поражения тех или иных функциональных систем и составляющих их тканей и органов.

Экспериментаторам и клиницистам давно известны болезни, связанные с нейрогенными дистрофиями в области легких, желудочно-кишечного тракта, сердечно-сосудистой, выделительной и мочеполовой систем: язвенная болезнь желудка и двенадцатиперстной кишки, ишемическая болезнь сердца, инфаркт миокарда, трофические язвы конечностей и многие другие.

«В случае человека, – писал И.П. Павлов, – надлежит отыскать вместе с больным или помимо него, или даже при его сопротивлении, среди хаоса жизненных отношений те разом или медленно действовавшие обстоятельства и условия, с которыми может быть с правом связано происхождение болезненного отклонения».

Лучше, пожалуй, трудно сказать, и нам остается только добавить, что первейшая задача врача – выяснив причины возникновения болезни, вооружить пациента средствами борьбы с ней. Помимо медикаментозной или нетрадиционной коррекции нарушенных функций, необходимо воздействовать на сознание больного, указать ему пути и способы удовлетворения той или иной потребности или ее замены на другую равноценную с целью снятия эмоционального напряжения и, тем самым, устранения патогенного фактора.

Симонов Пáвел Васи́льевич (урожд. Станкéвич, 20.04.1926 – 06.06.2002) – советский, российский психофизиолог, биофизик и психолог. Академик РАН (1991 г.; академик АН СССР с 1987 г.), доктор медицинских наук (1961 г.), профессор (1969 г.). Лауреат Государственной премии СССР (1987 г., в коллективе) за создание и разработку методов диагностики и прогнозирования состояния мозга человека, премии СМ СССР, премии им. И.П. Павлова (АН СССР, 1979 г.). Удостоен золотой медали РАН им. И.М. Сеченова (1999 г.).

Научные работы П.В. Симонова посвящены физиологии высшей нервной деятельности, то есть изучению мозговых основ поведения. Им создан и экспериментально обоснован потребностно-информационный подход к анализу поведения и высших психических функций человека и животных, который позволил дать естественно-научное обоснование таким ключевым понятиям общей психологии, как потребность, эмоция, воля, сознание.

Междисциплинарный характер исследований П.В. Симонова создаёт основу для комплексного изучения человека физиологами, психологами, социологами, представителями других областей знаний. «Наука опирается на принципы презумпции доказанного... – писал академик П.В. Симонов. – Все остальное принадлежит царству веры, а верить можно во что угодно, поскольку свобода совести гарантируется законом».

Информационная теория Симонова

Симонов попытался в краткой символической форме представить всю совокупность факторов, влияющих на возникновение и характер эмоции. Он предложил для этого следующую формулу[3]:

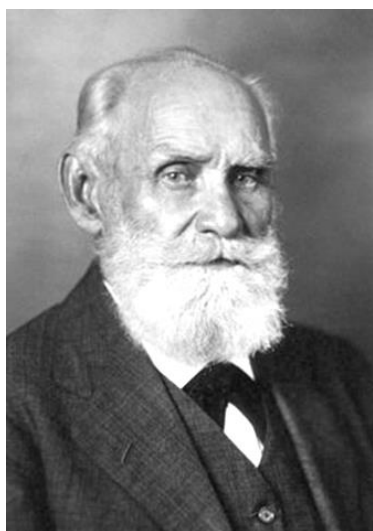
$$\mathcal{E} = f[P, (Ic - In), \dots],$$

где \mathcal{E} – эмоция (её сила, качество и знак); P – сила и качество актуальной потребности; $(Ic - In)$ – оценка вероятности (возможности) удовлетворения данной потребности, на основе врождённого (генетического) и приобретённого опыта; In – информация о средствах, прогностически необходимых для удовлетворения существующей потребности; Ic – информация о средствах, которыми располагает человек в данный момент времени.

Собственно, вышеприведённая формула является очень общей, и в упрощённом виде может быть представлена так:

$$\mathcal{E} = P (Ic - In).$$

Из этой упрощённой формулы хорошо видно, что при $Ic > In$ эмоция приобретает положительный знак, а при $Ic < In$ – отрицательный.

Иван Петрович Павлов (14(26).09.1849 – 27.02.1936) – великий русский учёный, первый русский нобелевский лауреат, физиолог, создатель науки о высшей нервной деятельности, физиологической школы; лауреат Нобелевской премии в области медицины или физиологии 1904 г. «за работу по физиологии пищеварения». Действительный статский советник. Всю совокупность рефлексов разделил на две группы: условные и безусловные.

Награды:

Медаль Котениуса (1903 г.).

Нобелевская премия (1904 г.).

Медаль Копли (1915 г.).

Круновская лекция (1928 г.).

Цитаты И.П. Павлова:

«...я был, есть и останусь русским человеком, сыном Родины, её жизнью прежде всего интересуюсь, её интересами живу, её достоинством укрепляю своё достоинство».

«Мы жили и живём под неослабевающим режимом террора и насилия. <...> Я всего более вижу сходства нашей жизни с жизнью древних азиатских деспотий. <...> Пощадите же родину и нас».

Из выступления И.П. Павлова в декабре 1929 г. в первом Медицинском институте в Ленинграде по случаю 100-летия со дня рождения И.М. Сеченова:

Введён в Устав Академии [наук] параграф, что вся работа должна вестись на платформе учения Маркса и Энгельса – разве это не величайшее насилие над научной мыслью? Чем это отличает от средневековой инквизиции? <...> Нам приказывают (!) в члены Высшего ученого учреждения избирать людей, которых мы по совести не можем признать за учёных. <...> Прежняя интеллигенция частью истребляется, частью и развращается. <...> Мы живём в обществе, где государство – всё, а человек – ничто, а такое общество не имеет будущего, несмотря ни на какие Волховстрои и Днепрогэсы».

Из письма министру здравоохранения РСФСР Г.Н. Каминскому от 10 октября 1934 г.:

«К сожалению, я чувствую себя по отношению к Вашей революции почти прямо противоположно Вам. Меня она очень тревожит... Многолетний террор и безудержное своеволие власти превращает нашу азиатскую натуру в позорно рабскую. А много ли можно сделать хорошего с рабами? Пирамиды? Да; но не общее истинное человеческое счастье».

Недоедание и повторяющееся голодание в массе населения с их непременными спутниками – повсеместными эпидемиями подрывает силы народа. Прошу меня простить... Написал искренне, что переживаю».

Из письма в адрес СНК от 21 декабря 1934 г.:

Вы напрасно верите в мировую революцию. Вы сеете по культурному миру не революцию, а с огромным успехом фашизм. До Вашей революции фашизма не было. Ведь только политическим младенцам Временного правительства было мало даже двух Ваших репетиций перед Вашим Октябрьским торжеством. Все остальные правительства вовсе не желают видеть у себя то, что было и есть у нас, и, конечно, вовремя догадываются применить для предупреждения этого то, чем пользовались Вы, – террор и насилие.

Но мне тяжело не от того, что мировой фашизм попридержит на известный срок темп естественного человеческого прогресса, а от того, что делается у нас, и что, по моему мнению, грозит серьезной опасностью моей Родине.

«...Россия – такая страна, где хотя бы один человек должен говорить правду. Хоть один такой должен быть». И.П. Павлов передал эту обязанность П.Л. Капице, а тот В.В. ИвАнову.

«История души человеческой, хотя бы самой мелкой души, едва ли не любопытнее и не полезнее истории целого народа, особенно когда она – следствие наблюдений ума зрелого над самим собою и когда она писана без тщеславного желания возбудить участие или удивление».

М.Ю. Лермонтов

Лекция 22. ГЕНЫ ВЛИЯЮТ. ЗЕРКАЛЬНЫЕ НЕЙРОНЫ. КРАСОТА И МОЗГ. ПОЛИТОЛОГАМ ПОРА УЧИТЬ ГЕНЕТИКУ (и снова частично А. Марков)

Гены влияют

«Особенности нашей психики зависят от генов (не определяются генами, а именно зависят). Никакого жесткого генетического детерминизма! Гены вообще влияют на фенотип лишь вероятностным образом. Особи с идентичными геномами, даже выращенные в одинаковых условиях, все равно будут чуть-чуть разные. Влияние генов на психические и поведенческие признаки еще менее детерминистично, чем на признаки морфологические и физиологические.

Мозг человека отличается от мозга наших ближайших родственников – шимпанзе и бонобо – в основном размером (он втрое массивнее). Структурные различия, конечно, тоже есть, но они сравнительно невелики и приурочены в основном к отделам, связанным с решением социальных задач. Этот факт наряду со многими другими указывает на то, что Дарвин, по видимому, все-таки был прав, когда говорил, что различия между интеллектом человека и «высших животных» имеют не столько качественный, сколько количественный характер: обезьяны обладают теми же умственными способностями, что и мы, только эти способности у них развиты слабее.

«Крайне интересно было бы узнать, хотя и не совсем понятно, какие эксперименты нужно поставить для получения ответа на подобный вопрос, как бы работало человеческое мышление и как была бы устроена наша речь, в особенности ее грамматическая структура (здесь, к слову, стоит упомянуть и о том, что, согласно известной теории Ноама Хомского, в честь которого не без иронии был назван вышеупомянутый шимпанзе Ним Чимпски, у человека имеется «врожденная грамматика» – некое генетически обусловленное

представление о грамматической структуре речи, хотя эта теория в настоящее время не разделяется большинством экспертов), и как развивалась бы человеческая культура и наука, если бы наша эволюция не остановилась на достигнутом уровне развития кратковременной рабочей памяти, соответствующем, по мнению большинства психологов, ОКРП ~ 7 , хотя некоторые, как отмечалось выше, предпочитают более осторожно говорить о величине 7 ± 2 , о чем можно прочесть в недавно вышедшей книге известного психолога и нейробиолога Криса Фрита «Мозг и душа» (2010 г.), которую я настоятельно рекомендую всем, кто интересуется современными достижениями науки о мозге, а продвинулась несколько дальше, обеспечив нас по крайней мере такой величиной ОКРП, при котором произнесение и понимание сложных и длинных, но при этом логично структурированных, внутренне непротиворечивых и даже в какой-то мере осмысленных фраз, подобных этой, не говоря уже о кратких конструкциях с повышенной степенью рекурсивности вроде «напуганный преследуемой выгуливаемой погруженным в рекурсивные размышления человеком собакой кошкой воробей улетел» (это калька с английского примера, обнаруженного автором в книге С.А. Бурлак «Происхождение языка» и ввергнувшего его в глубокую рекурсивную задумчивость: The cats the dog the men walk chases run away. По-английски такие фразы выглядят еще ужаснее, чем по-русски, из-за отсутствия грамматических «подсказок» в окончаниях слов), не составляло бы труда» (Марков А.В. «Эволюция человека»).

ОКРП – объем кратковременной рабочей памяти. Говоря упрощенно, это та часть памяти, в которой хранится и обрабатывается информация, непосредственно необходимая субъекту в данный момент. Это то, на чем сосредоточено наше внимание. В вашей КРП сейчас, скорее всего, находится несколько последних слов этого текста – примерно столько, сколько вы сможете повторить с закрытыми глазами, не задумываясь и без запинки.

Универсальный аппарат для принятия решений

«Психика, она же душа, является результатом работы мозга. Мозг сделан из нервных клеток – нейронов. Мы не будем вдаваться в тонкие детали устройства нервных клеток, ведь эта книга не учебник по нейробиологии.

Нейрон – универсальное живое устройство для принятия решений. Это главное, что нам следует о нем знать.

Я чуть было не назвал его простейшим или элементарным устройством, но вовремя вспомнил, что есть и более простые биологические структуры, способные к принятию решений: разнообразные биохимические и генетические «переключатели» (Казанцева, 2011 г.). Однако нейроны действительно являются элементарными устройствами – в том смысле, что из них (в отличие от генетических переключателей) можно собрать вычислительную схему или аппарат для принятия решений практически любой степени сложности и эффективности.

На самом деле, конечно, все гораздо сложнее (это моя «любимая» фраза). Ее можно вставлять после почти каждого высказывания, относящегося к сфере естественных наук, и это будет правдой. Конечно, жизнь – штука очень сложная, поэтому любой биологический вывод, теория или модель всегда упрощает реальность. В устах опытных демагогов фразы типа «вы все упрощаете», «в действительности все сложнее» (вариант – «не занимайтесь редуционизмом!») иногда становятся чем-то вроде универсального оружия против любых научных идей. Защититься от таких умников помогает следующая байка, восходящая к одному из рассказов Борхеса (Фрит, 2010 г.). Говорят, что в некоей стране географы приобрели настолько большое влияние, что им предоставили возможность сделать самую подробную в мире географическую карту. По размеру она была равна всей стране и совпадала с ней во всех деталях. Пользы от этой карты не было никакой. Описанная картина так сильно упрощена, что автор даже опасается, как бы специалисты нейробиологи не обвинили его в дезинформировании населения. Но это, напомню, не учебник, а для понимания того, о чем пойдет речь далее, сказанного достаточно. Более полную и

подробную информацию о работе нейронов читатель может без труда найти в соответствующих учебниках, справочниках или в интернете. Достаточно сделать поиск по словам «нейрон», «синапс» и «потенциал действия».

Сегодня, когда каждый человек хоть немного, но знаком с принципами работы компьютеров, никому из прочитавших это описание, наверное, не нужно долго объяснять, что нейрон – превосходный элементарный блок для сборки вычислительных устройств любой степени сложности. Даже таких сложных, как человеческий разум.

В мозге человека, по современным оценкам, примерно 100 млрд (10^{11}) нейронов (в мозге мыши – около 10^7 , в мозге мушки дрозофилы – примерно 10^5). Типичный нейрон имеет от 10^3 до 10^4 синапсов. Итого получаем 10^{14} – 10^{15} синапсов на душу населения. Даже самое примитивное, свехупрощенное и свехсжатое описание структуры синаптических связей мозга, отражающее только то, какие два нейрона контактируют при помощи данного синапса (указываем для каждого синапса два числа – порядковые номера нейронов, по 4 байта на номер), едва поместится на жесткий диск емкостью в 1000 терабайт. Это называется петабайт, и таких дисков, насколько мне известно, еще не делают. Мозг – серьезное устройство, современным компьютерам до него очень далеко.

Построение хорошей, качественной модели (животные, чей мозг делает некачественные, лживые модели реальности, отсеиваются отбором) позволяет нам надеяться, что большинство наших представлений об окружающем мире более-менее правдивы (см. главу «Происхождение человека и половой отбор», кн. 1. А.В. Марков). Впрочем, для отбора важна не истинность модели, а лишь ее практичность. Если способность в каких то ситуациях обманываться (не случайным, конечно, а неким вполне определенным образом) повышает репродуктивный успех, такая способность будет поддержана отбором, и мы будем систематически обманываться. Например, для выживания палеолитическому человеку незачем было понимать, что скалы в основном состоят из пустоты. С такой «чрезмерно правдивой» моделью реальности недолго и голову расшибить. Поэтому мы воспринимаем камни как непроницаемые, сплошные, плотные объекты. Что не совсем правдиво с точки зрения физики, зато очень практично. Можно просчитать оптимальную тактику своего поведения, то есть последовательность нервных импульсов, которые нужно послать мышцам, чтобы совершить нужные телодвижения. Например, убежать как можно быстрее и дальше, если распознанная «картинка» идентифицирована как нечто опасное – скажем, крупный хищник. Физическая природа «картинки», как и всего остального, что происходит в нашей душе, – это определенный рисунок (паттерн) возбуждения нейронов, все те же нервные импульсы, пробегающие по определенным путям в сплетениях аксонов и дендритов. Чтобы надолго запомнить данную картинку – скажем, тигриную морду, выглянувшую из-за пальмы, – нужно просто усилить синаптическую проводимость вдоль всего пути следования импульсов, формирующих именно эту картинку. И тогда достаточно будет легкого напоминания – запах, шорох, пара полосок, желтый глаз, – и по проторенному пути сразу пробегут такие же нервные импульсы, как при первой встрече. Возникнет мысленный образ тигра.

Мы рождаемся не с кашей в голове. Мы рождаемся с нейронами мозга, уже каким-то образом соединенными между собой в громадную, сложнейшую сеть. Каким именно образом они соединятся в процессе эмбрионального развития, зависит от генов. Какие из бесчисленного множества возможных путей для прохождения нервных импульсов будут от рождения более проторенными, чем другие, тоже зависит от генов. Из этого неизбежно следует, что по крайней мере некоторые наши знания вполне могут быть врожденными. Для того чтобы от рождения иметь в голове образ тигра – обладать врожденным знанием о том, как выглядит тигр, – нужно лишь одно. Нужно, чтобы отбор закрепил в нашем геноме такие мутации генов – регуляторов развития мозга, которые от рождения обеспечивали бы повышенную синаптическую проводимость вдоль того пути следования нервных импульсов, по которому они пробегали при встрече с тигром у наших предков, еще не имевших этого врожденного знания.

Разумеется, знания могут быть не полностью, а лишь отчасти врожденными. Это значит, что соответствующий нейронный маршрут будет от рождения проторен лишь отчасти, недостаточно сильно или не на всем протяжении. Тогда нужно будет немного «довести» врожденное полузнание при помощи обучения. Частичная врожденность, конечно, делает обучение гораздо более легким и быстрым.

По всей видимости, у людей действительно есть кое-какие врожденные «заготовки» зрительных образов: например, новорожденные дети иначе реагируют на вертикальный овал с большой буквой Т посередине (похоже на лицо), чем на другие геометрические фигуры. Удивительная легкость, с которой маленькие дети овладевают речью, тоже объясняется наличием некоего врожденного «полузнания», то есть предрасположенности к легкому усвоению знаний определенного рода.

Могут существовать и такие знания, которым очень трудно или даже вовсе невозможно научиться, потому что врожденная структура межнейронных связей не предусматривает такой возможности.

Нейроны мозга от рождения соединены между собой лишь каким-то одним способом из бесконечного числа возможных. Из этого следует, что любое животное, включая человека, чему-то научиться может, а чему-то – нет. Одни науки даются нам легко, другие трудно. Абсолютно универсальных мозгов не бывает. Любой мозг специализирован, «заточен» под решение определенного – пусть и очень широкого – круга задач. Он принципиально не способен решать задачи, лежащие за пределами этого круга. Возможно, человеческий мозг более универсален, чем мозг других животных, но абсолютная универсальность – не более чем несбыточная мечта.

Гиппокамп – часть так называемой лимбической системы мозга. Выполняет несколько важных функций, включая управление запоминанием пережитых событий. В том числе путем многократного «прокручивания» дневных воспоминаний во время сна. Люди с удаленным гиппокампом помнят все, что было с ними до операции, но не могут запомнить ничего нового.

Пирамидальные нейроны – особый тип нейронов, которых очень много в коре головного мозга млекопитающих. Отличаются пирамидальной формой «тела» и наличием двух групп дендритов – базальной и апикальной. По-видимому, именно пирамидальные нейроны отвечают за самые сложные мыслительные процессы и высшие когнитивные функции.

Зеркальные нейроны

Некоторые учёные называют открытие зеркальных нейронов самым главным событием в нейробиологии за последние двадцать лет. А затраты на исследования в области зеркальных нейронов, по подсчётам журнала *The Economist*, ежегодно растут едва ли не в геометрической прогрессии, а самому направлению прочат роль одного из основных трендов в развитии науки в ближайшие годы. Впервые зеркальные нейроны были обнаружены в 90-х годах у обезьян, а позднее и у человека группой итальянских исследователей во главе с Джакомо Ризцоллатти.

Зеркальные нейроны – нейроны головного мозга, которые возбуждаются как при выполнении определённого действия, так и при наблюдении за выполнением этого действия другим существом. Такие нейроны были достоверно обнаружены у приматов, утверждается их наличие у людей и некоторых птиц. Зеркальные нейроны – группа клеток в человеческом мозгу, дающих разряд, когда человек либо бьёт по футбольному мячу, либо видит, как по нему бьёт другой, либо даже просто произносит или слышит слово «Удар!».

Имитация. Зеркальные нейроны – это клетки, которые заполняют разрыв между «я» и другими, обеспечивая «симуляцию» чужих действий. Имитация и расположение к человеку часто идут рука об руку. Когда кто-то нас имитирует, это располагает нас к нему.

Младенец и мать зеркалят друг друга, запечатляют образы, действия, эмоции. А маленькие дети приходят в восторг, когда взрослые принимают их имитировать.

Между родителями и грудным ребёнком то и дело происходит взаимная имитация. Зеркально-нейронная система осуществляет внутреннюю проекцию (психоаналитик сказал бы: интроекцию) других людей в наш мозг.

Мы пользуемся имитацией даже на экзаменах. Так, проводились исследования со студентами. Студентов просили просто подумать об университетских профессорах, когда они испытывали затруднения на экзамене, и студент(ка) становился(ась) умнее. Так наверное, и каждый из нас, когда нам становится трудно, думаем о любимом человеке и становится легче, решение приходит, настроение улучшается. Не зря в родильной палате, в экстренных ситуациях люди зовут маму... Люди давно используют это свойство человеческой психики, не давая этому определения.

Исследованиями доказано, что имитация может делать нас медлительными, быстрыми, сообразительными, глупыми, способными к математике, неспособными к математике, услужливыми, грубыми, вежливыми, многоречивыми, нетерпимыми, агрессивными, склонными к сотрудничеству, склонными к соперничеству, уступчивыми, неуступчивыми, консервативными, забывчивыми, осторожными, беспечными, опрятными, неряшливыми.

Но зеркальные нейроны способствуют автоматическим имитационным воздействиям, которые мы испытываем зачастую неосознанно и которые ограничивают нашу самостоятельность, заставляя нас подчиняться мощным социальным импульсам. На способности к имитации держится мода, реклама, продажи, преподавание... Вспоминается фраза из песни 1090-х гг. – «Смотри на меня, делай как я!».

Эмпатия. Деятельностью зеркальных нейронов объясняется эмпатия. Эмпатия – это способность поставить себя на место другого человека, понять эмоции и намерения, чувства и желания своего собеседника, что делает нас социально интегрированными и более успешными. Чтобы понять, к примеру, чувства влюблённой девушки, другой человек должен сам войти в роль влюблённого. Два человека, находящиеся лицом к лицу и копирующие друг друга, словно перед зеркалом, используют один и тот же участок пространства. Мы «делим» это пространство и благодаря этому становимся в прямом смысле ближе друг к другу. Одна из первичных целей имитации – способствовать выраженной в телесных формах близости, «интимности» между «я» и другими. С помощью зеркальных нейронов мы и в других людях видим себя. Мы воспроизводим чужие движения как особую форму внутренней имитации, как если бы мы находились внутри другого человека. Эмпатия позволяет нам делиться эмоциями и опытом, иметь общие нужды и цели.

Эмпатия хорошо развита у людей следующих профессий – врачей, психологов, актёров... Зеркальные нейроны вашего собеседника, как и ваши собственные, распознают фальшь, ибо они способны воспринимать более тонкие невербальные сигналы. Зеркальность при взаимодействии истолковывается как выражение большей солидарности, вовлечённости, близости. Мы понимаем чужие состояния, в буквальном смысле вживаясь в них. И здесь стоит отметить недооцененную важность позитивного мышления. Иными словами – повернитесь лицом к миру, и мир повернется лицом к вам.

У всей этой, казалось бы, «магии», есть осязаемая биологическая основа. Наш мозг способен зеркально воспроизводить глубочайшие аспекты чужого внутреннего состояния на тонкострунном уровне **ОДНОЙ КЛЕТКИ!**

Любовь зеркалит любовь, и её становится больше. Все мы были когда-то влюблены. И удивительным образом мы знаем о том, что человек в нас влюблён, мы способны улавливать любовь на тонком уровне. Часто психологи призывают менять свою жизнь и окружать себя любимыми людьми, теми людьми, которые вам близки на глубинном ценностном уровне, способные разделять ваши устремления, чувства и эмоции. И расставаться с людьми, которые тормозят, саботируют, крадут, мешают жить и радоваться. Не всё так просто, но хочется с ними согласиться. От того, в каком окружении вы живёте, зависит качество вашей жизни, ваша успешность и даже здоровье. Наверное, каждому из нас хочется жить с любящим человеком, улыбающимся вам в лицо, нежно смотрящим, понимающим...

Исследования нейробиологов добавляют веса в сторону выбора и выражения любви и радости. Так, было установлено, что пары с лучшей моторной координацией отличаются самым высоким уровнем эмоциональной близости, теплоты (наклон тела вперёд, улыбки, кивки) и побуждают окружающих к таким же действиям. Зеркальные нейроны разряжаются и на звуки, выражающие удовольствие и торжество, – например, смех и радостные возгласы, – у нас активизируют моторные области мозга, управляющие улыбкой.

Так что выбор, что транслировать и что отражать только за Вами!

Чем сильнее люди нравятся друг другу, тем больше, как правило, они подражают один другому. Потому супруги, долго прожившие друг с другом, похожи друг на друга лицом. Чем выше качество супружеских отношений, тем выше лицевое сходство.

Имитация и координация – тот клей, что скрепляет людей. Это облегчает вхождение человека в окружающую его социальную обстановку, помогает извлекать из своего положения максимум возможного.

И даже если вы работаете с тяжёлыми людьми, больными и расстроенными, то ваше отношение и состояние любви способно изменить окружающих.

Мы созданы для эмпатии, и это должно вдохновить нас на новые шаги по формированию нашего общества с тем, чтобы людям в нём лучше жилось. Взаимодействуя, мы делимся эмоциями и намерениями.

О чём же говорит нам наше тело, которое содержит нейроны – зеркала?

Мы все связаны друг с другом на базовом, дорефлективном, глубоком уровне!

Долговременная память у высших животных делится на сознательную (эксплицитную, или декларативную) память о событиях, фактах, ощущениях и бессознательную, имплицитную, или процедурную, память (например, о двигательных навыках). Процедурная память хранится в моторной коре (моторная кора – часть коры головного мозга, отвечающая за планирование и осуществление произвольных движений. Моторная кора тянется полосой вдоль заднего края лобных долей, там, где они граничат с теменными долями и мозжечком. В ее формировании участвуют такие отделы мозга, как стриатум, или полосатое тело, и миндалина (миндалевидное тело). Декларативная память локализуется в тех отделах коры, которые отвечают за восприятие соответствующих сигналов, – например, память об увиденном хранится в зрительной коре. Ключевым отделом мозга, необходимым для запечатления приобретенного опыта в виде долговременной декларативной памяти, является гиппокамп.

Установлено, что во сне происходит закрепление обоих типов долговременной памяти, причем декларативная память закрепляется в фазе медленного сна, а процедурная – в фазе быстрого сна (так называемого REM сна, от слов rapid eye movement – «быстрое движение глаз»).

Разумеется, для того чтобы осуществлять подобные аналитические процедуры – и в результате совершать вполне осмысленные, адаптивные поступки, – вовсе не нужно обладать сознанием (в одной англоязычной научно-популярной книге, к сожалению, не могу вспомнить, в какой именно, мне попалась очаровательная (и при этом абсолютно верная) фраза: «Чтобы учиться, не нужно обладать ни разумом, ни сознанием»). По-моему, она подошла бы в качестве девиза многим образовательным учреждениям. Даже очень простые нейронные контуры могут справляться с такой работой, совершая ее автоматически, без всякого осознания или рефлексии, подобно интерактивной компьютерной программе. Эта простая мысль до сих пор кажется чуждой многим людям, что вообще-то немного странно в наш компьютерный век.

Кратковременная рабочая память (КРП) – это та часть памяти, в которой хранится и обрабатывается информация, непосредственно необходимая субъекту в данный момент. Это то, на чем сосредоточено наше внимание. Повторимся, в вашей КРП сейчас, скорее всего, находится несколько последних слов этого текста – примерно столько, сколько вы сможете повторить с закрытыми глазами, не задумываясь и без запинки. Ключевое значение имеет емкость КРП, измеряемая количеством идей, образов или концепций, с которыми исполнительный компонент рабочей памяти может работать одновременно. Компьютерным

аналогом КРП является не оперативная память (которая больше похожа на ДРП, хотя сходство очень неполное), а регистры процессора.

Эту важнейшую характеристику рабочей памяти называют объемом кратковременной рабочей памяти (ОКРП) (по-английски – short term working memory capacity, STWMC). Многочисленные эксперименты показали, что у человека ОКРП ~ 7 (хотя некоторые исследователи склоняются к более осторожным оценкам и предпочитают говорить о величине 7 ± 2). Большинство других животных не может обдумывать комплексно, как часть единой логической операции, более одной, от силы двух идей (ОКРП $<$ или $= 2$).

У наших ближайших родственников шимпанзе и бонобо ОКРП ≤ 3 . Одновременное оперирование тремя понятиями – предел возможностей для современных нечеловеческих обезьян, а также, скорее всего, для последнего общего предка шимпанзе и человека, жившего 6–7 млн лет назад (иначе пришлось бы предполагать умственную деградацию в линии шимпанзе, а для этого нет серьезных оснований).

(Напоминание! По-видимому, правое полушарие стремится создать целостный образ, максимально близкий к реальности, а левое – схематичный, бедный деталями, зато простой и удобный для мысленного оперирования).

Эффект Болдуина: обучение направляет эволюцию. Эффект Болдуина может ускорить развитие интеллекта благодаря положительной обратной связи. Чем выше интеллект и способность к обучению, тем выше вероятность, что животное изобретет какую-то новую, особо удачную манеру поведения. Чем чаще будут изобретаться отдельными особями новые полезные хитрости, чем больше их будет в поведенческом репертуаре популяции, тем полезнее будет способность к быстрому обучению, быстрому схватыванию, эффективному перенятию чужого опыта. В такой ситуации отбор может начать поддерживать закрепление не только какого-то конкретного нового приема или действия (залезания на деревья или переваривания молока), но и более общей, генерализованной способности быстрее соображать и учиться. Может начаться отбор на «общий интеллект».

Прогрессивное развитие мозга и умственных способностей у приматов неразрывно связано с общественным образом жизни, с необходимостью предвидеть поступки соплеменников, манипулировать ими, учиться у них, а также оптимально сочетать в своем поведении альтруизм с эгоизмом. Такова точка зрения большинства специалистов на сегодняшний день. Идея о том, что разум у приматов развился для эффективного поиска фруктов или, скажем, выковыривания пищи из труднодоступных мест (гипотеза экологического интеллекта), сейчас имеет мало сторонников. Она не может объяснить, зачем приматам такой большой мозг, если другие животные (скажем, белки) отлично справляются с очень похожими задачами по добыче пропитания, а мозг у них при этом остается маленьким. Намного лучше обоснована гипотеза социального интеллекта (или «социального мозга»). Ее называют также гипотезой макиавеллиевского интеллекта в честь великого итальянского политолога Никколо Макиавелли (1469–1527), которому приписывают такие афоризмы, как «цель оправдывает средства» и «люди всегда дурны, пока их не принудит к добру необходимость».

Альтруисты процветают благодаря статистическому парадоксу

Могут ли быть в природе ситуации, когда альтруисты ни прямо, ни косвенно не получают никакой выгоды от своего альтруизма и совсем не умеют бороться с обманщиками, но альтруизм тем не менее развивается и процветает?

Теоретически это возможно, о чем в свое время говорили и Джон Холдейн, и Уильям Гамильтон. Даже если быть эгоистом, безусловно, выгоднее, чем альтруистом, развитие альтруизма может идти за счет той пользы, которую получает от альтруистов вся популяция в целом, в сочетании со странным статистическим эффектом, который называется **парадоксом Симпсона**.

В результате совместного действия этих двух факторов может возникнуть ситуация, которая интуитивно кажется невозможной: в каждой отдельной популяции процент носителей

«генов альтруизма» неуклонно снижается (альтруисты всегда проигрывают в конкуренции своим эгоистичным сородичам), но если мы рассмотрим все популяции в целом, то окажется, что в глобальном масштабе процент альтруистов растет. **Принцип действия парадокса.**

Главный вывод, который можно сделать из этой работы, состоит в том, что межгрупповая конкуренция – мощнейший стимул для развития внутригрупповой кооперации и альтруизма.

Аналогии с человеческим обществом вполне очевидны. Ничто так не сплачивает коллектив, как совместное противостояние другим коллективам. Множество внешних врагов (N) – обязательное условие существования тоталитарных империй и надежное средство «сплочения» населения в альтруистический муравейник.

При помощи математических моделей было показано, что альтруизм мог развиваться только в комплексе с ксенофобией – враждебностью к чужакам.

Получается, что такие, казалось бы, противоположные свойства человека, как доброта и воинственность, развивались в едином комплексе: ни та, ни другая из этих черт по отдельности не способствовала бы репродуктивному успеху их обладателей.

Реципрокность (от лат. *reciprocus* – возвращающийся, обратный, взаимный, чередующийся)

Естественные науки вообще слабо приспособлены для выяснения вопроса, что хорошо, а что плохо. Их главная задача – расшифровка причин и механизмов наблюдаемых явлений, а не вынесение им моральных оценок (это относится и к эволюционной психологии. Если выясняется, что та или иная особенность нашего поведения имеет эволюционные корни, это абсолютно ничего не говорит о том, хорошим или плохим мы должны считать такое поведение сегодня. Скажем, моногамия и ксенофобия – два человеческих свойства с одинаково глубокими и прочными эволюционными корнями. При этом первое из них, по моему, довольно хорошее, а второе – отвратительное).

Однако до сих пор не только дилетанты, но и некоторые эксперты твердо убеждены, что эмоции, интуитивные побуждения и прочие природные позывы – вполне надежные критерии истинности в этических вопросах. Эта точка зрения основана на предположении, или, скорее, на интуитивной убежденности в том, что первая, непосредственная, не затуманенная всяческими умствованиями эмоциональная реакция и есть самая верная, потому что она идет «из глубины души» и несет в себе «глубинную мудрость». Голос сердца, одним словом. На это особенно нападают противники клонирования, стволовых клеток, искусственного осеменения и других технологий, «покушающихся на самое святое» и «вызывающих естественное отторжение».

Тем временем дотошные нейробиологи проникают все глубже в пресловутые «глубины души», и то, что они там находят, не всегда похоже на мудрость, которую следует почитать превыше рассудка.

Мытье рук порождает в нашем сознании обобщенную идею освобождения от уз прошлого («начало с чистого листа»), что и приводит к снижению беспокойства по поводу былых грехов или ошибочного выбора. В обоих случаях когнитивный диссонанс, требующий компенсации путем пересмотра собственных взглядов и ценностей, может породиться тем, что как безнравственные, так и просто ошибочные действия угрожают нашей самооценке. Ведь мы склонны считать себя хорошими и умными, то есть высокоморальными и способными принимать правильные решения в спорных ситуациях.

Такие исследования наглядно показывают, насколько необъективен и нелогичен наш мыслительный аппарат, для которого чисто внутренние, «технические» потребности (такие как потребность сохранения высокой самооценки) подчас важнее рациональности и объективной картины мира (чувство собственной важности – это гипертрофированная потребность в поддержании высокой самооценки). Возможно, именно поэтому я меньше доверяю мнению коллег, страдающих повышенной серьезностью и ЧСВ (чувство собственной важности), по сравнению с теми, кто способен пошутить над собой и своими теориями. Н.В. Тимофеев-Ресовский говорил: «Не занимайся наукой со звериной серьезностью, науку надо делать весело и красиво, иначе нечего в нее и соваться».

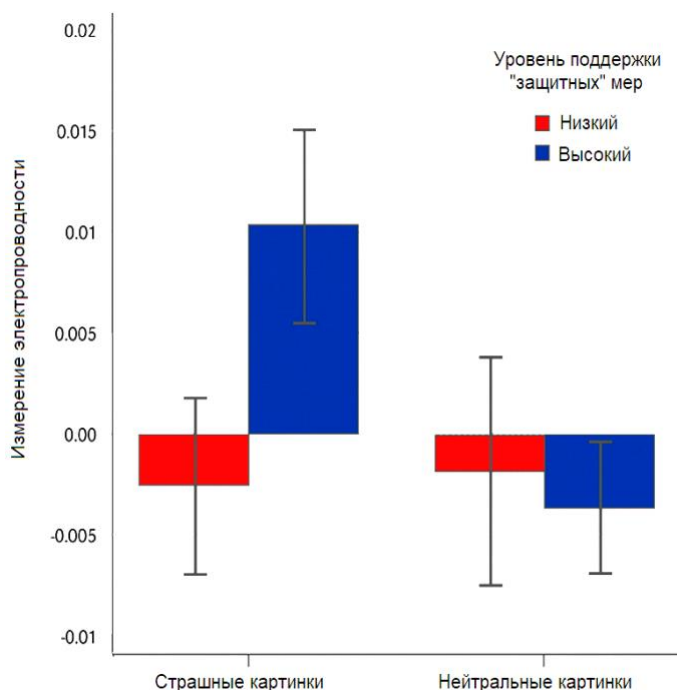
Естественно предположить, что в эгалитарном обществе должно быть меньше предпосылок для развития ЧСВ по сравнению с обществом, основанном на жесткой иерархии. Это одна из причин, в силу которых различия в политической организации общества могут влиять на развитие науки). Наши, на первый взгляд, логичные умозаключения порой зависят от физических и физиологических факторов, не имеющих ни малейшего отношения к делу. Именно поэтому, кстати, не следует осуждать тех ученых, которые при помощи хитроумных и дорогостоящих экспериментов порой подтверждают вещи, кажущиеся самоочевидными. Подобная «очевидность» немногого стоит, а научный метод как раз для того и придуман, чтобы преодолевать несовершенства нашего природного мыслительного аппарата» (Марков А.В. «Эволюция человека»).

Политологам пора учить генетику

«Политические пристрастия. Исследования последних лет показали, что политические пристрастия людей определяются не только рассудочными умозаключениями. Эти пристрастия, по-видимому, уходят корнями в более глубокие слои психики и даже в физиологические свойства организма. Было показано, например, что страх заболеть коррелирует с негативным отношением к иностранцам (Faulkner et al., 2004), а приверженность «своей» социальной группе (например, патриотизм) – с развитостью чувства отвращения (Navarrete, Fessler., 2006). Выяснилось также, что у консерваторов (здесь и далее эти термины используются в том смысле, в каком их принято употреблять в США. Для американцев «консерватор» – это противник абортов, гей-парадов, исследований стволовых клеток, генно-модифицированных продуктов, иммигрантов и теории Дарвина, сторонник войны в Ираке и Афганистане и роста расходов на вооружение) по сравнению с либералами в среднем больше размер миндалевидных тел. Эти подкорковые участки мозга играют важную роль в эмоциональной регуляции поведения и связаны, в частности, с чувством страха. Зато передняя поясная кора у консерваторов развита слабее, чем у либералов. Этот участок коры выполняет много разных функций, в том числе он связан с любовными переживаниями, сексуальным возбуждением и сознательным восприятием боли (как своей, так и чужой).

Недавно американские психологи исследовали зависимость политических пристрастий от степени выраженности физиологических реакций на испуг (Oxley et al., 2008). Эти реакции имеют адаптивный характер, поэтому их легко интерпретировать с позиций эволюционной психологии.

У людей, озабоченных общественной безопасностью, физиологическая реакция на оба вида пугающих стимулов оказалась более сильной. Например, при виде страшных картинок у них возрастала электропроводность кожи, тогда как у лиц с противоположными политическими взглядами этого не наблюдалось (см. рисунок).

Этот результат остался статистически значимым и после того, как были учтены дополнительные факторы, способные повлиять на политические взгляды: пол, возраст, доход и уровень образования испытуемых (расовую и этническую принадлежность учитывать не пришлось, поскольку все добровольцы были белыми американцами неиспанского происхождения).

Скорее дело тут в наследственных, генетически обусловленных вариациях, в активности некоторых участков мозга, в особенности миндалины, которую иногда называют «центром страха».

У людей, озабоченных общественной безопасностью, наблюдается сильная физиологическая реакция (рост электропроводимости кожи) на пугающие стимулы. По рисунку из Oxley et al., 2008.

Ранее было показано (Martin et al., 1986), что склонность к тем или иным политическим взглядам больше зависит от наследственности, чем от воспитания. Известно, что вариации в активности миндалины также имеют во многом наследственную (генетическую) природу. У консерваторов миндалина в среднем крупнее, чем у либералов (см. выше). Так что картина складывается вполне определенная.

Если наши политические взгляды действительно обусловлены физиологией и наследственностью, то становится понятно, почему люди так упорно держатся за свои убеждения и почему так нелегко добиться политического согласия и единодушия в обществе. И я не удивлюсь, если скоро за прогнозами результатов выборов станут обращаться не к социологам, а к специалистам по популяционной генетике.

Аристотель, которого считают основоположником научной политологии, называл человека «политическим животным». Очень неплохое определение даже по меркам сегодняшнего дня! Однако до самых недавних пор политологи не рассматривали всерьез возможность влияния биологических факторов (таких как генетическая вариабельность) на политические процессы. Политологи разрабатывали свои собственные модели, учитывающие десятки различных социологических показателей, но даже самые сложные из этих моделей могли объяснить не более трети наблюдаемой вариабельности поведения людей во время выборов. Чем объясняются остальные две трети? Похоже, ответ на этот вопрос могут дать нейробиологи и генетики.

Крупномасштабные политические проблемы впервые встали перед людьми совсем недавно в эволюционном масштабе времени. Судя по всему, для решения мировых проблем мы используем старые, проверенные генетические и нейронные контуры, которые развились в ходе эволюции для регуляции наших взаимоотношений с соплеменниками в небольших коллективах. А если так, то для понимания политического поведения людей совершенно недостаточно учитывать только социологические данные. Политологам пора объединить свои усилия со специалистами по генетике поведения, нейробиологами и эволюционными психологами (Fowler, Schreiber, 2008).

Первые научные данные, указывающие на то, что политические взгляды отчасти зависят от генов, были получены в 1980-е годы (Martin et al., 1986), но поначалу эти результаты казались сомнительными. Убедительные доказательства наследуемости политических убеждений, а также других важных личностных характеристик, влияющих на политическое и экономическое поведение, удалось получить за последние 5–6 лет в ходе изучения большого количества пар близнецов (Alford et al., 2005). Было показано, что склонность людей вступать в те или иные политические партии отчасти наследуется и даже результаты выборов могут в известной мере зависеть от генотипа голосующих. **По-видимому, не менее трети вариабельности по политическим взглядам определяется генами, около половины – факторами среды, различающимися для близнецов из одной пары, и лишь около 1/6 – общими для близнецов условиями воспитания в семье.**

Ни большое число друзей, ни наличие аллеля 7R по отдельности не делают человека либералом. Однако вместе эти два фактора – генетический и социальный, врожденный и средовой (*количество друзей обладает низкой наследуемостью, то есть этот признак мало зависит от генов*) – оказывают существенное влияние на политические взгляды.

Авторы по-честному отмечают, что подобные новаторские результаты, как правило, начинают считаться твердо доказанными лишь после того, как несколько исследовательских групп независимо подтвердят их на разных выборках. Пока же, по мнению авторов, лучше не объявлять на весь мир об «открытии гена либерализма» (что, впрочем, уже успели сделать некоторые журналисты). Главная ценность исследования в том, что оно наглядно продемонстрировало специфическое взаимодействие между генетическими и социальными факторами, совместно влияющими на формирование политических взглядов.

Мы уже говорили выше о том, что наличие у человеческого поведения тех или иных причин (в том числе нейробиологических и генетических) не снимает с нас ответственности за свои поступки. Человеческий интеллект достаточно развит для того, чтобы понимать, какое поведение является общественно допустимым, а какое нет. Понятия «ответственность» и «вина» не являются абсолютными, они не даны нам свыше, более того – попытки их абсолютизации неизбежно сталкиваются с серьезными логическими трудностями (как и в случае со «свободой воли»). Они, тем не менее, необходимы для нормальной жизни общества. Что поделаешь, мир несправедлив, и генетический полиморфизм людей – яркое тому подтверждение. Кому-то больше повезло с генами, кому то меньше; кому-то приятно совершать хорошие поступки, кому то приходится себя заставлять. Но спрос со всех один, и это правильно. Приведу один наглядный пример. Знаете ли вы, что генетики нашли в геноме человека фрагмент, присутствие которого в несколько раз повышает вероятность того, что человек станет убийцей? Такой фрагмент действительно найден, и статистические данные, подтверждающие его влияние на вероятность совершения тяжких преступлений, обширны и убедительны. Значит ли это, что мы должны давать поблажку преступникам – обладателям этого генетического фрагмента? Судить их менее строго? Ведь они не виноваты, что им достался такой геном. Им действительно труднее воздерживаться от убийств, чем остальным людям. Или, может быть, нужно срочно разработать какие то медицинские средства, препятствующие работе этого генетического фрагмента? Подозреваю, что правильный ответ на все эти вопросы – твердое «нет». Почему – станет ясно каждому, когда я скажу, как называется этот фрагмент генома. Он называется игрек хромосома» (Марков А.В. «Эволюция человека»).

Красота и мозг

(Частично с использованием одноименной статьи С. Добрынина)

Похожа ли математическая красота на художественную, и можно ли найти отдел человеческого мозга, отвечающий за ее восприятие?

Совместное исследование нейробиологов и математиков, проведенных в последние годы, показало, что восприятие «красивых математических формул» затрагивает тот же отдел мозга, что и восприятие живописи и музыки. Эти работы стали одной из первых попыток разобраться с понятием математической красоты с помощью строгого научного метода.

Красота и вероятность

Однажды у известного математика, специалиста в области динамических систем Анатолия Вершика брали интервью. Корреспондент попросил написать на доске какую-нибудь красивую формулу – для фона. Вершик написал формулировку Большой эргодической теоремы – широкого обобщения закона больших чисел. Вот как этот закон выглядит:

$$\varphi_n(x) := \frac{1}{n} \sum_{j=0}^{n-1} \varphi(f^j(x)) \xrightarrow{n \rightarrow \infty} \bar{\varphi}(x).$$

Основная часть формулировки Большой эргодической теоремы (она же теорема Биркгофа – Хинчина).

Эта странная формула отражает закон, который объясняет, что суммарный эффект большого числа случайных событий мало зависит от исхода каждого отдельного из них. Подброшенная монета может выпасть орлом или решкой – это случайность, но если подбросить монету много раз, число выпадений орла и решки окажутся почти равными – случайность единичного события при большом количестве событий переходит в закономерность. Именно благодаря закону больших чисел мы можем изучать явления

нашего мира, не отвлекаясь на его хаотическую сущность, благодаря ему мы можем с уверенностью делать вывод о большом на основе малого. Это тот самый случай (для некоторых удивительный), когда математика явно отражает = отображает фундаментальное устройства природы. В этом и есть красота – красота эргодической теоремы. Анатолий Вершик написал формулировку Большой эргодической теоремы, потому что она – плод чистого разума, и описывает глубинное устройство природы.

Красота и медиальная орбитофронтальная кора – мОФК

«Математика, если правильно на нее посмотреть, несет не только правду, но и высшую красоту» (Бертран Рассел «Мистицизм и логика», 1918 г.).

Насколько эта категория универсальна? Ранее, в самом начале, мы сделали смелое утверждение, что «красота математики» абсолютна, в отличие от красоты живописи или литературы. А насколько она универсальна – абсолютна для самих математиков? Можно ли сравнить понятие о прекрасном в этой точной науке с красотой в поэзии, музыке, изобразительном искусстве?

В начале 2014 года в журнале *Frontiers in Human Neuroscience* была опубликована статья группы авторов, ключевыми из которых были британский нейробиолог Семир Зеки и великий ученый, британский математик Майкл Атья.

Зеки прославился работами, связывающими чувственное восприятие с конкретными областями в мозгу, на протяжении своей карьеры он поставил множество экспериментов над приматами и людьми, в которых искал корреляции между опытом любви, красоты и ненависти с работой тех или иных отделов мозга. Майкл Атья – лауреат обеих крупнейших в математике Филдсовской и Абелевской премий, известен в первую очередь работами в области алгебраической топологии, в частности созданием К-теории.

Таким образом, впервые специалисты в очень далеких друг от друга научных направлениях объединились, дабы попробовать исследовать «математическую красоту» строгим научным подходом. В 2004 г. вышла работа Зеки, в которой обсуждалась физиологическая подоплека опыта восприятия изобразительного искусства. В том опыте группе испытуемых было предложено оценить 300 картин по шкале «прекрасная – нейтральная – уродливая». Затем участникам опыта демонстрировали те же полотна, а происходящие в их мозгу процессы параллельно отслеживали с помощью магнитно-резонансной томографии. Результат: разница в реакции на красивые и отвратительные изображения особенно заметна в отделе мозга, который называется медиальная орбитофронтальная кора – мОФК (это часть коры головного мозга, находящаяся примерно за глазами). Научные данные о конкретных функциях тех или иных участков мозга далеко не полны, но другие исследования связывают орбитофронтальную кору с контролем импульсов (ее повреждения могут привести, например, к агрессии и сексуальной распущенности), а также за представление ценности вознаграждения на основе сенсорной информации. Несмотря на ценность этой работы открытия в мозге «центра красоты», естественно, не произошло. Зеки лишь говорит, что между восприятием прекрасного в изобразительном искусстве и работой мОФК наблюдается определенная корреляция.

В 2011 г. Семир Зеки опубликовал следующую работу по данной проблеме. Но в ней он изучал уже восприятие музыки. И опять, как показал эксперимент, важнейшую роль играет отдел мОФК.

Наконец, в 2013 г. Семир Зеки и Майкл Атья поставили естественный вопрос: связано ли восприятие «математической красоты» с тем же отделом мозга? Аналогично экспериментам 2004 и 2011 гг. 15 молодым математикам показали 60 формул (среди них были и знаменитые теоремы, и фундаментальные тождества и определения). Сначала испытуемые поставили каждой из них оценку по шкале от –5 (уродливая) до +5 (прекрасная). Спустя 2-3 недели им снова продемонстрировали все 60 формул одну за другой, но в другом порядке, наблюдая за их реакцией на МРТ. Кроме того, испытуемых (в отличие от восприятия искусства и это важно!) попросили оценить понятность каждой формулы – чтобы затем статистически разобраться с ловушкой «красиво – то, что понятно».

Итог. Скорее любопытными, чем существенными с научной точки зрения оказались результаты субъективной оценки красоты формул из списка.

Лучшую среднюю оценку (3,375) с заметным отрывом от других получила формула Эйлера, связывающая самые важные математические константы: 0, 1, e , π , корень из минус единицы и три действия – сложение, умножение и возведение в степень, причем каждая константа и каждое действие участвуют в формуле только один раз. Это выражение (как мы уже говорили в самом начале нашего курса) в элементарном виде связывает чрезвычайно далекие, на первый взгляд, области математики; легко предположить, что формула Эйлера была бы названа самым красивым математическим тождеством и при глобальном опросе!

Самой «уродливой», опять же, с большим отрывом от остальных (средний балл –1,687), оказалась формула Рамануджана для разложения в ряд $1/\pi$ – в списке не было более громоздкого и несимметричного выражения. Однако, эта внешне «уродливая», но чрезвычайно интересная формула весьма полезна для инженеров – с ее помощью можно быстро получать приближенные значения числа π . Даже первый член ряда (для $k = 1$) дает значение π с точностью до шестого знака после запятой. Можно найти в тождестве Рамануджана и абстрактную красоту – она связывает фундаментальную константу, описывающую свойства правильной окружности, с совершенно непонятными числами – 9801, 1103, 396 и 26390. Почему именно они дают возможность вычислить π , – непонятно. Итак, она «уродлива»? А как же тогда Иероним Босх??? Посмотрите ниже его триптихи.

$$1 + e^{i\pi} = 0$$

$$\frac{1}{\pi} = \frac{2\sqrt{2}}{9801} \sum_{k=0}^{\infty} \frac{(4k)!(1103 + 26390k)}{(k!)^4 396^{4k}}$$

Самая красивая (Эйлера) и самая отвратительная (Рамануджана) из известных математических формул.

Пожалуй, единственным значимым результатом опыта оказалось подтверждение гипотезы – различие в восприятии красивых формул по сравнению с уродливыми и нейтральными отражалось в первую очередь (хотя и не исключительно) в работе той же зоны мозга, медиальной орбитофронтальной коры, что и восприятие художественной красоты в предыдущих экспериментах. Значит ли это, что математическая и художественная красота влияют на нас схожим образом, что у этого чувственного опыта одинаковая физиологическая подоплека? Возможно, отчасти это верно. С другой стороны, низкий отрицательный балл формулы Рамануджана говорит о том, что возможно? отчасти при оценке учитывались внешние характеристики записи выражения – его НЕкраткость и НЕсимметричность. **Такое восприятие красоты видимо в чем-то похоже на восприятие художественного полотна и задействует те же участки мозга.**

Таким образом, исследование Зеки и Атья, основанное на достаточно ограниченном эксперименте, доказывает лишь то, что восприятие математической красоты в одном из ее аспектов в чем-то похоже на восприятие каких-то граней художественной или музыкальной красоты. И только!

Но есть ли что-то в математической красоте, объединяющее различные ее ипостаси и фундаментально отличающее ее от других видов прекрасного (а может, наоборот – связывающее с ними)? «Платон считал математическую красоту высшей формой прекрасного, – пишут Семир Зеки и Майкл Атья, – ведь она происходит из чистого разума и связана с вечной и неизменной истиной». Это и есть «абсолютная красота», о которой мы говорили в начале нашего курса.

Именно те правила, которые кажутся интересными математику, и выбрала природа.

«Математик играет в игру, правила для которой он выдумывает сам, физик играет игру по правилам, которые даны природой. Но со временем становится все более очевидно, что именно те правила, которые кажутся интересными математику, и выбрала природа» (Поль

Дирак? 1939 г.). Красота математики – в способности увидеть истинную суть вещей. Но ведь это относится к любой красоте.

Сэр Майкл Фрэнсис Атья (род. 22.04.1929) – английский математик. Родился в Лондоне, в семье ливанского писателя Эдуарда Атья (православного вероисповедания) и матери-шотландки. В 1934–1941 гг. он посещал начальную школу в Хартуме (Судан), в 1941–1945 гг. – Виктория-колледж в Каире. Затем он вернулся в Англию и обучался в школе Манчестера. В 1947 г. он поступил в Тринити-колледж Кембриджского университета, а в 1955 г. под руководством Вильяма Ходжа, защитил диссертацию на тему *Some Applications of Topological Methods in Algebraic Geometry*.

До 1963 г. преподавал в Кембриджском университете, после чего получил престижную должность Савилиановского профессора геометрии в Оксфордском университете. Атья оставался в Оксфорде до 1990 г. (с перерывом в 1955–1956 и 1969–1972 гг., когда он был профессором Института перспективных исследований), а затем вернулся в Кембридж.

Атья занимал множество почётных должностей, в частности он был президентом Лондонского математического общества (1974–1976 гг.), Лондонского королевского общества (1990–1995 гг.) и Королевского общества Эдинбурга (2005–2008 гг.). Также он был президентом Пагуошского движения учёных (1997–2002 гг.), является членом Британской гуманистической ассоциации.

Награды, членство в академиях:

В числе наград:

Премия Смита (1954).

Филдсовская премия (1966).

Королевская медаль (1968).

Бейкеровская лекция (1975).

Мемориальная лекция Соломона Лефшеца (1976).

Медаль де Моргана (1980).

Премия Фельтринелли (1981).

Международная премия короля Фейсала (1987).

Медаль Копли (1988).

Гиббсовская лекция (1991).

Медаль Бенджамина Франклина (1993).

Чернский приглашенный профессор (1996).

Шрёдингеровская лекция (Имперский колледж Лондона) (1997).

Эйлеровская лекция (2002).

Абелевская премия (2004, совместно с И. Зингером).

Кельвиновская лекция (2006).

Большая медаль Французской академии наук (2010).

Кавалер британского ордена Заслуг. В 1983 г. королевой Елизаветой II он был посвящён в рыцари.

Почётный иностранный член Американской академии искусств и наук (1969). Иностраный член Российской академии наук (1994), Академии наук Грузии (1996), Национальной академии наук США и Французской академии наук. С 2012 г. является действительным членом Американского математического общества.

Семир Зеки – профессор нейробиологии в Университетском колледже, Лондон; его главный интерес – организация визуального мозга приматов; первую научную работу опубликовал в 1967 г.; с тех пор написал более 150 статей и три книги: *Видение Мозга* (1993), *Внутреннее Видение: исследование искусства и мозга* (1999) (которая была переведена на шесть языков) и *La Quête de l'essentiel* (в соавторстве с покойным французским живописцем Balthus (граф Клоссовски де Рола)); в 1994 г. начал изучать нейрооснование творческого потенциала и эстетической оценки искусства; в 2001 г. основал Институт нейроэстетики, базируемый главным образом в Беркли, Калифорния.

Иероним Босх. Сад земных наслаждений. 1500–1510 гг.
Музей Прадо, Мадрид. Дерево, масло. 389,005 × 220 см

Иероним Босх. Страшный суд. 1504 г.
Академия изобразительных искусств, Вена. Дерево, масло. 163,7 × 247 см

Ерўн Антўнисон ван Ёкен (нидерл. Jeroen Anthoniszoon van Aken), более известный как Иеронїм Босх (около 1450–1516 гг.) – нидерландский потомственный художник, один из крупнейших мастеров периода Северного Возрождения. Из творчества художника сохранилось около десяти картин и двенадцати рисунков. Был посвящён в члены Братства Богоматери (нидерл. *Illustre Lieve Vrouwe Broederschap*; 1486); считается одним из самых загадочных живописцев в истории западного искусства. В родном городе Босха, голландском Хертогенбосе, открыт центр творчества Босха, в котором представлены копии всех его произведений.

Часть IV. ЭТНОГЕНЕЗ

Вселенский опыт говорит, что погибают царства не оттого, что тяжек быт или страшны мытарства. А погибают оттого (и тем больней, чем дольше), что люди царства своего не уважают больше.

Б.Ш. Окуджава

Лекция 23. ФИЛОСОФСКО-ИСТОРИЧЕСКИЙ И ЕСТЕСТВЕННО-НАУЧНЫЙ ПОДХОДЫ К ПРОБЛЕМЕ ЭТНОГЕНЕЗА

Философско-историческая концепция этногенеза (А. Тойнби)

«Постижение единства истории, то есть осмысление всеобщей истории как целостности, составляет порыв исторического знания, которое ищет свой собственный смысл». Эти слова К. Ясперса могут быть выбраны эпиграфом к заданной выше теме.

В теории исторической мысли издавна сложились две существенно разные концепции: культурно-историческая и всемирно-историческая. Первая концепция была впервые высказана еще Геродотом, который противопоставлял мир эллинских полисов (Европу) Персидской монархии (Азии). Правда, позже сюда пришлось добавить совершенно не похожие на Иран и Элладу Скифию и Эфиопию. Дальше список культурных регионов расширялся, пока вся ойкумена не оказалась распределенной на своеобразные культурно-исторические области. Вторая концепция объясняет историю как единый процесс прогрессивного развития, более или менее захвативший все регионы, населенные людьми. Эта концепция сформулирована значительно позже – в средние века, и базировалась на концепции «четырех империй»: Ассирийской, Персидской, Македонской и Римской. Впоследствии к ним присоединилась пятая – «Священная Римская империя германской нации». При такой интерпретации событий «прогрессом» считалось последовательное расширение территорий, охватываемых имперской властью. Если несомненным представителем первой концепции в XX веке можно считать О. Шпенглера («Закат Европы»), то с А. Тойнби дело обстоит не так просто.

Воззрения А. Тойнби знаменуют попытку примирения концепции локальных цивилизаций с идеей единства человеческой истории. Своеобразная ностальгия по «экуменическому» видению всемирной истории возникла у Тойнби не сразу. Если «ранний» Тойнби видел в национальном государстве основную единицу всемирной истории, а «средний» (спустя 10-20 лет) уже искал таковую в локальных цивилизациях, то «поздний» (спустя еще 40 лет) двигался от изучения высших религий к всеохватывающему, «экуменическому» взгляду на диалектику развития всего человечества. Попробуем кратко изложить взгляды Тойнби, сложившиеся в поздний период его творчества. Во-первых, как философ Тойнби свои взгляды базировал на учении К. Юнга о «коллективном бессознательном», во-вторых, на варианте «философии жизни», развитой А. Бергсоном. И, наконец, в-третьих, ядром его мировоззрения, обусловившего фактически программу его глобального понимания истории, является религиозный взгляд на универсум, который эволюционировал от ортодоксального (по своему существу) христианства к мистическому пантеизму эксхристианского толка. В построениях Тойнби мистический пантеизм, уходящий своими корнями в наследие мистического опыта Бергсона, достаточно мирно сосуществует с тезисом о крайней относительности представлений о судьбах истории.

Отправной точкой подхода Тойнби к проблеме смысла истории являются его антропологические взгляды. Появляется понятие о «вечном человеке», и в его родовой природе Тойнби пытался найти корни единства истории, и, что еще более важно, – магического пути ее развития, просматривающегося в многообразии локальных цивилизаций, тенденции к дезинтеграции сообщества всех людей планеты. Не углубляясь в существо вопроса, охарактеризуем отличительные черты этого «вечного человека». Первой чертой является сознание, включая сюда и самосознание. Способность к волеизъявлению – относительно реальности или иллюзии, – вторая духовная черта его природы. Третья – предрасположенность к различию добра и зла. Четвертый отличительный ингредиент – религия, и это, равно как и свобода выбора, есть духовная реакция на одно из открытий сознания. Тойнби философски обосновывает религиозное сознание, чтобы затем сделать его ферментом развития всемирной истории. Кроме того, в отличие от Шпенглера он сделал основной единицей деления исторического процесса не культуру, а цивилизацию.

В основу возникновения «цивилизаций» Тойнби ввел использование географического фактора. Вкратце концепция разделения общества на «примитивные» и «цивилизированные» сводится к следующему. Цивилизаций по Тойнби двадцать одна в шестнадцати регионах. Допускается, что на одной территории могли последовательно возникать 2–3 «сыновья» цивилизации. Таковы, например, Шумерская и Вавилонская цивилизации в Месопотамии, Минойская, Эллинская и ортодоксальная христианская на Балканском полуострове, древняя Индская и средневековая Индусская в Индостане. В особые цивилизации выделены ирландцы, скандинавы и центрально-азиатские несториане. Существуют своеобразные «задержанные» цивилизации, например, эскимосы и полинезийцы. Еще одна модель цивилизации была названа Тойнби «диаспорической» и связана с существованием народов, живущих среди других, но не теряющих своей самобытности, например, армяне, евреи, левантийцы.

Как же происходит развитие общества? Согласно Тойнби, оно осуществляется через *мимесис*, т.е. подражание. В примитивных обществах происходит подражание предкам, следовательно, такие общества статические. В «цивилизированных» обществах подражания удостаиваются творческие личности, следовательно, такие общества динамические. Таким образом, для развития (динамика) необходимо найти соответствующий фактор. Нахождение этого фактора и есть главная проблема истории. И вот здесь происходит введение географического фактора. Тойнби предлагает весьма своеобразное решение задачи. Он считает, что человек достигает цивилизации не вследствие какого-либо биологического дарования или легких условий географического окружения, а в ответ на своеобразный вызов, в ситуации некой особой трудности, воодушевляющей его на беспрецедентное до сих пор усилие. Указанные «вызовы» делятся на три сорта. Во-первых, это неблагоприятные природные условия. Во-вторых, нападение иноземцев, что тоже можно рассматривать как своеобразный географический фактор (частичная миграция). В-третьих, гниение предшествующих цивилизаций. С учетом координаты времени это тоже географический фактор.

Здесь следует привести замечания Л.Н. Гумилева по поводу «вызовов» и соответствующих им «ответов» («Этногенез и биосфера Земли»). Итак, неблагоприятные болота Нила – вызов для древних египтян; тропический лес Юкатана – вызов для майя; волны Эгейского моря – вызов для эллинов; леса и морозы – вызов для русских. По этой концепции английская культура должна бы быть порождением дождя и тумана, но Тойнби этого не утверждает. Нападение иноземцев–турок, и поэтому Австрия переиграла Баварию и Баден. Однако турки напали сначала на Болгарию, Сербию и Венгрию, но те ответили на вызов капитуляцией, т.е. пример говорит не в пользу концепции, а против нее. И последнее. Гниение эллино-римской цивилизации будто бы «вызвало» византийскую и

западноевропейскую цивилизации, но разврат Византии не уступал грекам и римлянам, а между тем падение Западной Римской империи произошло более чем за 300 лет до создания жизнеспособных феодальных королевств Западной Европы. Таким образом, если это «ответ», то очень уж запоздалый. И, наконец, самое важное, что с точки зрения Гумилева не решено Тойнби, а существенно запутано, – это соотношение человека с ландшафтом. Тезис, согласно которому суровая природа стимулирует человека к повышенной активности, с одной стороны, вариант географического детерминизма, а с другой – просто не верен. Так, если море, омывающее Грецию и Скандинавию, – «вызов», то почему греки дали на него ответ только в VII–VI вв. до н.э., а скандинавы только в IX–XII вв. н.э.? Мы прекрасно знаем, что в другие эпохи не было ни победоносных эллинов, ни грозных викингов, а были ловцы губок и селетки. Шумеры в свое время сделали из Междуречья Эдем, «отделяя воду от суши», а «неразумные» турки все так запустили, что там опять образовались болота и пустыня и не стали отвечать на «вызов» Тигра и Евфрата.

Следует также привести возражения Гумилева и по поводу географической классификации Тойнби. Действительно, по Тойнби в одну цивилизацию зачислены Византийская и Турецкая империи, причем не греки и албанцы, а османы объявлены «задержанными». В «Сирийскую цивилизацию» попали Иудейское царство, империя Ахеменидов и Халифат, а Шумер и Вавилон разделены на отцовскую и сыновью цивилизации. Очевидно, что с одной стороны, критерием служит единство территории, а с другой... – просто произвол. Эти примеры показывают, как легко скомпрометировать плодотворную научную идею с одной стороны слабой аргументацией, а с другой – неудачными применениями непродуманных принципов.

Далее, для Тойнби носителем «жизненного порыва» как универсальной движущей силы истории является элита общества (его «творческое меньшинство»). Элита противопоставляется пассивному большинству, которое она предназначена сплотить. При этом на ее долю выпадают постепенное обновление общественной жизни, реакция на нескончаемые «вызовы», призванная предотвратить застой и разложение. Критерием роста цивилизованности является прогресс по направлению к самодетерминации. Развитие той или иной цивилизации, безусловно, связано с возрастанием степени ее относительной независимости от внешнего природного и социального окружения, но это эмпирически фиксируемое обстоятельство само еще нуждается в научном объяснении применительно к различным общественным организациям. Тойнби же просто зафиксировал данный феномен и предложил его толкование в ключе мысли Бергсона.

По нашему мнению, значительной абстрактностью отмечен и анализ Тойнби причин надлома цивилизации. Время существования той или иной цивилизации по Тойнби нельзя заранее предопределить, равно как бесполезным занятием будет и вычисление запрограммированного пункта ее надлома. Отмежевываясь таким образом от шпенглеровского «догматизма», Тойнби хотел сказать, что он рисует лишь своеобразный «идеальный тип» стадий развития цивилизации, не приписывая ему конкретных характеристик и свойств необходимой реализации в ходе эволюции человечества.

Надлом цивилизации Тойнби связывал в первую очередь с утерей силы и самоуспокоенности у элиты, «творческого меньшинства» общества. Подобно тому, как творческий индивид, отравленный ядом «цивилизованной» самоуспокоенности, «почивает на лаврах» и забывает о необходимости идти вперед, элита теряет свою деятельную способность. Ее самоуспокоенность выражается в зачарованности продуктами собственной деятельности. Над творческой активностью торжествует слепое копирование прошлого, «мимесис», запечатлевающийся в «идолизации эфемерных институтов», непомерном превознесении техники, «интоксикации побед» и других феноменах. При этом влияние такого рода явлений, культивируемых элитой общества, губительно воздействует на большинство, которое не обладает творческой способностью. Итог надлома цивилизации,

его наивысшее выражение – утрата цивилизацией внутреннего единства и способности самоопределения. В итоге наступает финальная стадия развития цивилизации, характеризуемая процессом ее дезинтеграции, который может затянуться на длительное время, вне определенных границ. Здесь считает Тойнби действуют три силы: «творческое меньшинство», «внутренний пролетариат» и «внешний пролетариат». Под последним подразумеваются «варвары», связанные неким образом с данной цивилизацией и живущие за ее границами. Если первая движущая сила дезинтегрирующейся цивилизации создает некий базис ее сохранения, то две последние порождают тенденцию прямо противоположную, направленную на ее уничтожение. Далее Тойнби полагает, что этап дезинтеграции создает новые объединительные тенденции, факторы, способствующие распространению ее культуры, ее наследия на иные культурные миры. Это вытекает из необходимости существования непрерывной нити истории. Наивысший продукт дезинтегрирующейся цивилизации Тойнби видит в универсальной церкви, которой и отводится роль связующего звена в истории. Причем, даже универсальное государство, с его точки зрения, не обладает такой всеобъединяющей людей силой.

Проследив историческую тенденцию «ренессансов», имевших место как в Европе, так и на Востоке Тойнби констатирует объединительную тенденцию, запечатленную в их («ренессансов») феномене.

Во многом связывая объединительную тенденцию в культурно-исторической традиции с религиями, именуемыми «высшими», Тойнби к их числу относит следующие: зороастризм, иудаизм, буддизм, христианство и ислам. Особенно высоко оценена им роль трех последних мировых религий. В этом он отчасти прав, поскольку, разумеется, нельзя отрицать того фактора, что во многих случаях эти религии сыграли интегрирующую роль в истории человечества (впрочем не всегда бескровную). Конечно, Тойнби при этом прекрасно понимал и их значительное разъединительное начало, выразившееся в религиозных войнах и пр. Таким образом, он не столь наивен, чтобы не видеть негативного влияния религиозных противоречий в истории, однако ему представляется возможным с позиций собственного мировоззрения утверждать значимость именно позитивных сторон религии. Если Ясперс находил конечные основания творческой исторической активности людей в «философской вере», то Тойнби утверждал наличие некоего «абсолютного ядра» в каждой из «высших» религий, являющихся, с его точки зрения, началом единения культурной традиции. Очень интересно, что судьбы единения человечества в нашем столетии, как никогда ранее, обнаруживают, согласно Тойнби, свою зависимость от эволюции западной цивилизации. Он, пожалуй, первый, кто гениально предвидел, что в недрах западной цивилизации складывается могучее объединительное начало, способное вместе с мировыми религиями служить делу сплочения всего человечества, – технология, основанная на достижениях науки. Таким образом, Тойнби, не страшась парадокса, совместил в своих построениях утверждение о дезинтеграции, которую претерпевает западная цивилизация, и веру в возможность объединения человечества именно на ее основе. Представляет интерес здесь же отметить, что по теории Л.Н. Гумилева это может следовать, но совершенно из других соображений (инерционная фаза суперэтнуса). Положительно отвечая на вопрос о политическом объединении человечества, Тойнби не забывал добавить, что оно должно идти на федералистской основе, без посягательства на изменение социально-экономического строя существующих государств, (по Л.Н. Гумилеву, это невозможно никогда, в противном случае человечество должно представлять из себя единый гиперэтнос). В своих прогнозах будущего Тойнби всецело движим «экуменическим» видением истории, предполагающим финальное единение человечества. Это объединение должно свершиться на базе тойнбианской религии будущего. Таковая, по Тойнби, должна быть неминуемо пантеистической, служить слиянию человека с природой и искоренению «сциентистской веры». Он видел сходство этой новой

религии с синтоизмом и полагал, что необходимо расстаться с религией иудео-христианского монотеизма и постхристианской нетеистической верой в научный прогресс, который унаследовал от христианства веру в призвание человечества к эксплуатации остального универсума для удовлетворения собственной алчности.

Таким образом, если Шпенглер исходил в собственном варианте концепции локальных цивилизаций из отрицания смыслового единства истории, то Тойнби попытался достичь «экуменического», целостного ее видения, не отвергая идеи ее членения на множество отдельных независимых социальных организмов. Его внимание сконцентрировано на процессе «трансляции» культурно-исторического опыта в пространстве и во времени, коммуникации между отдельными локальными цивилизациями, задающем саму возможность общественного прогресса.

Завершая краткий экскурс исторического мировоззрения Тойнби, нельзя не коснуться двух, упомянутых выше, исторических подходов. Оба они – всемирно-исторический и культурно-исторический, имеют, безусловно, ряд достоинств, но и крупные недостатки. Так, всемирно-исторический не способен объяснить целый ряд частных фактов, а второй – определенные общие закономерности, без которых нет понимания частного. В итоге, в понимании истории человечества возникают неоправданные разрывы. Посмотрим как могут быть разрешены эти проблемы (общее – частное, частное – общее) в теории Л.Н. Гумилева, пожалуй, наиболее радикальной, и, что уж совершенно точно, наиболее увлекательной исторической теории XX века.

Естественно-научный подход к проблеме этногенеза (Л. Гумилев)

Приступая к обсуждению этногенеза, целесообразно вначале задать ряд вопросов, ответы на которые приблизят нас если не к разрешению, то по крайней мере к пониманию самой проблемы. Итак, задумывались ли вы о том, куда делись древние египтяне, древние эллины, древние римляне? Не могли же на самом деле немногочисленные орды готов и прочих варваров уничтожить население Апеннинского полуострова. Почему на ранних стадиях своей истории многие древние этносы проявляли воинственность, самопожертвование и т.п. «доблестные» черты, а в конце своей истории не могли противостоять даже немногочисленным ордам варваров?

Попробуйте дать определение этноса, в равной мере подходящее для всех этносов. Иными словами, чем определяется этническая принадлежность? Если языком, то это неверно. Канадцы говорят и на французском, и на английском, но первые не французы, а вторые не англичане, хотя страна и входит в Британское содружество. В Мексике, Боливии и других странах латинской Америки говорят на испанском, но жители этих стран отнюдь не испанцы, то есть язык как бы он ни был важен не подходит ни для идентификации, ни для самоидентификации, хотя бы потому, что есть люди глухонемые от рождения. Но глухонемой француз считает себя французом, а не немцем, и окружающие его граждане Франции считают его своим соплеменником. Если этническая принадлежность определяется «по крови», т.е. определяется, кем рожден человек, то это тоже в общем случае неверно. Существует хорошо известная вам ассимиляция, благодаря которой, например, князь Феликс Юсупов

(он же барон Эльстон, он же и боярин Сумароков) русский, а не татарин и не остзейский немец; князь Измайлов, написавший в конце XVIII века русскую «народную» песню «Во поле березонька стояла», естественно, тоже русский, как и последний российский император Николай II, не имевший практически русской крови. Примерам этим не счесть конца. Можно, конечно, задать еще ряд вопросов, на которые также будет дан отрицательный ответ. Можно привести примеры, когда для идентификации совершенно необходимо знание языка или вероисповедание или совершенно необходимо родиться от соответствующих родителей (индусом может быть только человек, рожденный от индусов) и т.д., но нам нужно такое определение, которое пригодно для всех этносов! Такое определение и было предложено Л.Н. Гумилевым (сын поэтов Николая Гумилева и Анны Горенко, известной вам как Анна Ахматова)

в рамках его теории этногенеза. Изложению этого грандиозного учения в популярном виде мы и перейдем, дабы ответить на серию заданных вопросов. Подробнее см., например, [19].

В рамках теории Л.Н. Гумилева *отличие* одного этноса от другого определяется не способом производства или культурой или уровнем образования, также как языка и происхождения, а *характером поведения* их членов – *стереотипом поведения, который усваивается, как правило, в первые годы жизни человека от ближайшего окружения*, а потом используется, как правило, всю жизнь бессознательно. То есть *в этносе*, в отличие от общества *работают* не социальные решения, а *ощущения и условные рефлексy*. Ясно, что такое определение объясняет принципиальную возможность изменить этническую принадлежность, и это не должно рассматриваться как «предательство» (под влиянием другой мощной культуры выработался новый условный рефлекс!). Это определение объясняет, например, русскую принадлежность многих представителей дворянства конца XVIII–начала XIX века, для которых родным языком с детства был французский, а русского языка они толком не знали и стали изучать из патриотических соображений во время войны 1812 г.

Заметим, однако, что ещё в 1968 году при общении с Н.В. Тимофеевым-Ресовским Гумилёв не смог дать чёткого определения этноса, фактически повторив определение С.М. Широкогорова, введшего его в русскую науку.

В основе гипотетической теории этногенеза Л.Н. Гумилева лежит понятие *пассионарной энергии* (как и чем ее измерять – неизвестно).

Пассионарность Л.Н. Гумилев определял так: «активность, проявляющаяся в стремлении индивида к цели (часто иллюзорной) и в способности к сверхнапряжениям и жертвенности ради этой цели». Пассионарность описывалась Гумилёвым на множестве ярких исторических примеров, в частности Наполеона, Суллы, Жанны д'Арк, Александра Македонского, Ганнибала, даже Сталина. Их деятельность невозможно объяснить рациональными, то есть корыстными мотивами. Гумилёв *не утверждал*, что процесс этногенеза зависит единственно от пассионарности, включая и другие факторы: этническое окружение, географическая среда, уровень социально-экономического развития и технической оснащённости и т.д. Наибольшую роль, однако, играет явление, названное Гумилёвым «*пассионарным напряжением*»: количество пассионариев в этносе, соотношение пассионариев с обывателями и субпассионариями.

Новизна *пассионарной теории* этногенеза, предложенной Л.Н. Гумилевым в 70-е годы XX в., заключается в следующем. Поведение каждого человека и каждого этноса определяется способом адаптации к своей географической среде и своему этническому окружению. Для того, чтобы из толерантных (это та самая симметрия до самоорганизации) ко всему людям создать этнос (частичная потеря симметрии), нужна какая-то энергия. Таким образом, теория впервые связала существование этносов как коллектива людей со способностью отдельных индивидуумов как организмов «поглощать» (это, естественно, тоже гипотеза Гумилева) биохимическую энергию живого вещества биосферы, открытую В.И. Вернадским. Далее, способности разных людей поглощать эту энергию различны, и проще всего классифицировать всех людей по этому признаку на три типа.

Гармоничные люди потребляют эту энергию в количестве достаточном, чтобы удовлетворить потребности, диктуемые инстинктом самосохранения. Эти люди работают, чтобы жить без «заморочек», и никаких иных «сверхпотребностей» у них не возникает.

Пассионарии обладают избытком этой энергии. Они живут, чтобы работать ради своей идеальной цели, при этом стремятся не приспособиться к окружающей действительности и обстоятельствам, а по возможности изменить их «под себя», по своему усмотрению, исходя из своих «сверхпотребностей».

Субпассионарии обладают этой энергией в недостаточном количестве для обычной обывательской жизни. Они живут так, чтобы по возможности не работать (или работать как можно меньше), при этом стремятся максимально приспособиться к окружающей

действительности и обстоятельствам, не меняя их (на это у них нет энергии), чтобы потреблять некие блага за счет других людей.

Не стоит думать, что хороши гармоничные люди или пассионарии, а субпассионарии плохие. Плохие и хорошие – это в определенном смысле условность. Типичные пассионарии: Жанна д'Арк (хороша для французов, но плоха для англичан), Петр I, А.В. Суворов, Наполеон, В.И. Ленин, А. Гитлер и др. Плохие они или хорошие? Все зависит от того, кто и как на деятельность этих людей смотрит. Субпассионарии: очень многие политики, пережившие различные режимы, или максимально приспособившиеся в конкретных обстоятельствах так, что одержали верх над пассионариями, например, Ж. Фуше. Пассионарии многие ученые и представители искусства. Хорошие они или плохие? Ясно, что в такой постановке вопрос касательно нашей темы просто некорректен. Пойдем по теории пассионарности далее.

Л.Н. Гумилев считал (это тоже его гипотеза), что время от времени (примерно два-три раза за тысячу лет) Земля «чем-то» облучается. Зоны облучения (зоны пассионарных толчков) – это узкие полосы шириной около 300 км при широтном направлении и примерно 0,5 длины окружности планеты при меридианальном. Эти полосы почти никогда не проходят по одному и тому же месту. Всего, считает Л.Н. Гумилев, наблюдалось девять основных толчков: 1-й в XVIII веке до н.э., а 9-й – в XIII веке н.э. Каждый пассионарный толчок порождает новый этнос. Заметим здесь же, что именно к последнему толчку относится появление «молодых» этносов: эфиопов, турок-османов, литовцев и русских (великороссов). При пассионарном толчке, из-за мутации от облучения части населения, через какое-то время количество пассионариев начинает увеличиваться, по сравнению с их количеством в норме. Это и есть начало этногенеза. Далее просто комментируем рисунок.

Вначале пассионарность устойчиво растет – это *фаза пассионарного подъема*, структура этнической системы постоянно усложняется и из разрозненных субэтносов возникает единый этнос.

Затем пассионарность достигает максимума, и наступает *акматическая фаза*. В ней создается единый этнический мир – суперэтнос, состоящий из отдельных этносов, близких друг к другу по поведению и культуре. Все последующее связано с обратным процессом – разрушение суперэтноса вследствие спада пассионарности.

Изменение пассионарности суперэтнической системы и фазы этногенеза

Резкий спад пассионарности после акматической фазы — *фаза надлома*, характерен различными внутренними конфликтами, гражданскими войнами и т.д. В различных этносах это что-то свое, но причина одна и та же. Во Франции войны католиков с гугенотами, в России — классовая борьба и т.д.

В процессе конфликтов пассионариев становится все меньше с каждым поколением и суперэтнос (если выживает), потеряв часть своих этносов, входит в *инерционную фазу*. В этой фазе пассионарность спадает медленно и плавно, люди живут «без заморочек», создают благоустроенные государства, наслаждаются материальными и культурными благами. Именно в этой фазе находятся этносы Западной Европы и США в настоящее время.

Если, однако, пассионарность падает еще ниже, — наступает деструктивная *фаза обскурации*, когда обманчивое благополучие гибнет от рук собственных субпассионариев.

Этнос либо исчезает, либо может перейти временно в короткую *фазу регенерации*, а затем либо исчезает полностью, утратив свою самобытность (люди при этом никуда не пропадают, как, где жили, так и живут), либо остается в виде *реликта* — осколка некогда бушевавших страстей.

Пользуясь физической аналогией, мы можем сказать, что этнос — это своеобразная молекула (пока он существует), проходящая в процессе своей жизни различные фазовые состояния (как, например, H_2O — жидкость, лед, пар). Смерть этноса — разрушение молекулы на отдельные атомы (люди), которые со временем (конечно, не они, а их потомки) могут либо включиться в другое этническое образование, либо создать новое. Все перечисленные фазы этногенеза и фазовые переходы проходит любой этнос, хотя и по-разному. Кроме того, на любой стадии процесс этногенеза может быть насильственно прерван в результате гибели большого количества людей, например, из-за эпидемии или агрессии иноплеменников.

Каждая фаза этногенеза характеризуется различным стереотипом поведения, последовательно переходя от поиска удачи с риском для жизни с идеалом честолюбия, стремления к идеалу победы вплоть до жертвенности в акматической фазе. В акматической фазе создаются легенды: Муций Сцеволла, Жанна д'Арк, Иван Сусанин и т.д. — неважно при этом, что было на самом деле. Этнос проходит через стремление к идеалу успеха и честолюбия к появлению постепенно вместо них тщеславия, стремление к идеалу знания,

красоты в фазе надлома. От стремления к благоустройству без риска для жизни в начале инерционной фазы до стереотипа тихого обывателя в конце этой фазы. Для фазы обскурации характерны: неспособность регулировать вожделения и даже неспособность удовлетворять вожделения, а первенствует тщеславие, возведенное почти в закон. Вспомните, как в конце своей истории древние римляне сами себе при жизни ставили памятники и принимали восхваления от своих клиентов, зная прекрасно, что те лгут.

Теперь должно быть понятно, что этнос в конце своей жизни просто не может сопротивляться не только завоевателям, но даже своим собственным вожделениям. Род человеческий должен быть бессмертен, а этнос, как и человек, смертен.

При изучении теории Л.Н. Гумилева возникает с неизбежностью вопрос: откуда такое разнообразие ныне существующих этносов (притом, только часть из них реликты), не вписавшихся в схему девяти пассионарных толчков? Здесь, нам кажется, возможно следующее объяснение. Как мы видели, образование этноса, т.е. появление у группы людей (ранее ко всему толерантных) своей этнической доминанты – это фактически изменение (уменьшение) полной симметрии. Если считать, что это произошло в открытой системе (а это на самом деле так) и при прочих необходимых для самоорганизации условиях, то ответ очевиден. Процесс этногенеза, помимо гипотетической теории Л.Н. Гумилева, может быть объяснен еще и самоорганизацией.

Арнольд Джозеф Тойнби (14.04.1889 – 22.10.1975) – британский историк, философ истории, культуролог и социолог, профессор, исследовавший международную историю в Лондонской школе экономики и в Лондонском университете. Также является автором многочисленных книг. Исследователь процессов глобализации, критик концепции европоцентризма. В 1943 г. глава исследовательского отдела МИД в Лондоне, который занимался вопросами послевоенного устройства мира.

Наибольшую известность ему принёс его 12-томный труд «Постижение истории». Автор многих работ, статей, выступлений и презентаций, а также 67 книг, переведённых на многие языки мира.

Лев Николаевич Гумилёв (18.09 (01.10) 1912 – 15.06.1992) – советский историк-этнолог, археолог, востоковед, писатель, переводчик.

Сын известных поэтов – Анны Ахматовой и Николая Гумилёва.

В 1961 г. защитил диссертацию на соискание степени доктора исторических наук, в 1974 г. защитил вторую докторскую диссертацию – по географии, но степень не была утверждена ВАК.

Четырежды был арестован, причём в первый раз – в декабре 1933 г. – через 9 дней отпущен без предъявления обвинения. В 1935 г. подвергся второму аресту, но благодаря заступничеству многих деятелей литературы был отпущен на свободу и восстановлен в университете. В 1938 г. подвергся третьему аресту и получил пять лет лагерей, наказание отбывал в Норильске. В 1944 г. добровольцем вступил в ряды Красной армии, участвовал в Берлинской операции. После демобилизации окончил экстерном исторический факультет, в 1948 г. защитил диссертацию на соискание степени кандидата исторических наук. В 1949 г.

вновь был арестован, обвинения были заимствованы из следственного дела 1935 г.; был осуждён на 10 лет лагерей, наказание отбывал в Казахстане, на Алтае и в Сибири.

В поисках причины пассионарных толчков Лев Николаевич обратился к биологической составляющей человеческой природы. Позднее он откровенно признавался, что любая комбинация факторов не даёт возможности построить гипотезу, то есть непротиворечивое объяснение всех известных в данное время факторов этногенеза. Налаживать контакты с биологами он начал ещё в ноябре 1965 г. и общался как минимум с тремя биологами – зав. кафедрой генетики ЛГУ М.Е. Лобашёвым, зам. директора Института биологии внутренних вод Б.С. Кузиным и Н.В. Тимофеевым-Ресовским – тогда зав. отделом радиобиологии и экспериментальной генетики Института медицинской радиологии в Обнинске. С Тимофеевым-Ресовским Гумилёв познакомился в 1967 г., и Николай Владимирович согласился сотрудничать. Для Гумилёва было важно мнение именно генетика-биолога, специалиста в области популяционной и эволюционной биологии. Летом Гумилёв каждый выходной уезжал в Обнинск, Тимофеев-Ресовский дважды побывал у Гумилёвых на Московском проспекте.

В личностном отношении между ними было много общего. Тимофеев-Ресовский, его ученик Н.В. Глотов и Л.Н. Гумилёв стали готовить в 1968 г. большую статью для журнала «Природа» с изложением теории этногенеза, в которой биологи отвечали за популяционно-генетические основы теории. Но вскоре между ними начался конфликт, который объяснялся нежеланием Гумилёва отказываться от эстетически совершенных идей, если они не подтверждались фактами. Результатом стало то, что Тимофеев-Ресовский, который не терпел научно не обоснованных концепций, тем более – противоречащих научным представлениям, оскорбил Гумилёва, обзвав его «сумасшедшим параноиком, обуреваемым навязчивой идеей доказать существование пассионарности». Гумилёв его так и не простил, хотя Тимофеев-Ресовский извинялся. Лев Николаевич в ответ прислал большое письмо, снабжённое двумя таблицами, в которых демонстрировались разногласия между ним и биологами. Н.В. Глотов, отвечавший на письмо Гумилёва, заметил: «По крайней мере половину содержащихся в ней вопросов просто нельзя даже ставить».

Часть V. ЗАКОНЫ ПРИРОДЫ КАК ОБЪЕКТ СОВРЕМЕННОЙ НАУКИ И КАК ЭСТЕТИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ

И случай, Бог изобретатель.

А.С. Пушкин

Лекция 24. ПАНОРАМА «СУЩЕСТВОВАНИЯ» A VOL D'OISEAU (С ВЫСОТЫ ПТИЧЬЕГО ПОЛЕТА). ПРОБЛЕМА ЭВОЛЮЦИИ НАУКИ. ИНФОРМАЦИОННЫЕ НОСИТЕЛИ СОЦИАЛЬНОЙ ЭВОЛЮЦИИ. ПАРАДИГМА ЕСТЕСТВЕННОЙ И ГУМАНИТАРНОЙ КУЛЬТУР

Проблема «существования»

Настало время подводить итоги [24]. Теперь мы можем посмотреть на проблему «существования» «с высоты птичьего полета», т.е. как работают три основных закона (далее для сокращения: закон сохранения – 1, возрастания энтропии – 2 и универсальный критерий эволюции – 3) в живой природе.

Пусть в результате какого-то «катастрофического», но благоприятного для нас события возникла живая субстанция. Согласно закону 1, она должна сохраняться, но есть и закон «смерти» 2, и он должен быть уравновешен законом 1. Для живой субстанции движущая сила ее существования уже не только поступающая извне энергия, но и недостаток питания. Значит, для достижения большей устойчивости организмов, стремящихся к сохранению гомеостаза, требуется достижение нового уровня экономии энергии. Следовательно, включается в работу закон 3, который требует усложнения системы за счет понижения симметрии, то есть возникновения в ней подсистем: нервных клеток, мозга и т.д. В результате отдельные организмы, а потом и популяция переходят на качественно более сложную ступень развития, экономии энергии и, следовательно, «жизнестойкости». Со временем возникает способность адекватно ориентироваться в определенных ситуациях; возникает память, и далее закон 3 заставляет эволюционировать уже эти способности. В результате появляется возможность перехода от простейших рефлексов к более сложным видам психической деятельности и в конечном итоге к разуму. В определенный момент эволюции живого возникает, наконец, *homo sapiens*. Академик Н.Н. Моисеев [4] считал, что возникновение человека не случайно, а предопределено всем предшествующим развитием живой субстанции. С этим, по нашему мнению, пока сложно согласиться, так как никакого закона, требующего появления разума, мы пока не знаем. Человек за время своего существования (если мы возьмем известный нам исторический период 6000 лет) не столько совершенствуется сам (совершенствование происходит только в морально-этическом плане), сколько творит техносферу, развитие которой также подчинено закону 3. Действительно, человек сначала изобретает простейшие механизмы с малым КПД, потом машины с все большим и большим КПД, попутно совершается переход от примитивно затратных к ресурсосберегающим технологиям и т.д. Кроме того, в определенные, «сильно неравновесные» моменты истории разобщенным индивидуумам энергетически более выгодно перейти в особое «когерентное» состояние, т.е. возникает этнос, который развивается, живет и, подчиняясь закону 2, умирает.

Под этим же углом зрения может быть рассмотрена и проблема экологии. Например, неверные действия одного, нескольких или сообщества индивидуумов увеличивают энтропию системы. В итоге снижается жизнестойкость всей системы. Если при этом в значительной мере нарушается обратная связь, способствующая, согласно закону 1, сохранению экосистемы, то в качестве расплаты происходит экологическая катастрофа.

Таким образом, вы видите, что адекватное восприятие перечисленных трех законов должно способствовать развитию экологической морали.

Аддитивные и неаддитивные величины

Теперь остановимся еще на одном частном примере, посредством которого мы хотим внушить вам весьма общую идею. В лекции 9 было сказано, что распределение Максвелла с математической точки зрения описывает так называемый нормальный закон распределения случайных величин – закон Гаусса ($W(x) \sim \exp(-\alpha x^2)$). Этот закон наиболее часто реализуется в различных системах. Причина этого в следующем. В теории вероятности есть замечательная теорема, так называемая центральная предельная теорема А.М. Ляпунова. Смысл ее в формулировке для «домохозяек» примерно такой. Если значения, которые принимает случайная величина, зависят от большого числа различных факторов, каждый из которых в отдельности мало влияет на эту величину, то рассматриваемая случайная величина подчиняется нормальному закону распределения Гаусса. Этот закон интересен нам по следующей причине.

Обычно для характеристики отклонения величины f от ее среднего значения $\langle f \rangle$ используют понятие дисперсии – среднее квадратичное отклонение от равновесного среднего: $D = \langle (f - \langle f \rangle)^2 \rangle$. Далее, если мы говорим о каких-то величинах, имеющих случайные значения, то их можно классифицировать либо как аддитивные (зависящие от числа частиц в системе), либо как неаддитивные (не зависящие от числа частиц в системе). На примере физической системы вы легко поймете, что энергия, объем – это аддитивные параметры, а давление, температура – неаддитивные. Так вот, для нормального закона К. Гаусса оказывается, что дисперсия аддитивных величин пропорциональна числу частиц в системе, т.е. $D_{ad} \sim N$; а дисперсия неаддитивных величин обратно пропорциональна числу частиц в системе, т.е. $D_{nonad} \sim 1/N$.

Вот теперь можно, наконец, объяснить, для чего все это было нужно вам рассказывать. Разум, интеллект, квалификация и прочие профессиональные навыки и способности, также как и талант – величины неаддитивные. Глупость, неумение что-либо делать и т.п. – величины существенно аддитивные. Вот поэтому принципиально новые идеи рождаются всегда в голове одного человека, творчество только индивидуально, а коллективное творчество не что иное как простая совокупность результата работы отдельных индивидуумов и не может содержать ничего революционно нового. Вот поэтому бесплодны были все попытки собрать вместе много талантливых ученых, поэтов и т.д. и ожидать, что совокупно они что-то гениальное сотворят. Гениальность – это отклонение от среднего неаддитивной величины, а дисперсия, т.е. то самое отклонение, тем меньше, чем больше людей вы соберете. Именно поэтому новые идеи рождаются именно в маленьких коллективах, стихи, картины, музыку и романы пишут не коллективом.

Вот поэтому так опасно коллективное мнение дилетантов, коллективное мнение глупцов. Вот поэтому так опасна толпа, ибо агрессивность – аддитивная величина. Но! Как же быть с демократией, парламентом и т.п. социальными институтами, где заведомо должно быть коллективное мнение, предотвращающее самовластие, диктатуру и возможное самодурство одного человека? А никак! Вспомните слова У. Черчилля, о том, что «демократия – очень плохой способ управления, но, к сожалению, ничего лучшего пока не придумано». Очень хотелось, чтобы вы в своей дальнейшей жизни (безотносительно к тому, кем вы станете) всегда помнили об этом свойстве аддитивных и неаддитивных величин.

Эволюция науки

Поговорим теперь об эволюции самой науки. Конечно, следовало бы вначале рассказать о философии науки вообще, т.е. кратко коснуться истории позитивизма «с высоты птичьего полета» от О. Конта до П. Фейерабенда. Обязательно надо было бы поговорить о постпозитивизме К. Поппера, о теории парадигм Т. Куна и эпистемах М. Фуко, но, к сожалению, ограниченность нашего курса не позволяет это сделать. Поэтому будем (по умолчанию!) считать, что указанные вопросы включены вам в курс философии, а для краткого ознакомления отсылаем вас к последней части нашей книги «Концепции современного естествознания» [1], где этот раздел написан доктором философских наук, профессором Е.Н. Ивахненко.

Нижеследующий материал представляет сокращенный и несколько адаптированный вариант фрагмента статьи выдающегося физика современности Ю. Неемана «Счастливым случай, наука и общество. Эволюционный подход», опубликованной в международном философском журнале «Путь» в 1993 г. [20].

В эволюционной теории познания К. Поппер и Д. Кемпбелл сформулировали своеобразную неodarвинистскую схему, описывающую, как эволюционирует наука. Вкладом самого К. Поппера в философию науки была его идея **фальсификации**: ни одна теория не может называться теорией, если ее нельзя проверить экспериментально и если она не оказывается ложной в некоторых своих предсказаниях. Кроме того, согласно К. Попперу, прогресс в науке идет именно через процесс фальсификации: теория, не выдержавшая проверки, заменяется на более совершенную, с более широкой областью истинности. Таким образом, развитие науки является эволюционным процессом, и фальсификация уже дает нам необходимый **механизм отбора**. Осталось найти еще **механизм случайной мутации**. Для его нахождения К. Поппер и Д. Кемпбелл ввели **гипотезу слепой вариации**, согласно которой новые идеи в науке рождаются независимо от той проблемы, для решения которой они существуют. В предшествующих разделах мы уже обсуждали, что логически невозможно правильно вывести эмпирические обобщения или теорию только из данных наблюдений. Нет также и универсального метода, позволяющего найти «истинную» теорию, не занимаясь ее проверкой. К. Поппер и Д. Кемпбелл сделали отсюда вывод, что ни для одной теории не существует априорного оправдания, и поэтому построение теории есть не что иное, как **угадывание**, то есть **случайная операция**. Д. Кемпбелл даже называет новые научные виды неоправданными вариациями – случайными операциями проверенных теорий.

На первый взгляд, теория Поппера – Кемпбелла напрашивается на суровую критику. Действительно, если наука обязана своим прогрессом слепому угадыванию, то зачем «учить науке», для чего ученым придерживаться исследовательских программ? Существует ли тогда вообще научная методология? Не пойти ли вслед за П. Фейерабендом и считать, что «все сгодится»? Да и вообще – произвела бы серия подобных операций сколько-нибудь заслуживающие внимания научные результаты? Дабы снять эти вопросы Ю. Неэман и Л.В. Канторович предложили более тонко структурированную **теорию мутационного механизма науки**.

Их первый тезис состоит в том, что **ключевую роль** в этом мутационном механизме **играет везение**. Именно этот феномен стоит за главными достижениями в науке, будь то в теории или в открытии новых явлений, или в постановке новых проблем, которыми впоследствии начинают заниматься исследователи.

Вторая важная модификация теории Поппера – Кемпбелла – второй тезис состоит в том, что его **надо применять**, если говорить в самых общих чертах, к **революционной стадии науки**. В этих революционных стадиях ярко выражена стохастическая компонента, то есть очевидный эффект случайности. Иногда поразительные результаты, полученные «случайно», делают такой стохастической компонентой самого ученого.

Третий тезис версии Немана – Канторовича следующий: **мутирует** не статическая структура науки, а **динамический исследовательский механизм**. То есть для этого должна существовать постоянно действующая программа – **поиск «А»**. Такой поиск должен постоянно вестись, чтобы иметь какие-то результаты. Если ученый не будет все время настороже, с ним никогда не приключится ничего странного – никакой мутации, никаких везений, никаких **случайных открытий «В»**. Вспомним, что для фиксации генетической мутации в ДНК необходим процесс репродукции, в который, в свою очередь, также может вкратиться ошибка. «Нормальная» наука или, точнее, преднамеренный и запрограммированный процесс исследования, который обычно направлен на дальнейшую разработку уже полученных результатов, и составляет ту естественную основу, где может произойти (и происходит) мутационная ошибка.

В примерах, которые мы приводили в нашем курсе, было фактически несколько «траекторий» открытия: поисковое исследование – то есть исследование, не являющееся поиском чего-то конкретного, но все же остающимся поиском и открытием «**В**»; поиск «**А**» и открытие «**В**» в качестве побочного продукта; поиск «**А**» и открытие вместо этого «**В**». В некоторых случаях «**В**» – это «**А**», но по совершенно неожиданным причинам.

Новые области науки особенно богаты открытиями, в основе которых лежит везение. Исходная база данных тут, как правило, ограничена, а теоретических знаний, с которыми надо согласовывать неожиданные результаты, меньше, чем у старых теорий, Поэтому мутации –

везения в новых науках, – это эпистемологические проявления феномена, хорошо известного в биологической эволюции и описываемого моделью «*пунктирной*» эволюции Н. Элдриджа и С.Дж. Гулда. Эти исследователи обнаружили, что эволюция происходит гораздо быстрее в небольших изолированных популяциях. Причины: шансы мутантов на встречу и размножение в таких популяциях выше, а степень вмешательства со стороны части популяции, не подвергшейся мутации, ниже.

Это согласуется и с нашим тезисом, что открытие происходит через *случайность* – *флуктуацию* в малых научных коллективах, поскольку интеллект – неаддитивная функция. Тогда новое качество в сложной системе возникает через флуктуацию и их разрастание в процессе самоорганизации.

Информационные носители социальной эволюции

Остановимся еще на одном важном моменте. *Наука + технологии – это и есть информационные носители социальной эволюции.*

Человек за свое существование, судя по всему, не претерпел существенных генетических изменений (пока!), тем не менее он значительно эволюционировал, самоорганизуясь в сообщества. Наверное, стоит выделить относительно стабильные уровни или эпохи социальной эволюции, определяемые технологиями. Переход от палеолита к мезолиту и неолиту следует за эволюцией технологии каменных орудий. Далее, открытие меди (эпоха хальколита), затем эпоха бронзы и железа. В настоящее время мы, судя по всему, живем уже в век информационных технологий.

Весьма примечательно, что примерно до конца XVII века технологии, являясь следствием накопленного опыта, не следовали за научными достижениями, а начиная с XVIII века, новые технологии все более и более являются следствием научного прогресса. Появление же новых технологий непосредственно сказывается на социальной эволюции человечества. Таким образом, сначала одни *технологии*, а потом и *наука + технологии* являются своеобразной ДНК (информационным носителем) социальной эволюции, в которой роль мутаций играют научные и технологические открытия.

Парадигма естественной и гуманитарной культур

И последнее. До недавнего времени считалось, что полнота познания и необходимая для этого способность к интуитивному суждению – это фундаментальное условие существования *homo sapiens*. Однако, развитие искусственного интеллекта и особенно самообучающихся систем показывает, что в будущем человечество будет использовать компьютеры не только как инструменты, усиливающие возможности логического мышления, но также и интуитивного. Важно, что с компьютеризацией нашей жизни необходимость мышления для человека только возрастает. Наоборот, поскольку логические, дискурсивные операции все более передаются ЭВМ, степень внелогической, интуитивной деятельности увеличивается. В итоге, в процессе логического, дискурсивного научного творчества должны все в большей степени проявляться приемы, свойственные процессу художественного творчества, а значит, и приемы научной работы в гуманитарных науках. Этим и определяется *парадигма естественной и гуманитарной культур*, возникающая вследствие интеллектуальной революции конца XX века, освобождающей умственную деятельность от стандартизированного рутинного труда.

На примере проблемы этногенеза продемонстрировано проникновение естественно-научного подхода в одну из гуманитарных наук. Можно было бы привести и другие примеры. Сейчас, однако, нас интересует другое. Возникает вопрос: возможен ли обратный процесс, т.е. проникновение методов гуманитарных наук в естественные, или еще жестче – проникновение своеобразного метода познания, свойственного в основном художественному творчеству, в естественные науки?

Таким образом, по существу ставится вопрос об относительной роли в постижении истины, в нашей деятельности рациональным, логическим способом, с одной стороны, и интуитивным, внелогическим, – с другой; и можно ли вообще полагать, что дальнейшее познание мира все более будет сводиться к рациональному, логическому и в будущем ими одними и определяться. Тогда возникает вопрос о роли интуитивного суждения в постижении мира.

«Истина есть интуиция. Истина есть дискурсия. Или проще: истина есть интуиция – дискурсия» (О.П. Флореский).

На этом мы заканчиваем наши лекции по «Современной естественно-научной картине мира». Помните, что:

Знание смиряет великого, удивляет обыкновенного
и раздувает маленького человека.

Л.Н. Толстой

There are more things in heaven
and earth, Horatio, than are dreamt
of in your philosophy...

Shakespear, «Hamlet»

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В начале XX века В.И. Вернадский гениально увидел логику в совместной эволюции общества и природы, показав, что появляющаяся в процессе самоорганизации неживой материи живая биота охватывает со временем всю Землю и начинает оказывать влияние не только на поверхности Земли, но и в атмосфере.

Человечество как часть биосферы оказывает на природу все более возрастающее воздействие. Это не только дает ему огромные возможности, но и накладывает ответственность как за судьбу биосферы и природы в целом, так и за судьбу своей цивилизации.

Наше будущее зависит от того, сумеем ли мы создать ноосферу – так по Вернадскому называется система симбиоза человечества и остальной природы, обеспечивающая их взаимодействие и способ существования.

Создание ноосферы невозможно без разрешения двух глобальных проблем XXI века. Прежде всего, это ожидающийся демографический взрыв с последующим этногенезом. Во-вторых, это надвигающийся экологический кризис, самый опасный аспект которого – усиливающийся парниковый эффект. Последствия этого эффекта опасны для человечества по следующим причинам. При повышении температуры из-за таяния полярных льдов уровень мирового океана может подняться от 50 до 350 см. При этом затопленными окажутся прибрежные территории, где живет до 70 % всего населения. Это исключит из севооборота самые плодородные земли в дельтах Великих рек. Вторая причина: если количество парниковообразующих газов удвоится (что возможно к 2030–2050 гг.), то дальнейшее повышение температуры у поверхности Земли будет происходить с темпом роста от 5 до 15 раз по сравнению с амплитудой колебаний в прошлые исторические эпохи. Отсюда следствие – вся биота должна будет адаптироваться к этим новым условиям, причем беспрецедентно быстрыми темпами. Какие виды могут выдерживать такую адаптацию и что в результате ее получится – не ясно. Неясно также и то, какая будет новая биосфера, и каково в ней будет выжившим адаптированным людям?

Весь этот комплекс проблем придется решать мировому сообществу уже сейчас либо в ближайшие годы, ибо ситуация подошла уже к тому рубежу, за которым начинаются необратимые экологические процессы – катастрофы.

Понимание значимости поставленных вопросов и их решение невозможно без знания основных принципов естествознания и основных концепций развития современной науки.

«Поток времени в своем неудержимом и вечном течении влечет за собою все сущее. Он ввергает в пучину забвения как незначительные события, так и великие, достойные памяти; туманное, как говорится в трагедии, он делает явным, а очевидное скрывает. Однако историческое повествование служит надежной защитой от потока времени и как бы сдерживает его неудержимое течение; оно вбирает в себя то, о чем сохранилась память, и не дает этому погибнуть в глубинах забвения». Эта мысль, запечатленная византийской

принцессой Анной Комнин в «Алексиаде» (XII век), стимулировала авторов при написании данного «исторического повествования».

ПОСТСКРИПТУМ

В процессе написания этого труда случилось печальное событие. Не стало Великого русского ученого мирового масштаба академика Андрея Анатольевича Зализняка (1935–2017). В связи с этим нам представляется важным привести текст его замечательного выступления «Истина существует, и целью науки является ее поиск» на церемонии вручения ему литературной премии Александра Солженицына.

Андрей Анатольевич Зализняк (29.04.1935. – 24.12.2017) – советский и российский лингвист, академик Российской академии наук по Отделению литературы и языка (1997), доктор филологических наук (1965, при защите кандидатской диссертации). Лауреат Государственной премии России 2007 года. Награждён Большой золотой медалью имени М.В. Ломоносова РАН (2007). Известен своими работами в области русского словообразования и акцентологии. Исследователь новгородских берестяных грамот и «Слова о полку Игореве». Один из основателей Московской школы компаративистики [10].

Я благодарю Александра Исаевича Солженицына и всё жюри за великую честь, которой я удостоен.

В то же время не могу не признаться, что эта награда вызывает у меня не одни только приятные чувства, но и большое смущение. А после того, что я сегодня наслушался, я несколько подавлен.

В моей жизни получилось так, что моя самая прочная и долговременная дружеская компания сложилась в школе – и с тех пор те, кто еще жив, дружески встречаются несколько раз в год вот уже больше полувека. И вот теперь мне ясно, насколько едины мы были в своем внутреннем убеждении (настолько для нас очевидном, что мы сами его не формулировали и не обсуждали), что высокие чины и почести – это нечто несовместимое с нашими юношескими идеалами, нашим самоуважением и уважением друг к другу.

Разумеется, эпоха была виновата в том, что у нас сложилось ясное сознание: вознесенные к официальной славе – все или почти – получили ее кривыми путями и не по заслугам. Мы понимали так: если лауреат Сталинской премии, то почти, наверное, угодливая бездарность; если академик, то нужны какие-то совершенно исключительные свидетельства, чтобы поверить, что не дутая величина и не проходимец. В нас это сидело крепко и в сущности сидит до сих пор. Поэтому никакие звания и почести не могут нам приносить того беспримесного счастья, о котором щебечут в таких случаях нынешние средства массовой информации. Если нам их все-таки по каким-то причинам дают, нам их носить неловко.

«Устарело! – говорят нам. – Теперь уже всё по-другому, теперь есть возможность награждать достойных». Хотелось бы верить. И есть уже, конечно, немало случаев, когда

это, несомненно, так. Но чтобы уже отжил и исчез сам фундаментальный принцип, свидетельств как-то еще маловато...

А между тем наше восприятие российского мира не было пессимистическим. Мы ощущали так: наряду с насквозь фальшивой официальной иерархией существует подпольный гамбургский счет. Существуют гонимые художники, которые, конечно, лучше официальных. Существует – в самиздате – настоящая литература, которая, конечно, выше публикуемой. Существуют не получающие никакого официального признания замечательные ученые. И для того, чтобы что-то заслужить по гамбургскому счету нужен только истинный талант, угодливости и пронырства не требуется.

Разумеется, материальные успехи определялись официальной иерархией, а не подпольной. Но мы же в соответствии с духом эпохи смотрели свысока на материальную сторону жизни. Западная формула: «Если ты умный, почему же ты бедный?» – была для нас очевидным свидетельством убогости такого типа мышления.

Ныне нам приходится расставаться с этим советским идеализмом. Для молодого поколения большой проблемы тут нет. Западная формула уже не кажется им убогой. Но нашему поколению полностью уже не перестроиться.

Мне хотелось бы сказать также несколько слов о моей упоминавшейся здесь книге про «Слово о полку Игореве». Мне иногда говорят про нее, что это патриотическое сочинение. В устах одних это похвала, в устах других – насмешка. И те, и другие нередко меня называют сторонником (или даже защитником) подлинности «Слова о полку Игореве».

Я это решительно отрицаю.

Полагаю, что во мне есть некоторый патриотизм, но скорее всего такого рода, который тем, кто особенно много говорит о патриотизме, не очень понравился бы.

Мой опыт привел меня к убеждению, что если книга по такому «горячему» вопросу, как происхождение «Слова о полку Игореве», пишется из патриотических побуждений, то ее выводы на настоящих весах уже по одной этой причине весят меньше, чем хотелось бы.

Ведь у нас не математика – все аргументы не абсолютные. Так что если у исследователя имеется сильный глубинный стимул «тянуть» в определенную сторону, то специфика дела, увы, легко позволяет эту тягу реализовать – а именно, позволяет находить всё новые и новые аргументы в нужную пользу, незаметно для себя самого раздувать значимость аргументов своей стороны и минимизировать значимость противоположных аргументов.

В деле о «Слове о полку Игореве», к сожалению, львиная доля аргументации пронизана именно такими стремлениями – тем, у кого на знамени патриотизм, нужно, чтобы произведение было подлинным; тем, кто убежден в безусловной и всегдашней российской отсталости, нужно, чтобы было поддельным. И то, что получается разговор глухих, в значительной мере определяется именно этим.

Скажу то, чему мои оппоненты (равно как и часть соглашающихся), скорее всего, не поверят. Но это всё же не основание для того, чтобы этого вообще не говорить.

Действительным мотивом, побудившим меня ввязаться в это трудное и запутанное дело, был отнюдь не патриотизм. У меня нет чувства, что я был бы как-то особенно доволен от того, что «Слово о полку Игореве» написано в XII веке, или огорчен от того, что в XVIII. Если я и был чем-то недоволен и огорчен, то совсем другим – ощущением слабости и второсортности нашей лингвистической науки, если она за столько времени не может поставить обоснованный диагноз лежащему перед нами тексту.

У лингвистов, казалось мне, имеются гораздо большие возможности, чем у других гуманитариев, опираться на объективные факты – на строго измеренные и

расклассифицированные характеристики текста. Неужели текст не имеет совсем никаких объективных свойств, которые позволили бы отличить древность от ее имитации?

Попытка раскопать истину из-под груды противоречивых суждений в вопросе о «Слове о полку Игореве» была также в значительной мере связана с более общими размышлениями о соотношении истины и предположений в гуманитарных науках – размышлениями, порожденными моим участием в критическом обсуждении так называемой «новой хронологии» Фоменко, провозглашающей поддельность едва ли не большинства источников, на которые опирается наше знание всемирной истории.

Все мы понимаем, что в стране происходит великое моральное брожение.

Близ нас на Волоколамском шоссе, где годами нависали над людьми гигантские лозунги «Слава КПСС» и «Победа коммунизма неизбежна», недавно на рекламном щите можно было видеть исполненное столь же громадными буквами: «Всё можно купить!». Столь прицельного залпа по традиционным для России моральным ценностям я не встречал даже в самых циничных рекламах.

Вот Сцилла и Харибда, между которыми приходится искать себе моральную дорогу нынешнему российскому человеку.

Моральных, этических и интеллектуальных проблем здесь целый клубок.

По характеру моих занятий мне из них ближе всего тот аспект – пусть не самый драматичный, но всё же весьма существенный, – который касается отношения к знанию.

Вместе с яростно внушаемой нынешней рекламой агрессивно-гедонистической идеей «Возьми от жизни всё!» у множества людей, прежде всего молодежи, произошел также и заметный сдвиг в отношении к знанию и к истине.

Не хочу, однако, обобщать поспешно и чрезмерно. Вся жизнь, начиная с 25-летнего возраста (с одним не очень большим перерывом), я в той или иной мере имел дело со студентами. И это общение всегда было окрашено большим удовлетворением. Наблюдая сейчас за работой тех довольно многочисленных лингвистов, которых я в разное время видел перед собой на студенческой скамье, я чувствую, что их отношение к науке и способ действия в науке мне нравятся. И студенты, с которыми я имею дело теперь, по моему ощущению, относятся к своему делу с ничуть не меньшей отдачей и энтузиазмом, чем прежние.

Но за пределами этой близкой мне сферы я, к сожалению, ощущаю распространение взглядов и реакций, которые означают снижение в общественном сознании ценности науки вообще и гуманитарных наук в особенности.

Разумеется, в отношении гуманитарных наук губительную роль играла установка советской власти на прямую постановку этих наук на службу политической пропаганде. Результат: неверие и насмешка над официальными философами, официальными историками, официальными литературоведами. Теперь убедить общество, что в этих науках бывают выводы, не продиктованные властью предрешающими или не подлаженные под их интересы, действительно, очень трудно.

И напротив, всё время появляющиеся то тут, то там сенсационные заявления о том, что полностью ниспровергнуто то или иное считавшееся общепризнанным утверждение некоторой гуманитарной науки, чаще всего истории, подхватываются очень охотно, с большой готовностью. Психологической основой здесь служит мстительное удовлетворение в отношении всех лжецов и конъюнктурщиков, которые так долго навязывали нам свои заказные теории.

И надо ли говорить, сколь мало в этой ситуации люди склонны проверять эти сенсации логикой и здравым смыслом.

Мне хотелось бы высказаться в защиту двух простейших идей, которые прежде считались очевидными и даже просто банальными, а теперь звучат очень немодно:

1. Истина существует, и целью науки является ее поиск.

2. В любом обсуждаемом вопросе профессионал (если он, действительно, профессионал, а не просто носитель казенных титулов) в нормальном случае более прав, чем дилетант.

Им противостоят положения, ныне гораздо более модные:

1. Истины не существует, существует лишь множество мнений (или, говоря языком постмодернизма, множество текстов).

2. По любому вопросу ничье мнение не весит больше, чем мнение кого-то иного. Девочка-пятиклассница имеет мнение, что Дарвин неправ, и хороший тон состоит в том, чтобы подавать этот факт как серьезный вызов биологической науке.

Это поветрие – уже не чисто российское, оно ощущается и во всём западном мире. Но в России оно заметно усилено ситуацией постсоветского идеологического вакуума.

Источники этих ныне модных положений ясны:

– действительно, существуют аспекты мироустройства, где истина скрыта и, быть может, недостижима;

– действительно, бывают случаи, когда непрофессионал оказывается прав, а все профессионалы заблуждаются.

Капитальный сдвиг состоит в том, что эти ситуации воспринимаются не как редкие и исключительные, каковы они в действительности, а как всеобщие и обычные.

И огромной силы стимулом к их принятию и уверованию в них служит их психологическая выгодность. Если все мнения равноправны, то я могу сесть и немедленно отправить и мое мнение в Интернет, не затрудняя себя многолетним учением и трудоемким знакомством с тем, что уже знают по данному поводу те, кто посвятил этому долгие годы исследования.

Психологическая выгодность здесь не только для пишущего, но в не меньшей степени для значительной части читающих: сенсационное опровержение того, что еще вчера считалось общепринятой истиной, освобождает их от ощущения собственной недостаточной образованности, в один ход ставит их выше тех, кто корпел над изучением соответствующей традиционной премудрости, которая, как они теперь узнали, ничего не стоит.

От признания того, что не существует истины в некоем глубоком философском вопросе, совершается переход к тому, что не существует истины ни в чём, скажем, в том, что в 1914 году началась Первая мировая война. И вот мы уже читаем, например, что никогда не было Ивана Грозного или что Батый – это Иван Калита. И что много страшнее, прискорбно большое количество людей принимает подобные новости охотно.

А нынешние средства массовой информации, увы, оказываются первыми союзниками в распространении подобной дилетантской чепухи, потому что они говорят и пишут в первую очередь то, что должно производить впечатление на массового зрителя и слушателя и импонировать ему, – следовательно, самое броское и сенсационное, а отнюдь не самое серьезное и надежное.

Я не испытываю особого оптимизма относительно того, что вектор этого движения каким-то образом переменится, и положение само собой исправится. По-видимому, те, кто осознаёт ценность истины и разлагающую силу дилетантства и шарлатанства и пытается этой силе

сопротивляться, будут и дальше оказываться в трудном положении плывущих против течения. Но надежда на то, что всегда будут находиться и те, кто все-таки будет это делать.

Рекомендуемая литература

1. Хапачев Ю.П., Дышеков А.А., Оранова Т.И., Шустова Т.И. и Ивахненко Е.Н. Концепции современного естествознания. – 3-е изд. / под ред. Ю.П. Хапачева. – Нальчик: Каб.-Балк. ун-т, 1997. – 272 с.
2. Хапачев Ю.П. Фундаментальные константы химии и биологии // Российский химический журнал (Журнал Российского химического общества им. Д.И. Менделеева). – 2000. – Т. 44. – Вып. 3. – С. 3–6.
3. Квасников И.А. Термодинамика и статистическая физика. Теория равновесных систем. – М.: МГУ, 1991. – 800 с.
4. Моисеев Н.Н. Человек и ноосфера. – М.: Молодая Гвардия, 1990. – 352 с.
5. Lighthill J. The Recognized Failure of Predictability in Newtonian Dynamics // Proceedings of the Royal Society. – 1986. – P. 35–50.
6. Poincare H. Methodts nouvelles de la mecanique celeste. – Paris: Gauthies Villars, 1882.
7. Тейбор М. Хаос и интегрируемость в нелинейной механике. – М.: Эдиториал УРСС. 2001. – 320 с.
8. Ландау Л.Д., Лифшиц Е.М. Механика. – М.: Наука, 1965. – 204 с.
9. Пуанкаре А. Новые методы небесной механики // Избранные труды. Т. 1, 2. – М.: Наука, 1971–1972.
10. Арнольд В.И., Авец А. Эргодические проблемы классической механики // Серия «Регулярная и хаотическая динамика». – 1999. – № 11. – 281 с.
11. Сборник воспоминаний, посвященных великому ученому России крупнейшему математику XX века академику Андрею Николаевичу Колмогорову / ред.-сост. А.Н. Ширяев. – М.: Наука, 1993. – С. 633–733.
12. Лихтенберг А., Либерман М. Регулярная и стохастическая динамика. – М.: Мир, 1984. – 528 с.
13. Пригожин И., Стенгерс И. Время, хаос, квант. – М.: Прогресс, 1999. – 266 с.
14. Климонтович Ю.Л. Критерии относительной степени упорядоченности открытых систем // УФН. – 1996. – Т. 166, № 11. – С. 1231–1243.
15. Арнольд В.И. Теория катастроф. – М.: Наука, 1990. – 128 с.
16. Медников Б.М. Аксиомы биологии. – М.: Знание, 1982. – 136 с.
17. Аветисов В.А., Гольданский В.И. Физические аспекты нарушения зеркальной симметрии биоорганического мира // УФН. – 1996. – Т. 166, № 8. – С. 873–891.
18. Шустова Т.И., Хапачев Ю.П. Физиологические основы жизнедеятельности человека, его поведения и потребностей. – Нальчик: Каб.-Балк. ун-т, 1996. – 80 с.
19. Гумилев Л.Н. От Руси до России. – СПб.: ЮНА, 1992. – 270 с.
20. Неeman Ю. Счастливый случай, наука и общество. Эволюционный подход // Путь. – 1993. – № 4. – С. 70–90.
21. Марков А.В. Рождение сложности. Эволюционная биология сегодня. Неожиданные открытия и новые вопросы. – М.: Астрель, Сogrus, 2015.
22. Марков А.В. Эволюция человека. Книга 1. Обезьяны, кости и гены. – Сogrus, 2012. – Т. 1. – 496 с. – (Династия). – 5000 экз.
23. Марков. А.В. Эволюция человека. Книга 2. Обезьяны, нейроны и душа. – Сogrus, 2011. – Т. 2. – 512 с. – (Династия). – 5000 экз.
24. Хапачев Ю.П., Дышеков А.А., Оранова Т.И. Современная естественно-научная картина мира. Курс лекций. – Нальчик: Каб.-Балк. ун-т, 2013. – 101 с.

СОДЕРЖАНИЕ

Часть III. Живые системы	4
Лекция 16. Эволюция. Аксиомы биологии и биологические константы	4
Лекция 17. Теория РНК мира. О не и возможности наследования приобретенных принципов, лучше А.В. Маркова не скажешь	19
Лекция 18. Митохондриальная Ева и игрек-хромосомный Адам	25
Лекция 19. Физиологические основы жизнедеятельности живых информационных систем	31
Лекция 20. Высшая нервная деятельность. Психика и сознание. Физические и химические поля человека	47
Лекция 21. Структура и классификация потребностей человека. Психосоматические и психофизические расстройства. Связь психосоматической патологии с мозговыми структурами	58
Лекция 22. Гены влияют. Зеркальные нейроны. Красота и мозг. Политогам пора учить генетику (и снова частично А. Марков)	76
Часть IV. Этногенез	91
Лекция 23. Философско-исторический и естественно-научный подходы к проблеме этногенеза	91
Часть V. Закона природы как объект современной науки и как эстетическая категория	100
Лекция 24. Панорама «существования» a vol d'oiseau (с высоты птичьего полета). Проблема эволюции науки. Информационные носители социальной эволюции. Парадигма естественной и гуманитарной культур	100
Заключение	104
Постскрипtum	105
Рекомендуемая литература	109

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Редакция просит авторов руководствоваться изложенными ниже правилами

1. Статья, предоставленная для публикации, должна иметь направление экспертное заключение от учреждения, в котором выполнена работа.
2. Рукопись должна быть отпечатана на компьютере или машинке (размер шрифта – 12 кегль) через два машинописных интервала (полуторный межстрочный интервал в редакторе Word), на белой бумаге формата А4 (297x210 мм) с одной стороны листа, левое поле – 25 мм. Все листы в статье должны быть пронумерованы.
3. Статья должна быть подписана авторами и представлена в двух экземплярах.
4. Рисунки, таблицы и фотографии в текст рукописи не размещаются, а прилагаются на отдельных листах в конце статьи.
5. Начало статьи оформляется по образцу: индекс статьи по универсальной десятичной классификации (УДК), название, авторы, полное название учреждений, в которых выполнялось исследование, краткая аннотация (объем – не более половины страницы), текст статьи. Далее на отдельных листах:
 - список литературы,
 - таблицы,
 - рисунки,
 - подписи к рисункам,
 - на английском языке: название, авторы, полное название учреждений, в которых выполнялось исследование, краткая аннотация,
 - адреса для переписки, телефоны, fax, e-mail.
6. В статье должны использоваться единицы и обозначения в международной системе единиц СИ и относительные атомные массы элементов по шкале ^{12}C . В расчетных работах необходимо указывать авторов используемых программ. При названии различных соединений необходимо использовать терминологию ИЮПАК.
7. Все сокращения должны быть расшифрованы, за исключением небольшого числа общеупотребительных.
8. При упоминании в тексте иностранных фамилий в скобках необходимо давать их оригинальное написание, за исключением общеизвестных, а также в случае, если на эти фамилии даются ссылки в списке литературы.
9. При упоминании иностранных учебных заведений, фирм, фирменных продуктов и т.д. в скобках должны быть даны их названия в оригинальном написании.
10. Оформление формул должно соответствовать следующим требованиям.
 - a. Все формулы и буквенные обозначения должны быть напечатаны на компьютере, или впечатаны на машинке с латинским шрифтом, или вписаны от руки черными чернилами, с четкой разметкой всех особенностей текста (индексов, полужирного и курсивного начертаний и т.д.).
 - b. При разметке формул необходимо прописные и строчные буквы всех алфавитов, имеющих одинаковое начертание (P, S) подчеркивать простым карандашом: большие – двумя чертами снизу, маленькие – двумя чертами сверху.
 - c. Показатели степени и индексы выделять простым карандашом дугой: верхние – снизу, нижние – сверху.
 - d. Для полужирных символов (векторов) использовать подчеркивание синим карандашом.

11. Таблицы нумеруются по порядку упоминания их в тексте арабскими цифрами. После номера должно следовать название таблицы. Все графы в таблицах и сами таблицы должны иметь заголовки.

12. Рисунки предоставляются размером не менее 5x6 см и не более 17x24 см, с указанием низа и верха. Рисунки должны быть выполнены на белой бумаге черной тушью или распечатаны на лазерном или струйном принтере качеством не менее 300 dpi. Использовать другие цвета кроме черного не допускается.

13. Фотографии предоставляются на не тисненной глянцевой бумаге размером не более 9x12 см.

14. На обратной стороне рисунков и фотографий указывают фамилию первого автора, порядковый номер, верх, низ.

15. В тексте необходимо дать ссылки на все приводимые рисунки и таблицы, на полях рукописи слева должно быть отмечено, где приводимый рисунок или таблица встречаются впервые.

Требования к рукописям, предоставляемым в электронном виде

1. В целях сокращения сроков подготовки материалов к публикации желательно предоставление материалов в электронном виде. Электронная версия материалов сдается в дополнение к бумажной и должна быть максимально ей идентична.

2. Электронная версия предоставляется электронной почтой (avse@kbsu.ru), или на 3,5» дискетах, форматированных для IBM PC, либо на CD- или DVD-дисках. На диске должны быть обозначены имена файлов, название статьи и фамилия и инициалы автора(ов).

3. Основной текст статьи и таблицы предоставляются в формате MS Word for Windows (версии 6.0 и старше). Шрифт – Times New Roman, 12 кегль. Строки в пределах абзаца не должны разделяться тем же символом, что и абзацы.

4. Формулы, если это необходимо, должны быть набраны в формате MS Equation. Как в тексте, так и в MS Equation следует соблюдать следующие стили и размеры:

- a. Стил: текст, функция, числа – Times New Roman Обычный, переменная – Times New Roman Наклонный (Курсив), матрица-вектор Times New Roman Полужирный, греческие и символы – Symbol Обычный.
- b. Размер: обычный, мелкий символ – 12 пт, крупный индекс – 8 пт, мелкий индекс – 6 пт, крупный символ – 18 пт.
- c. Формат-интервал: высота/глубина индексов – 30 %, все остальное – по умолчанию.
- d. В числах следует использовать десятичную запятую, а не точку.

5. Штриховые и полутоновые иллюстрации должны быть представлены в форматах TIFF, JPEG, GIF с разрешением не менее 300 dpi. Цветовая палитра: grayscale. Каждый графический файл должен содержать один рисунок.

6. Допускается сжатие графических файлов архиваторами WinRAR или WinZIP. Каждый файл должен быть помещен в отдельный архив.

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

**АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ
СОВРЕМЕННОГО ЕСТЕСТВОЗНАНИЯ**

Редактор-корректор *Л.З. Кулова*

Компьютерная верстка *В.Н. Мидовой*

Подписано в печать 22.01.2018. Формат 60x84 ¹/₈.
Печать цифровая. Бумага офсетная. 13.02 усл.п.л. 13.0 уч.-изд.л
Тираж 1001 экз. Заказ № 100.

Оперативная полиграфия «Binding2016».
360004, г. Нальчик, ул. Тургенева, 68.